

Несостоявшийся русский царь
Карл Филипп

Алексей Смирнов

Н

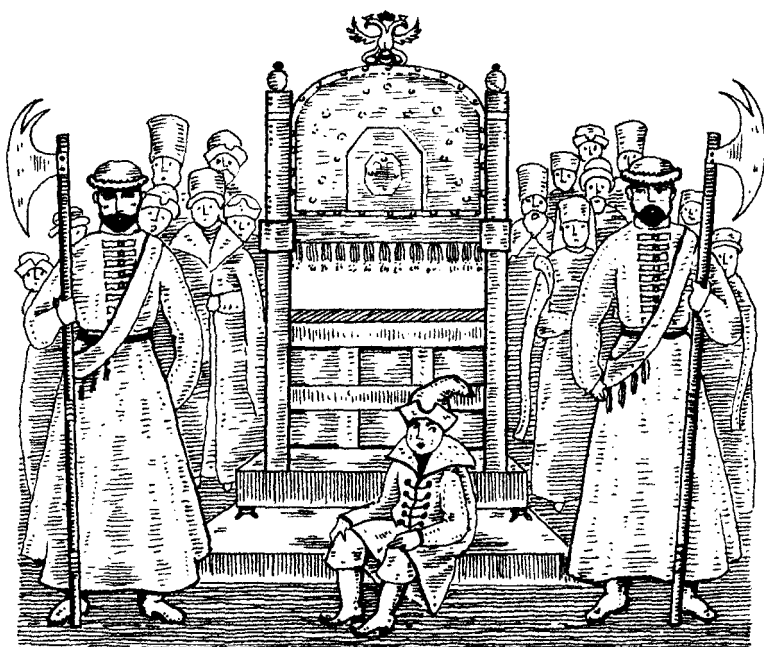
есостоявшийся
русский царь
Карл Филипп,
или Шведская интрига
Смутного времени

Алексей Смирнов

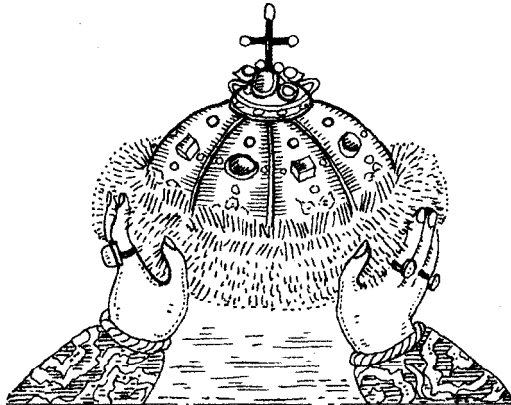
Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Алексей Смирнов

Несостоявшийся
русский царь
Карл Филипп,

или Шведская интрига
Смутного времени

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2013

УДК 94(47).045
ББК 63.3(2)46
С50

Иллюстрации И. Тибиловой

Scan by Greego

ISBN 978-5-91678-153-3

© Алексей Смирнов, 2013

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2013

Царская карусель

Выражение «внешность обманчива» как нельзя лучше подходило для характеристики шведского короля Карла IX. Господствующей мужской модой в начале семнадцатого века была собственная короткая стрижка (парики появились почти полвека спустя), и облысевший монарх проявлял чудеса изобретательности, пытаясь создать из редкой растительности на голове некое подобие прически. Придворный парикмахер, без сомнения, считал себя несчастнейшим из людей, будучи вынужденным скорбно прикрывать монаршую лысину тремя жидкими прядками волос, скрученными наподобие косичек. Два крысиных хвостика шли на лоб с висков, один тянулся к ним через весь череп с затылка. Обладателя подобной прически легко можно было причислить к людям тщеславным, поверхностным и слабовольным, зависимым от мнения своего окружения и не умеющим найти правильный выход даже из простейших житейских ситуаций. Однако считать таковым Карла IX было бы неппростительной ошибкой. Куда вернее о личных качествах короля говорил его взгляд, умный, острый и подозрительный, под которым трепетали самые верные соратники монарха. Казалось, он видел в них бездны зла, скрытые

даже от самих придворных. Карл IX, глубоко верующий лютеранин, проводивший собственные религиозные изыскания, давно пришел к выводу, что мир погряз во грехе, а видимые проявления добра чаще всего оказываются лишь коварным обличьем, в котором выступает дьявол. Опыт собственной жизни только укрепил скептическое отношение Карла к людям и его представление о том, что силы тьмы перешли в наступление, причем их передовой отряд составляют католики. В 1600 году казнь в Линчепинге десяти влиятельных аристократов, пятеро из которых были членами королевского совета, завершился переход власти в Швеции из рук смещенного законного монарха — короля Сигизмунда Вазы — в руки его дяди, герцога Зюдерманландского Карла, признанного за год до кровавой расправы с приверженцами Сигизмунда «наследным правителем государства». Сотни шведских сторонников Сигизмунда бежали в Польшу, где его в 1587 году выбрали королем. Оттуда они рассылали по всей Европе уничижительные пропагандистские сочинения. Герб Карла рисовали как сочетание палаческого меча, пыточного колеса и виселицы, сопровождая изображение следующим стихком:

Дыба, плаха, колесо — вот правителя лицо.

Дело есть у палача — рубит голову сплеча.

На кол тянут без суда — кровь повсюду, как вода.

Карл пытался представить лишение Сигизмунда власти как победу в борьбе истинной веры с «папской» ересью, но даже в лютеранских княжествах и герцогствах Германии этот взгляд на шведские события приживался с трудом. Властители Европы, вне зависимости от их религиозной принадлежности, придерживались традиционных и крайне оскорбительных для Карла представлений о настоящих причинах борьбы. По их мнению, ловкий дядя попросту использовал религию, чтобы лишиться трона католика-племянника, слишком долго находившегося в Польше и оставившего Швецию на попечение коварного родственника. Карла в Европе называли «узурпатором», «бунтовщиком», покусившимся на святая святых в этом мире — престол законного монарха. Такое не приветствовалось ни одной христианской религией, будь то католицизм, лютеранство или даже «московитская право-

славная ересь». От отчаяния новый властитель Швеции стал склоняться к кальвинизму, вызывая нарекания собственных пасторов: это направление лютеранства допускало смещение монархов, нарушавших Божии заповеди, то есть давало «небесное» оправдание совершенному Карлом перевороту.

Однако счеты с Сигизмундом еще не были закончены. Сохранив за собой титул шведского короля, племянник не оставлял планов вернуть себе шведский престол. Со своими «шпионскими мухами» (так дословно называли в то время лазутчиков) он отправлял в Швецию секретные послания, в которых извещал подданных о скором победном возвращении, требовал не выполнять распоряжений незаконного правителя и призывал переходить на свою сторону в сражениях. Пока война с поляками шла вдалеке от Швеции, два государства всю делили Эстляндию и Лифляндию, но настоящим кошмаром для Карла была возможность удара Сигизмунда по Финляндии. Для высадки морского десанта поляки не обладали достаточным количеством кораблей — риск оказания помощи Сигизмунду флотом католической Испании представлялся слишком отдаленным — но «папские силы», воплощением которых для Карла являлся Сигизмунд, могли проникнуть в Финляндию через Россию.

В 1602 году превосходная польская кавалерия, состоявшая менее чем из четырех тысяч всадников, наголову разбила 14-тысячное шведское войско в сражении под Киркхольмом, возле Риги. Сам Карл едва спасся, уйдя от погони на коне шведского дворянина, пожертвовавшего собой ради монарха. Опыт Киркхольма показывал, что, если польская армия войдет в границы Швеции — Финляндии, устоять против нее будет крайне трудно. Карлу доносили о возможности сближения Польши и России; случись подобное — на пути прорыва армий соединенных государств в Финляндию стояла бы лишь Выборгская крепость. В 1600–1601 годах в Москве побывало большое польское посольство во главе с литовским канцлером Львом Сапегой, представившим проект унии между Польшей и Россией, по типу той, что существовала между Польшей и Литвой. Предполагалось чеканить общую монету, построить совместный флот на Балтике, проводить единую внешнюю политику.

Повторялась история 1586 года, когда русские послы, приехавшие в Краков на сейм, предлагали в польские короли царя Федора и рисовали заманчивые перспективы объединения двух государств. Лишь недостаток средств на подкуп шляхты и чрезмерные требования московитов сорвали соглашение. «Москвитяне хотят пришить Польшу к своей стране, как рукав к кафтану!» — воскликнул один из избирателей, недовольный предложением переноса общей столицы в Москву и представленным русскими послами проектом герба, в котором корона Польши была помещена под шапкой Мономаха. Однако условия союза Польши и России, предложенные Львом Сапегой, были куда более реалистичны.

К счастью для Швеции, русский царь Борис Годунов преследовал приземленные цели: он хотел воспользоваться схваткой шведов и поляков для территориальных приобретений. Татишев, который вел переговоры с русской стороны, шантажировал Сапегу тем, что якобы Карл «покоряется царю и уступает ему Эстляндию» и потому от польского короля Сигизмунда в Москве ждут столь же интересных предложений. Дискуссия тотчас приобрела более острый характер. Протокол переговоров сохранил для потомства следующий обмен репликами несостоявшихся союзников, свидетельствующий о том, что стороны не пришли к взаимопониманию. «Ты лжешь!» — со свойственной русским дипломатам начала семнадцатого века простотой резал Татишев, на что Лев Сапега, теряя европейский лоск, отвечал соответствующим образом: «Ты сам лжешь, холоп! Тебе бы говорить с конюхами, которые убирают навоз, да и среди них найдутся более воспитанные, чем ты!»

Одновременно Борис Годунов вел переговоры с прибывшим в Москву шведским посольством, добивавшимся подтверждения Тявзинского мира. Думные бояре царя умело использовали напряженную ситуацию, возникшую от присутствия в русской столице посольств враждующих государств. Они сообщали шведам, многозначительно кивая в сторону польского подворья: «Сигизмунд так желает союза с царем, что передает ему всю Ливонию».

Царь Борис даже по русским меркам считался человеком необразованным — как и все русские монархи, он не

знал ни одного иностранного языка, к тому же, в отличие от своих предшественников на престоле, не мог читать и писать даже на родном языке — однако хитроумия ему было не занимать. Русские славились за границей как большие любители шахматной игры, и Борис в дипломатической партии с поляками и шведами подготовил пешку, готовую пройти в ферзи. Он представил Льву Сапеге шведского принца Густава, незаконного сына Эрика XIV и Екатерины Мансдоттер, которого предполагал выставить кандидатом на шведский престол. Борис выманил нищего принца из Италии, где тот занимался алхимией и медициной, получив прозвище «Нового Парацельса» в честь знаменитого немецкого врача и химика XVII века. Свое пропитание Густав многие годы добывал, работая конюхом. Русский царь обещал женить принца на своей дочери Ксении и помочь ему добыть шведскую корону. Увы, Новый Парацельс самым неожиданным образом подвел своего покровителя. По пути в Россию Густав встретил в Данциге молодую женщину по имени Катерина, жену хозяина гостиницы, и воспылал к ней такой страстью, что вывез с собой в Россию семейную пару. Он не только не мог расстаться со своей данцигской пассией даже ради царской дочки, но и отказался участвовать в интриге против Швеции. Борис впоследствии отправил Густава в почетную ссылку в Углич. Новый Парацельс умер в 1607 году, так и не выйдя в ферзи. Перспективе стать шведским королем он предпочел катание на санях по ухабистым улицам провинциального городка со своей подругой — «полностью завладевшей» им, как он сам жаловался случайным знакомым.

Однако в 1601 году никто не мог предвидеть, чем обернется царская интрига с Густавом. И польские, и шведские дипломаты видели в поведении Бориса явную угрозу своим монархам. Оба посольства покинули Россию ни с чем.

Поляки подписали с царем Борисом двадцатилетнее перемирие, а по возвращении домой Лев Сапега, находясь под впечатлением несветского обхождения с ним и отсутствия у царя широты политических взглядов, представил королю более традиционный проект, чем тот, с которым он отправлялся в Московию. Это был план войны с Россией.

Гроза на этот раз миновала Швецию. Но Карл IX не хотел рисковать, рассчитывая на непреодолимые разногласия между своими врагами. В конце концов, русский царь и один, даже без помощи Польши, вполне мог попытаться вторгнуться в Финляндию, что уже много раз случалось прежде. Эта часть королевства была крайне уязвима после недавней гражданской войны, шедшей между сторонниками Сигизмунда и Карла.

В своей речи перед сословиями летом 1602 года в Стокгольме Карл обрисовал внешнеполитическую ситуацию страны, сделав вывод, что русские — самые опасные соседи Швеции, которых не остановят никакие уступки: «У шведов три соседа — датчане, поляки и русские. С датчанами они могут жить в мире, если уступят им “Три короны”, являющиеся исконным шведским гербом, отдадут им старинные шведские владения в Лапландии, позволят свободно, наравне со шведами, торговать со всеми рудниками королевства и никогда не станут вспоминать о несправедливостях, причиненных датчанами со времен Штеттинского мира. С поляками можно заключить мир в течение восьми лет, стоит только отдать им Пернау и Дерпт и не вдаваться в существо конфликта. Правда, неизвестно, что шведская корона от всего этого выиграет. Что же касается русских, то с ними можно находиться в дружеских отношениях, если отдать им Нарву, Ревель и Выборг. Но даже в таком случае мир будет длиться лишь до тех пор, пока русским сие будет угодно».

Казалось, поведение русского царя Бориса оправдывало худшие предчувствия Карла. Тявзинский мир 1595 года до сих пор не был ратифицирован царем, недовольным тем, что Нарва вновь, после недолгого пребывания в составе России, отходила на вечные времена к Швеции. Формально упрекнуть русскую дипломатию было не в чем — мир подписывался с королем Швеции Сигизмундом, и после изгнания из страны он призывал царя Бориса не обращать внимания на козни герцога Карла, то задерживавшего передачу во владение России, согласно условиям договора, Кексгольмской крепости с прилегающим районом, то требовавшего закрепить соглашение крестным целованием между ним, герцогом, и царем Борисом. «Об этом следует говорить лишь с Нами, и ни с кем иным», — заявлял Сигизмунд, обещая, что в ско-

ром времени он вернется в Швецию и тогда можно будет провести торжественную церемонию ратификации договора.

Увы, времена в Швеции не слишком благоприятствовали нормализации отношений с соседними странами. Сигизмунда, прибывшего в 1596 году в Швецию с войском для утверждения своей власти, Карл разбил в сражении при Стонгебру два года спустя, и коронованный шведский монарх бежал в Польшу, чтобы больше никогда не появиться на родине.

«Мы должны ратифицировать мир!» — в разных вариациях повторял Карл в своих посланиях русскому царю, но Москва отделялась уклончивыми ответами. Казалось, Борис Годунов выбрал верную тактику выжидания: Россия в его правление богатела и набирала силу, а Швеция, истощенная войной с Польшей и внутренними неурядицами, постепенно теряла возможность вести диалог с Москвой на равных.

И тут на помощь Карлу пришла сама природа. Три года подряд из-за сильных дождей и заморозков в России был неурожай. Голод в 1603 году достиг страшных масштабов, попытки Бориса накормить умирающих, раздавая деньги нищим в Москве, лишь усилили хаос и опустошили казну. Услышав о царских благодеяниях, люди со всей страны потянулись в Москву, многие умирали в дороге, но даже те, кто добрался до столицы, могли рассчитывать лишь на скорую смерть: царские запасы хлеба быстро закончились, цена на зерно взлетела в сотни раз — денежные подавания не могли спасти голодающих. «Клянусь Богом, истинная правда, что я собственными глазами видел, как люди лежали на улицах и, подобно скоту, пожирали летом траву, а зимой сено. Некоторые были уже мертвы, у них изо рта торчали сено и навоз, а некоторые пожирали человеческий кал и сено. Не сосчитать, сколько детей было убито, зарезано, сварено родителями, родителей — детьми, гостей — хозяевами и, наоборот, хозяев — гостями. Человеческое мясо, мелко-мелко нарубленное и запеченное в пирогах, продавалось на рынке за мясо животных и пожиралось, так что путешественник в то время должен был остерегаться того, у кого он останавливался на ночлег», — рассказывает об увиденном в Москве Конрад Бусов, немец, служивший в России и оставивший свои воспоминания об этом периоде своей жизни.

«Голод в России — наказание свыше за то, что русские не хотят подтверждать вечного мира Швеции с Россией!» — так отреагировал Карл на известие о постигшем Московию страшном бедствии. Под страхом смертной казни он запретил вывозить зерно из Нарвы в Россию на продажу. Границу Швеции с Россией закрыли для толп голодающих. Голод должен был стать лучшим шведским дипломатом в переговорах с высокомерным царем Борисом.

Лишь хороший урожай 1603 года остановил бедствие. За три голодных года умерло около полумиллиона человек. Центр страны обезлюдел — крестьяне бежали на более сытые южные окраины государства, тысячи дворовых холопов, выгнанных боярами на улицу, чтобы не кормить лишние рты, составили шайки разбойников. Царя Бориса проклинали как виновника всех обрушившихся на страну бед. Стабильность России была нарушена, люди, увидевшие себя в зверином обличье, уже не могли вернуться к прежней добропорядочной жизни. Понятия добра и зла исчезли из народного представления.

Карл IX, разбирая донесения шведских лазутчиков, сообщавших о политических и экономических новостях из России, не мог не обратить внимания на слухи о различных дурных знамениях и приметах, расходившиеся по стране. Ночная смена стрельцов, направлявшаяся в Кремль, видела, как над царскими палатами пронеслась колесница, запряженная шестерней. Ямщик, одетый по-польски, хлестал своим бичом ограду дворца и так ужасно кричал, что стрельцы разбежались. В разных местах люди наблюдали мчавшуюся по небу днем комету — верный знак беды. На улицах Москвы вдруг появилось множество лисиц необычной темной окраски, похожих на сибирских чернобурок. Где-то видели волков, пожиравших друг друга, в одной местности вдруг перевелась рыба, а в другой разом исчезли все птицы. Для Карла IX подобные сообщения несли ясную практическую информацию: русский народ потрясен и общество готово к переменам самого ужасного свойства, нужно только ждать.

Голод нанес смертельный удар по династии Годунова. Уже несколько лет в России бродил слух о том, что младший сын Ивана Грозного царевич Дмитрий, загадочно погибший в Угличе, на самом деле остался жив. Он обладал куда боль-

шими правами на престол, чем выскочка Годунов, который, по мнению бояр, хитростью и обманом сел на русский трон. Рассказы о том, что Дмитрий не погиб, вскоре получили реальное подтверждение. В мешках с зерном, отправлявшихся из Польши в голодную Россию, стали попадаться воззвания, подписанные его именем. Царевич объявлял, что Борису Годунову не удалось умертвить его и скоро он сам придет из Польши в Россию, чтобы сесть на трон.

В октябре 1605 года Дмитрий, перейдя Днепр возле Киева с кучкой польских и русских авантюристов, вступил на российскую территорию. Казалось, страна лишь ждала появления человека, способного сменить ненавистного царя Бориса. Города один за другим сдавались царевичу без боя, многотысячные армии, посылаемые царем из Москвы, переходили на сторону самозванца. Бояр и воевод, сохранявших верность Борису, задерживали восставшие горожане. Так, например, воеводу Путивля Михаила Салтыкова, решившего оказать сопротивление приближавшемуся войску Дмитрия, жители города схватили и, привязав ему к бороде веревку, в таком виде, точно ручного медведя, привели в лагерь Дмитрия.

Царь Борис писал длинные письма к европейским дворам, в том числе и в Швецию, объясняя, что человек, выдающий себя за царевича Дмитрия, — беглый монах Гришка Отрепьев и ему не следует верить, однако слова не могли заменить военную удачу. Карл IX послал в начале 1605 года на границу с Россией комиссаров с предложением военной помощи против самозванца. За это Борис должен был подтвердить крестным целованием Тявзинский мир и отдать Швеции Кексгольм и Ивангород. Пока шведские и русские представители спорили о месте переговоров — шведы предлагали деревню Систербэк на реке Сестре, русские настаивали на Нарве, — положение царя Бориса все ухудшалось. Весной 1605 года он сообщил, что готов принять предложенные шведами условия, но дипломатическая победа ушла буквально из-под носа Карла IX. Борис Годунов отправился в мир иной: то ли сам отравился от обрушившихся на него несчастий, то ли умер от болезни. О причинах его смерти из России поступали противоречивые сведения. Подготовленный шведами проект трактата так и остался неподписанным.

О происходящем в России шведы обычно узнавали из Ивангорода, отделенного от шведской Нарвы рекой. Жители обоих городов встречались на рынке, обмениваясь новостями, рыбаки съезжались на середине реки, чтобы посудачить о своих делах, но вернее всего о переменах в жизни Московского государства можно было узнать по неурочному звону колоколов и пушечной пальбе со стен Ивангородской крепости. Так и случилось 14 июня 1605 года. Из-за реки вдруг загрохотали пушки, затем поплыл колокольный звон. Ивангород заранее чувствовал нового русского царя Дмитрия Ивановича. В Москву он торжественно вступил лишь в конце месяца.

Царю Дмитрию было около двадцати пяти лет, он не носил обычной у русских бороды, был невысок и смугл лицом, с коротким и широким носом, под правым глазом около носа у него темнела бородавка. Хотя внешне он совсем не походил на своего отца Ивана Грозного, многие искренне верили в его царское происхождение. «Если мы примем во внимание его уверенность, мы увидим, что он должен был быть по меньшей мере сыном какого-нибудь государя, — делится своими впечатлениями от встречи с Дмитрием французский капитан Маржерет, служивший в Москве в царской охране. — Его красноречие очаровало всех русских, в нем светилось некое величие, которое нельзя выразить словами и невиданное прежде среди русской знати и еще менее среди людей низкого происхождения, к которым бы он неизбежно должен был принадлежать, если бы не был сыном Ивана Васильевича».

Впрочем, Карла IX не слишком интересовало, истинный или ложный царевич сел на русский трон. Куда важнее было выяснить его политические взгляды и намерения в отношении Швеции. Новости об этом приходили самые тревожные. Весь поход Дмитрия на Москву, по глубокому убеждению советников короля, был польской интригой, устроенной иезуитами, которые хотели внедрить в России католичество и — с русской помощью — вернуть Швецию в лоно Римской церкви. В Москву с Дмитрием приехали тысячи поляков, в том числе и католические священники, а сам царь демонстрировал явную приверженность польским обычаям. Русских возмущало, что он не спит днем, как то полагалось в Московии, пляшет на балах, нарушая царское достоин-

ство, и ест телятину, что свидетельствовало о грубом пренебрежении православными нормами. «Царь-то не настоящий, это поляк, а не русский!» — такие слухи, подогреваемые боярами и священниками, ползли по Москве, вновь приводя в волнение едва успокоившееся русское общество. В том, что Россия может быть использована поляками как плацдарм для захвата Швеции, были убеждены многие находившиеся в русской столице иностранцы. Английский агент Плессен в сентябре 1605 года сообщал в Англию: «Король польский тайне помогал помянутому Дмитрию отчасти для угождения папе, отчасти ради своей выгоды и (ближайшим образом) для того, чтобы получить возможность когда-либо возратить себе королевство шведское».

Молодой царь был холост, что еще больше осложняло политические прогнозы. Одно дело, если он выберет себе невесту на родине, в одном из боярских родов, как это было заведено в Московии, и совсем другое, если Сигизмунд привяжет его к себе еще крепче, дав в жены одну из своих родственниц. Когда Карлу IX донесли, что русский царь намерен взять себе супругу в Польше, он решил, что речь идет о сестре Сигизмунда принцессе Анне. Предстоящую свадьбу нужно было остановить любым способом! Карл IX пришел в такое отчаяние, что решился на крайне рискованный и недостойный высокой дипломатии поступок. Наместник в Нарве Самуэль Нильссон получил приказ передать воеводе в Ивангороде Ивану Салтыкову, что принцесса Анна отличается безнравственной и разгульной жизнью и потому не может быть хорошей супругой русского царя. Ответ из Ивангорода прозвучал для Карла IX как пощечина. Иван Салтыков сообщил, что не собирается направлять в Москву столь бесстыдное послание, оскорбляющее царя. Что же касается утверждений о низких нравственных качествах принцессы, то не в интересах шведского короля афишировать это, поскольку «она с вашим господином королем Карлом родная и относится к одной с ним семье и тесно с ним общалась».

Впрочем, Карл IX напрасно беспокоился о том, что русскому царю могут подsunуть его разгульную родственницу принцессу Анну. В мае 1606 года в Москве короновалась в царицы Марина Мнишек, дочь сандомирского воеводы, у которого

Дмитрий жил во время своего пребывания в Польше. Но этот брак уже ничего не мог изменить ни в худшую, ни в лучшую сторону для Швеции. На аудиенции у Дмитрия успел побывать посланник Карла Фредерик Татс, предложивший царю ратифицировать Тявзинский договор и заключить союз против Польши. Король, зная о польских симпатиях Дмитрия, шел ва-банк, принося в жертву своего дипломата. Дмитрий приказал задержать Татса, чтобы впоследствии передать его Сигизмунду, а Карлу IX направил высокомерное письмо, где предлагал вернуть престол законному шведскому государю Сигизмунду. Послание свидетельствовало о крайней самоуверенности нового властителя России. В его титуле появилось невиданное в Европе добавление — «непобедимейший». Не напрасно секретарь Дмитрия поляк Бучинский предупреждал царя, что того погубит заносчивость, ведь только Бог может быть непобедимым!

27 мая 1606 года устроенный боярами дворцовый переворот увенчался успехом. Дмитрий был убит. Царя и его ближайшего соратника Петра Басманова раздели догола и, привязав к ногам веревку из мочалы, выволокли из Кремля и бросили на базаре. «Затем туда были принесены стол и скамья, — пишет свидетель происшедшего Конрад Буссов, — царя положили на стол, а Басманова поперек на скамью перед столом, так что ноги царя лежали на груди Басманова. Из Кремля приехал боярин с маской и волынкой, маску он положил царю на живот у стыдного места, а дуду от волынки воткнул ему в рот, положив меха на грудь, и сказал: «Ты, сукин сын и обманщик земли нашей, достаточно долго заставлял нас свистеть для тебя, посвисти же разок теперь и ты для нас!» Три дня лежал царь, которого еще недавно чествовала вся Москва, на базаре, и все, кто хотел, могли над ним надругаться. Его вымазали дегтем, женщины превратили в сплошную рану его детородный орган, сорвав прикрывавшую его маску и натянув ее на лицо Дмитрия. Наконец изувеченное тело зарыли в землю за городом.

Вслед за этим внезапно наступил холод, длившийся восемь дней, погубивший все хлеба и даже траву на полях. По Москве поползли тревожные слухи. Одни говорили, что Дмитрий был колдуном и теперь будет мстить за свою смерть, дру-

гие — что заморозки явились как Божье наказание за убийство законного властителя. Царем выбрали боярина Василия Шуйского. Даже внешне он не походил на героя, необходимого России на троне в это тяжелое время. Царь был, по описанию современника, «приземист и смугловат. Носил бороду лопаткой, наполовину седую. Небольшие воспаленные глаза уныло глядели из-под густо заросших бровей. Нос с горбинкой казался излишне длинным, а рот чересчур широким на круглом лице».

Шуйский, опасаясь, что народные волнения сметут его с шаткого трона, распорядился выкопать тело Дмитрия, порубить на куски и сжечь. Затем пепел зарядили в пушку и выстрелили им в сторону Польши. «Иди туда, откуда пришел!» — кричали при этом заправлявшие отвратительной церемонией приспешники нового властителя.

Во время устроенного при смещении Дмитрия побоища толпа убила почти три тысячи поляков, съехавшихся на свадебные торжества в Москву. «А которых Господь Бог сохранил, тех совсем обобрали. Из тех, что в живых остались, много было раненых, поколотых. Притеснения и жестокости свирепые и неслыханные! — рассказывает один из поляков, переживших жуткую ночь. — Над бездыханными трупами измывались. Кололи, пороли, четверговали, жир из них вытапливали, в болото, в гноище, в воду метали и совершали всяческие убийства... Около полудня этот дебош унялся. Несколько раз снова возникали стычки и нашим чинились жестокие притеснения и мучения. Более всего нашим вреда творили чернецы и попы в мужичьей одежде, ибо и сами убивали, и чернь приводили, приказывая нас бить, говоря, что “литва” приехала нашу веру рушить и истреблять... В тот же день по улицам лежали нагие тела убитых с ужасными ранами, вплоть до утра, когда их похоронили всех в могилах под Москвой, других в болотах и гноищах погребли, а некоторых в воду пометали».

Это была вторая Варфоломеевская ночь, похожая на парижское побоище даже в деталях. Накануне восстания дома, в которых жили поляки, пометили мелом. Многие из убитых были людьми знатными. Большое польское посольство, находившееся в то время в Москве, пощадили, но дипломатов и их свиту ограбили и посадили под арест.

О сближении нового русского властителя с Польшей отныне не могло идти и речи.

Ивангородский воевода Салтыков, еще недавно так ревностно отстаивавший честь царя Дмитрия, передал в Нарву радостное известие, что на российский трон взошел настоящий царь Василий, а мошенник папист убит.

Однако спокойного царствования у царя Василия не получилось. Не успел развеяться дым от выстрела пушки с прахом Дмитрия, как в России заговорили о его чудесном спасении. «Тот, кого бояре выдавали за убитого Дмитрия, был другим человеком!» — шептали в Москве, передавая из уст в уста рассказ поляка Хвалибога, лакея Дмитрия, уверявшего, что он не узнал своего господина в человеке, труп которого был выставлен на Лобном месте. Бояре представили народу тело низенького толстого человека с начисто выбритой головой и волосатой грудью, царь же был худощав, выше ростом, носил локоны до ушей по моде европейских студентов, и на груди у него не было волос.

Шутовская маска, которой прикрыли обезображенное побоями лицо Дмитрия, теперь оказалась главным аргументом в пользу чудесного спасения царя. «Зачем закрыли лицо царя, если подмены не было! Недаром бояре сожгли тело человека, которого они выдавали за Дмитрия, — они боялись, что их уличат в обмане», — слух полз по базарам и кабакам русской столицы, и шпионы нового царя ничего не могли с этим поделать. Схватит стража одного смутьяна, а на его месте тут же появляются двое других! Казни и пытки лишь убеждали чернь в боярском заговоре. Царь Василий Шуйский, носивший обидное прозвище Шубник из-за развернутого в его вотчинах выгодного шубного производства, не знал, что предпринять для успокоения страны. Он запутался в интригах, пробивая себе путь к престолу. «Царь Василий изолгался!» — говорили в Москве, вспоминая, как Шуйский, возглавлявший в свое время комиссию по расследованию обстоятельств гибели царевича Дмитрия в Угличе, уверял, что мальчик погиб, напорвшись на собственный нож. Затем, когда из Польши пошел на Москву победоносный претендент на престол, объявивший себя Дмитрием, Шуйский объявил, что истинный царевич спасся и лично выехал встре-

чать польского ставленника в Тулу, готовя его торжественное вступление в Москву.

Народ мог бы простить Шуйскому прежний обман, если бы его выбрал в цари Собор, представлявший всю страну. Но кучка бояр, решившая сделать Шуйского царем, боялась проиграть и потому торопилась с утверждением его на троне. Даже среди московских бояр единства по поводу кандидатуры Шуйского не было. За депутатами в другие российские города посылать не стали. Еще не стерлась с деревянных московских мостовых кровь убитых поляков, как Шуйского провозгласила царем толпа его московских сторонников. «Другого царя князя Василия Ивановича Шуйского избрали. На этом избрании было очень мало бояр и народа; без позволения всех избрав, царя сразу представили миру», — сообщает дневниковая запись одного из поляков, находившегося в те дни в Москве. Тот же автор так рассказывает о действе, с помощью которого новый царь решил окончательно развеять слухи о спасении Дмитрия. В Углич послали комиссию, которая разыскала могилу погибшего два десятка лет назад царевича, и мощи торжественно привезли в Москву, объявив Дмитрия святым. Главным доказательством «мученичества» царевича, приблизившего его к Богу, считалась нетленность тела — и потому останки Дмитрия подменили: «...здесь был свежий труп. С великим обрядом проводили тело в церковь, в которой хоронят московских царей. Там надолго встали. Торжество, церемония, крестный ход со звонами возвещали о больших чудесах, творившихся около того тела. Наняли мужика, который притворился слепым, как мы узнали об этом, и когда его подвели к гробу, прозрел. Но другим — хромым, немощным — никому не помогало. Эти уловки и плутовство, которыми чернь ослепляли, продолжались до следующего дня».

Тех, кто сомневался в истинности организованных чудес, ждало суровое наказание. Патриарх объявил об отлучении от церкви особенно злостных скептиков, а колеблющимся было предложено для чтения наскоро составленное житие нового святого, в котором говорилось, что неповинным страданием убиенный царевич стяжал себе нетление и дар чудес.

Москва окончательно хоронила Дмитрия, а на южных окраинах России происходило его новое рождение. Многие города

не признали власть Шуйского, отказавшись верить в смерть первого Лжедмитрия. Спасшегося царя еще никто не видел, но его именем уже начался захват территорий, верных Шуйскому. Волна восстания пошла из Северной области, пограничной с Польшей. Во главе многотысячного разношерстного войска, состоявшего из запорожских и донских казаков, беглых крестьян и мелких помещиков, встал Иван Болотников, бывший боярский холоп, испытавший и седло казачьего коня, и скамью турецкой галеры. Он объявил себя воеводой царя Дмитрия и двинул свою армию на Москву. «Убивайте бояр и дворян, берите себе их жен и дочерей!» — эти воззвания Болотникова к крестьянам и городской бедноте срабатывали лучше всяких петард, открывая перед ним ворота крепостей. Взяв город, воеводы Болотникова устраивали «народный суд» над приверженцами Шуйского. Их затаскивали на колокольни и спрашивали собравшихся внизу горожан: «Судить или миловать?» Чаще всего разъяренные массы орали «Судить», и тогда несчастного тут же сбрасывали вниз, к ногам толпы.

С лета 1606 года Карл IX забрасывал Василия Шуйского предложениями о помощи против восставших, но Москва поначалу вообще отрицала факт беспорядков в государстве. Шуйский сообщал шведскому королю, что его армия вышла в поход против татар. Когда царским войскам удалось одержать несколько побед над Болотниковым, к Василию Шуйскому вернулось свойственное московским царям высокомерие. Он приказал воеводе в Кореле (Кексгольме) князю Мосальскому писать в Выборг, для передачи Карлу IX: «Великому государю нашему помощи никакой ни от кого не надобно, против всех своих недругов стоять может без вас и просить помощи ни у кого не станет, кроме Бога».

Однако пренебрежительный тон царского ответа не мог обмануть Карла IX. Наместники в Нарве и Выборге сообщали о бурлении в приграничных русских районах, о том, что важные крепости, в том числе Корела и Орешек (Нотебург), не признают Шуйского царем, сохраняя верность Дмитрию. Повсюду рыскали шайки конных казаков, грабивших всех без разбора и присягавших то Шуйскому, то Дмитрию из соображений собственной выгоды. Конечно, дела царя обстояли совсем не так хорошо, как он пытался это представить. От

письма к письму тон посланий Карла IX Шуйскому становился все более угрожающим. Он предлагал срочно организовать встречу комиссаров в пограничной деревне Систербэк для обсуждения ратификации Тявзинского мира, в противном случае Карл будет искать примирения с поляками и начнет захватывать русские территории. «Не выбирайте слов, добиваясь своего», — инструктировал король своих представителей, считая, что своим обычным вежливым стилем общения дипломаты лишь испортят важное дело. Комиссары получили инструкцию требовать у русских на переговорах все важные приграничные крепости: Нотебург, Кексгольм, Ям, Копорье, Ивангород и Колахус. Впрочем, если бы русские сочли эти притязания чрезмерными, можно было уступить, согласившись лишь на ратификацию мирного договора. С начала августа 1606 года шведские комиссары кормили комаров в лесной глуши на берегу быстрой и узкой реки Сестры, ожидая прибытия русских посланцев. Прошел месяц, начался второй, наступили осенние холода, полились дожди — вести переговоры было не с кем. Царь явно уходил от ответа, сообщая, что прибытие его представителей задерживается из-за моровой язвы в России. По той же причине он не мог отпустить домой находившееся в Москве шведское посольство. Карл IX был уверен, что эпидемия в России утихнет, как только царь убедится в серьезности его угроз. В Выборг стали стягиваться войска, которым было приказано неожиданным броском захватить Кексгольм или Нотебург в качестве залога для переговоров с Россией. Если представится случай, следовало взять и куда более серьезный куш — мощную Ивангородскую крепость. Здесь Карл возлагал надежды на вербовку ивангородского воеводы князя Салтыкова, тайного противника Шуйского.

Нарвский и выборгский наместники и сидевшие без дела на Сестре комиссары получили инструкции оказывать покровительство русским перебежчикам и пытаться отделить от России Новгород. Новгородцам следовало напоминать о временах их свободы от Москвы и обещать помощь Швеции, если Новгород снова, как это было чуть более ста лет назад, захочет стать независимым. Если Новгород решит перейти под покровительство Швеции, это также следовало приветствовать.

Карлу IX не пришлось прибегать к интервенции — на него работали успехи восставших. Поняв, что без «живого царя» победить Шуйского будет трудно, Болотников послал в мае 1607 года своего атамана Заруцкого к польским рубежам с откровенно циничным поручением «искать Дмитрия». Замену первому Дмитрию искали не только болотниковцы: свой царь нужен был польским и литовским авантюристам, спасшимся после московского побоища и горевшим жаждой мести, о новом Дмитрии мечтали тысячи польских дворян, не знавших, кому предложить свой меч после закончившегося в Польше восстания против короля Сигизмунда, так называемого «рокоша». Дмитрия ждали вольные шайки казаков и холопов, расплодившиеся по всей России. И в августе 1607 года в белорусском городке Стародубе-Северском пропавший царь неожиданно обнаружился. В историю он вошел как «вор», поскольку, в отличие от первого Лжедмитрия, человека яркого и незаурядного, по своим личным качествам мог играть лишь роль марионетки в руках использовавших его людей.

Русские послы, отправленные Василием Шуйским в Польшу для улучшения отношений между двумя государствами после убийств и арестов польских подданных в Москве, так доносили в своем отчете о результатах расспросов людей, видевших очередного претендента на престол и ответивших на вопрос «каков он рожем и волосом и возрастом»: «И они сказывали, что возрастом не мал, рожем смугол, нос немного покляп, брови черны не малы, нависли, глаза не велики, волосы на голове черны курчеваты, ото лба вверх взглаживает, ус чорн, а бороду стрижет, на щеке бородавка с волосы, по полски говорит и грамоте полской горазд, и по латыни говорить умеет». Роль Дмитрия взял на себя нищий белорусский учитель, которого несколько мелких дворян вытащили из тюрьмы. В своих воспоминаниях поляки, служившие у «вора», рассказывают, что в его царское происхождение мало кто верил. Убедить войско не помог даже «экзамен», устроенный новому царю на глазах у всех одним из приближенных князя Рожинского, выбранного поляками своим гетманом. Этот приближенный, некий Тромбчинский, знавший первого Дмитрия, стал расспрашивать «вора» о разных событиях, случившихся при его предшественнике. Тот отве-

чал правильно, поправляя там, где вопрос содержал заведомые неточности. Всем было выгодно признать устроенный спектакль успешным испытанием царя. Когда бояре Василия Шуйского утверждали в письме польскому королю, что «вора водят с собою» по Московскому государству «королевские люди князь Р. Ружинский да князь А. Вишневецкий с товарищи, называючи его прежним именем, как убитый Рострига назывался, — царевичем Дмитрием Ивановичем», они были недалеко от истины. Князь Рожинский при первой же встрече со вторым Лжедмитрием продемонстрировал, какая роль отводится тому в походе на Москву. «Чтобы царь не сбежал, мы прямо на круге выбрали стражу и поставили при нем. От отчаяния он решил себя уморить и выпил немыслимо сколько водки, хотя всегда был трезвым», — пишет в своем дневнике польский ротмистр Николай Мархоцкий.

Ядро армии второго Лжедмитрия составили четыре тысячи польских дворян, профессиональных воинов, сражавшихся в конном строю в тяжелых доспехах. К ним стали стекаться поляки, находившиеся в русском плену в разных городах. «Из нашего товарищества 15 слуг разных панов составили заговор и присягнули на том, чтобы уехать к войску, которое было против Шуйского, кого бы там ни застали: хоть Дмитрия, хоть Петрушку, хоть кого-нибудь другого», — сообщает дневниковая запись одного из поляков, содержавшегося под стражей после московского побоища.

К осени 1608 года в лагере второго Дмитрия, по подсчетам поляков, было «18 000 польской конницы и 2000 хорошей пехоты, не считая 30 000 запорожских казаков и 15 000 донских». Практически вся Россия оказалась в руках сторонников второго Лжедмитрия, у Шуйского оставались лишь Москва, Новгород с русским Севером и Нижний Новгород. Ворваться в Москву с ходу в июне 1608 года Лжедмитрию не удалось, и он предпринял ее осаду. В местечке Тушино под Москвой вырос огромный деревянный город — временная его столица. На вершине холма разместился его дворец: просторная деревянная изба, окруженная шатрами польских военачальников и избами русской знати. Ниже раскинулись наспех сколоченные крытые соломой будки, в которых устроился народ попроще.

По сути дела, один город вел осаду другого. Число сторонников Шуйского таяло, в армию стали призывать даже чиновников, занимавшихся сбором налогов, из тюрем выпустили преступников и, кое-как приютив, дали им в руки оружие. Дворяне, обязанные нести военную службу, скрывались от призыва по домам городских обывателей и крестьянским избам. Царские грамоты запрещали не только укрывать, но даже впускать в дом дворян, грозя заслушание лишением имущества и казнью. Прежде такого не бывало. Царь еще мог набрать большое войско, но оно скорее походило на кусок гнилой дерюги, расплзающейся в руках при малейшем усилии. Даже Москва, считавшаяся прежде главной опорой Шуйского, стала колебаться. Рассказывая об июньском бое, едва не окончившемся взятием Москвы Лжедмитрием, современник сообщает, что москвичей охватила паника: «После того бою учали с Москвы в Тушино отъезжати стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы, и городовые дворяне, и дети боярские, и подьячие, и всякие люди». Наступила длинная полоса так называемых «перелетов»: приближенные Шуйского уезжали в Тушино, получая там чины и награды, затем, уже в высоких чинах и с новыми поместьями, возвращались к Шуйскому. И тот, в свою очередь, награждал их за уход от «вора». Многие знатные люди по нескольку раз становились подданными то Лжедмитрия, то Василия Шуйского. Впрочем, безнаказанно «перелетать» могли лишь дворяне и богатые купцы, простых обывателей, побывавших в Тушине и вернувшихся в Москву, царские слуги хватили по ночам, чтобы не привлекать излишнего внимания, и топили в Москве-реке.

Лагерь самозванца ни в чем не нуждался, со всей страны везли туда продовольствие и разные товары. «Они завалили лагерь всяким провиантом: маслом, мукой, медом, питьевыми медами, солодом, вином, всевозможным скотом в таком изобилии, что можно было удивляться. Головы, ноги, печень, легкие и другие внутренности животных выбрасывались, и их так много лежало всюду на проходах в лагере, что собаки не могли всего сожрать, и из-за этого в лагере распространилось такое зловоние, что даже стали опасаться мора. Ежедневно самые маленькие люди в лагере варили и жарили что только есть отменного, пили больше медов, чем пива, в таком изобилии был найден

сотовый мед у крестьян и в монастырях», — описывает жизнь в тушинском лагере находившийся там Конрад Буссов.

То, чего не было в других городах России, поставляли московские купцы. Они продавали в Тушино даже порох и свинец, которыми армия самозванца убивала на следующий день жителей Первопрестольной. Власть Василия Шуйского стала такой зыбкой, что он не решался наказывать перебежчиков и купцов, торговавших с врагом: достаточно было искры, чтобы в Москве поднялось против него восстание. Недовольство царем было вызвано не только его военными неудачами, но и начавшимся в столице голодом. Продовольственные обозы лишь изредка прорывались по дорогам, перекрытым сторонниками Лжедмитрия. Цены на хлеб в столице взлетели в несколько раз. Даже в ближайшем окружении царя зрела измена. Еще за год до осады Москвы тушинцами десять бояр явились к Шуйскому и, описав несчастья, обрушившиеся на Россию в его царствование, уговаривали его уйти в монастырь. Тогда власть царя была еще крепка, и Василий Шуйский отправил наглецов в тюрьму. Но если бы эта история повторилась сейчас, царь не смог бы подвергнуть их даже такому относительно мягкому наказанию. Верных слуг у него почти не осталось.

«Шуйский, видя, что Бог не шлет ему счастья, обратился к помощи дьявола и его орудий, стал вовсю заниматься колдовством, собрал всех слуг дьявола, чернокнижников, каких только можно сыскать в стране, чтобы то, чего не сумел бы один, мог сделать другой. У многих беременных женщин он велел разрезать чрево и вынуть из него плод, а также убить много здоровых лошадей и вынуть у них сердце. Тем самым колдуны добились того, что если такое сердце куда-либо закапывали или зарывали, то люди Шуйского побеждали, стоило только воинам Дмитрия перейти за эту черту. Если же москвиты переходили за эту черту, то тогда поляки их одолевали», — рассказывает Конрад Буссов об отчаянных усилиях Шуйского переломить судьбу.

От обращения к дьяволу было совсем недалеко и до сближения с давним российским врагом — Швецией. Царь, по сообщению летописи, сидел в столице подобно «орлу бесперу, без клюва и когтей».

Дипломатические усилия Карла IX, сообщавшего царю в одном из последних писем, что от цезаря, турецкого султана и короля Персии ему известно о плачевном положении России, наконец-то дали плоды. В августе 1608 года гонец доставил нарвскому наместнику Филиппу Шейдингу послание новгородского воеводы князя Михаила Скопина-Шуйского. Царь отправил этого своего юного племянника из Москвы в Новгород для организации народного ополчения в еще не охваченных смутой северных районах страны. Ему были даны самые широкие полномочия, в том числе право договариваться со шведами о наеме войска. «Послати в немцы нанимати немецких людей на помощь», — гласила царская инструкция. Немцами в то время в России называли многих иностранцев, в том числе шведов. Приведем наиболее важные отрывки из этого послания, открывшего путь к союзу двух государств, первому за всю историю их существования: «Писал многижда к царскому величеству к великому государю нашему, царю и великому князю Василию Ивановичу всея Руси государь ваш Карлус король, оказуючи любовь свою к нему великому государю... хотел помогати от польских и литовских людей... и ныне великий государь наш... хочет быти с Карлусом королем в вечном миру и в соединении и на всех недругов стояти за один... а к вам в Ругодив (русское название Нарвы. — А. С.) велел отписати, чтоб вам вскоре собрати ратных людей тысячу человек конных и прислати их тотчас ко мне в Великий Новгород, а корм им везде по дороге будет готов, и что месяцев заслужат, и государь царь пожалует их великим своим жалованьем». В письме выражалась также готовность царя ратифицировать Тязвинский мир.

Скорость распространения информации в то время зависела от резвости коня, скакавшего по плохим и опасным дорогам, да от ветра на море, игравшего неуклюжим парусником: отголоски стремительно менявшихся событий в Москве доходили до короля иногда с месячным опозданием и в сильно искаженном виде. Послание Скопина-Шуйского, составленное от имени царя, легло на стол Карла IX практически одновременно с двумя другими сообщениями. В одном утверждалось, что Шуйский убит и власть в Москве взял Дмитрий, другое, пришедшее несколько позже, уведомляло, что

Шуйский жив, но смещен с трона все тем же самозванцем. Приграничные города — Ивангород, Ям и Гдов — палили из пушек, приветствуя возвращение на законный престол чудесно спасшегося Дмитрия. Шведские агенты сообщали, что имя Шуйского исключили из поминальников в молитвах, новый воевода в Ивангороде князь Иван Хованский лишь укрепил веру шведов, что Шуйский пал. Воевода отчитал шведских послов, прибывших в Нарву из Стокгольма и просивших о съезде, за то, что те в своих письмах пишут царем «изменника Васки Шуйского имя». Король в этих обстоятельствах решил действовать, ориентируясь на две возможности. Одна предполагала, что Василий Шуйский жив и еще является русским царем, другая — что он умер или смещен. Пограничная пропаганда шведов летом и осенью 1608 года исходила из худшего: Василий Шуйский перестал существовать либо физически, либо как политическая фигура. Через границу переправлялись манифесты короля с призывом к русскому населению не поддерживать ставленника поляков, а взять царя с кровью Владимира Мономаха, из своих давних властительных династий. Король сообщал, что готов по просьбе русской нации прислать войска, чтобы встать на защиту «старой греческой религии», которую собираются разрушить поляки. Обильно насыщая льстивыми строчками о русской религии свои пропагандистские послания, король, очевидно, невольно морщился: как истинный лютеранин, он считал русских нехристями, которые ничем не отличались от турок.

Впрочем, глядя на наивных и невежественных москвитов, устроивших настоящий парад государей в последние годы, трудно было сохранять сдержанность. Карл IX, осведомляясь у новгородского воеводы по поводу того, кто сейчас является царем на Руси, сорвался и принялся выговаривать русским, меняющим своих правителей так же часто, как зайцы — цвет: «...летом он серый, а зимой он белый». Примеру монарха следовали его представители в пограничных крепостях. Наместник в Улеборге Исаак Баем упрекал игумена Соловецкого монастыря, не стеснясь в выражениях. Русские люди, по его мнению, так часто свергали своих государей, что литовцы скоро им всем головы разобьют, и следовало стыдиться, выбирая в цари всякого негодяя, которого им приве-

дут литовцы. «Сами поляки четко и откровенно говорят, что он — не настоящий Дмитрий и что они могут за одну ночь выпекать по 15 таких бродяг», — пытался вразумить нарвский наместник ивангородского воеводу. Но письменные убеждения шведов не действовали на русские пограничные крепости, присягнувшие второму Лжедмитрию. На шведскую пропаганду оттуда огрызались, что Васька Шуйский продан шведам, хочет ввести «лютерскую» веру в России и потому верные ему русские отдались сатане и его слугам.

«Значит, Шуйский жив и еще не потерял престола», — заключили в Швеции, изучив эти контрпропагандистские послания. Следовательно, письмо Скопина-Шуйского с просьбой о помощи являлось не частной новгородской инициативой, оно было продиктовано из Кремля.

В ноябре 1608 года королевский секретарь Монс Мортенссон, прибыв в Новгород, заключил от имени шведского короля предварительное соглашение об оплате и составе вспомогательных войск. Стороны договорились, что Швеция предоставит три тысячи пехоты и две тысячи всадников. Одновременно в Лифляндии, где война несколько утихла, всю шла вербовка иностранных наемников для похода в Россию. Королевский комиссар привлекал солдат со всей Европы, успевших повоевать и на польской, и на шведской стороне, гарантируя высокое жалованье и возможность беспрепятственно грабить в неповинующих царю районах. «Царь обещает платить конному 25 далеров, а пешему солдату — 12 далеров в месяц. Платить начнут сразу после перехода русской границы!» — вешали вербовщики в лифляндских кабаках и на площадях разрушенных войной городов, угощая пивом за счет казны ободранное и обнищавшее воинство. Деньги предлагались немалые — более чем в два раза превышавшие обычную шведскую солдатскую плату. Оборванцы с оружием уже чувствовали себя богачами. На 12 далеров можно было купить трех коров, или двенадцать бочек ржи, или четыре бочки пива — в какой ходовой товар ни переводи, получалось много.

Войско собирался возглавить популярный среди солдатского сброда человек: сам главнокомандующий шведскими войсками в Лифляндии граф Мансфельд. «Большому вое-

воде, графу», как обещали русские на переговорах в Новгороде, они дадут пять тысяч далеров в месяц. Опытным войнам, пропившим и проевшим после увольнения из армии одежду и даже оружие, обещали предоставить экипировку в Або. Туда уже прибыли специальные представители Скопина-Шуйского — стольник Семен Головин и дьяк Сыдавной Зиновьев с казной в пять тысяч рублей, предназначенной на снаряжение войска.

Вооруженный последними секретными королевскими инструкциями, граф Мансфельд поднялся в Ревеле на борт корабля, отправлявшегося в Або. Карл IX призывал полководца не особенно увлекаться помощью русским, главной задачей были территориальные приобретения для короны. Прежде всего следовало с парой тысяч воинов, используя петарды, захватить Ивангород, перешедший на сторону второго Лжедмитрия. Если русские возмутятся, объявив это нарушением мира, их нужно обмануть, сказав, что город взят по просьбе Василия Шуйского для него самого.

Увы, каприз природы помешал графу Мансфельду войти в русскую историю и сказочно разбогатеть. Корабль едва вышел из ревельской гавани, как начался один из обычных на Балтике в ноябре штормов. Громоздкий парусник никак не удавалось развернуть на север, к близкому финскому берегу — шквалистый западный ветер рвал паруса, направляя корабль в открытое море. Многочасовая борьба со стихией закончилась полным поражением. Финский берег и Або остались по правому борту, корабль отнесло к побережью Швеции.

Ветер оказался стеной, которую так и не смог преодолеть шведский полководец. Вскоре планы короля в отношении графа Мансфельда изменились: наступление польской армии в Ливонии потребовало его возвращения туда. На роль командующего вспомогательным войском появилась другая кандидатура. Это был 26-летний Якоб Делагарди, сын прославленного Понтуса Делагарди, захватившего у русских в 1580—1581 годах ряд приграничных крепостей, в том числе Кексгольм, Нарву, Ивангород, Яму и Копорье. Военные успехи старшего Делагарди в Эстляндии и Ингерманландии оставили такой след в народном сознании, что темные люди считали его союзником самого дьявола. «Когда у Пон-

туса не хватало солдат, он ошипывал курицу, произносил заклинание и сдувал ее перья с ладони. Едва эти перья падали на землю, как из них вырастали закованные в железо солдаты», — рассказывали эстонские и русские крестьяне долгими зимними ночами легенды о страшном шведе, пришедшем когда-то в их края со своим заколдованным мечом.

Все завоевания Понтуса, кроме Нарвы, шведам пришлось впоследствии отдать русским, и теперь его сыну Карл IX доверил повторить подвиг отца. Новость о том, что «Понтус вернулся», разойдясь по Ингерманландии, должна была парализовать волю защитников русских крепостей.

Впрочем, свои истинные намерения шведский король доверял лишь текстам секретных инструкций. Представителям Василия Шуйского он сообщил о куда более скромных требованиях в обмен на шведскую помощь. Русский великий князь должен был навечно отказаться от притязаний на Ливонию, подтвердить на все времена Тявзинский мир и передать Швеции крепость Кексгольм, называемую у русских Корелой, вместе со всем уездом. Новгород и Швеция приступили к подготовке договора. Король предвидел, что на пути соглашения появятся препятствия, но их оказалось куда больше, чем он мог предусмотреть.

Дипломатов в то время подстерегали самые разные опасности: их убивали на дорогах разбойники, они тонули в море, их бросали в тюрьмы разъяренные иностранные властители, которым не было знакомо сегодняшнее понятие «дипломатического иммунитета». В сношениях с Россией послы могли стать жертвами и еще одного коварного врага — алкоголя. «Напоить иностранца у русских считается вопросом чести, а те, кто не может или не хочет упиться, не пользуются никаким уважением. Напротив, они всячески превозносят тех, кто без меры напивается пивом, медом и вином», — писал шведский дипломат Петр Петрей, находившийся в Москве в 1608 году с поручением Карла IX предложить Василию Шуйскому заключить договор со Швецией. Спаивая иностранных дипломатов с тем, чтобы у тех от алкоголя развязались языки, их русские партнеры и сами рисковали жизнью. Жертвой дипломатической традиции стал посланный Михаилом Скопиным-Шуйским в Стокгольм курьер. В янва-

ре 1609 года от Карла IX в Новгород пришло скупое сообщение, что курьер «Петр Филиппович упился самогоном в усмерть».

Вот как рассказывает об этом драматическом эпизоде Петр Петрей: «Как женщины, так и мужчины пьют до неумеренности и излишества, так что не в состоянии ни ходить, ни стоять: от того многие из них и умирают скоропостижно, что и случилось в славном столичном городе Стокгольме, во время знаменитого короля Карла IX, к которому послан был от Великого князя один москвитянин за каким-то делом. Вечером в жилище его поставили перед ним разных напитков, испанских, рейнских и других вин: он пил их по-скотски за свое здоровье и неумеренно прикладывался к водке, несмотря на напоминания шведов, что эта водка то же самое вино, которое гонят у русских из овса и воды, и потому ее нельзя так много пить, как он пьет. Он не обращал на то внимания и все продолжал пить, так что наутро, когда ему следовало бы быть на представлении у короля, нашли его мертвым».

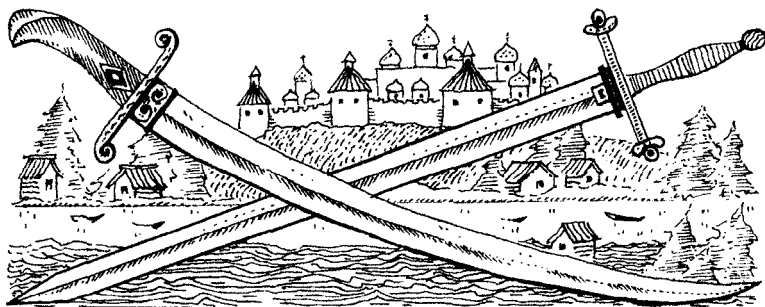
К счастью, главные русские переговорщики — Семен Головин и Сыдавной Зиновьев, — так же как и их шведские партнеры послы Йоран Бойе и Арвид Теннессон, отличались крепким здоровьем и выдержали почти месячные обсуждения в Выборге, перемежавшиеся обильными возлияниями. 28 февраля 1609 года договор был заключен. Русские послы от имени царя и под ответственность князя Михаила Скопина-Шуйского подписали соглашение, согласно которому Тявзинский мир подтверждался на все времена, царь отказывался от притязаний на Лифляндию и передавал Швеции в вечное владение Кексгольм с уездом. Территориальная уступка могла лишить Шуйского последних сторонников в России, поэтому послы просили хранить этот пункт договора в глубокой тайне. «Велев выйти своим спутникам, они под клятвой молчания, секретным образом и на языке, без переводчика непонятном, уславливаются о присоединении Кексгольмского замка с областью навсегда к шведским территориям, а также об утверждении великим князем в течение двух месяцев актов, касающихся этого», — сообщает о ходе переговоров шведский историк XVII века Юхан Видекинд, имевший доступ к ныне утраченным документам. Кексгольм

следовало передать Швеции через одиннадцать недель после начала похода.

Король обязался предоставить Шуйскому пятитысячное войско по уже утвержденным ранее расценкам. Общая плата составляла 32 тысячи рублей в месяц — огромная сумма для российской казны, если учесть, что ежемесячное жалование десятитысячного отборного стрелецкого войска обходилось царю в шесть раз дешевле. Король обещал дать впоследствии дополнительно несколько тысяч солдат за ту же плату, исходя из своих возможностей. Шведские военачальники, согласно русскому тексту договора, обязывались быть у Скопина-Шуйского «в послушанье и в совете, а самовольством ничего не делати».

Наемникам сообщили, что идти нужно до самой Москвы, где сидел на своих богатствах окруженный со всех сторон врагами русский царь. Уж там он достойно вознаградит каждого за помощь. Воображение солдат рисовало сокровища Кремля, о которых в Европе ходили легенды. Один камешек из царских сундуков мог обеспечить простого человека на всю жизнь! С другой стороны, даже самым отважным было страшновато отправляться в бесконечные дикие русские просторы. В таком дальнем походе — более чем в тысячу километров — не был ни один европейский солдат. Оставалось надеяться на удачу и помощь высших сил. Наемники показывали друг другу свою секретную защиту, у одного это были кости святых покровителей, у других — листочки с заклинаниями, спасавшими от пули и удара меча. По опыту своих прежних сражений они знали, что многих их товарищей не защитили от смерти самые надежные амулеты и заговоры, но это лишь означало Божью волю, от которой не уйдешь. Возле русской границы собрались тертые люди, пришедшие сюда, как гласила популярная среди шотландских наемников поговорка, не для того, чтобы спросить, который час и вернуться домой. Ветер с востока доносил до Выборга дым пожарищ. Это был знакомый будоражащий запах войны, суливший кому славу, кому наживу, а кому и смерть.

Поход на Москву

Утром 3 марта 1609 года выборгские жители проснулись от барабанной дробы, звонко разносившейся в чистом морозном воздухе. Отряды наемников, съезжавшиеся в Выборг на протяжении двух последних месяцев, стали выстраиваться в походную колонну. Уже давно приграничный город не видел такого интернационала: среди солдат, решивших испытать судьбу в России, были немцы и голландцы, французы и англичане, шотландцы и датчане, шведы и финны. Католики и протестанты превосходно уживались вместе, поклоняясь одному богу — Марсу. Это были своеобразные артели работников войны, на вербованных своими полковниками в роты и полки по национальному признаку и связанных со шведской короной клятвой, данной согласно уставному письму. Рамки дисциплины и воинского долга, установленные для этих авантюристов, были столь широкими и зыбкими, что от них с презрением отвернулась бы уважающая себя банда головорезов наших дней. Наемники могли покинуть поле боя и перейти на сторону врага с развернутыми знаменами, если работодатель не выполнял условия контракта по их найму. Если взятых в плен не выкупа-

ли в течение определенного срока (обычно это был месяц), они имели право предложить свои профессиональные услуги захватившему их противнику.

Каких-либо обязательств вести себя прилично во внеслужебное время легионеры на себя не брали, что в полной мере испытали на себе выборжане. Европейские монархи, вербуй наемников, превосходно знали о том, что вражеская территория, где позволительно грабить население, начиналась для них задолго до границ противника, и потому призывали своих подданных прятать все ценное при появлении этих защитников родины. Собравшиеся в Выборге солдаты исключения в этом отношении не составляли. По словам современника, они «не оставили на месте ничего, кроме слишком горячего или слишком тяжелого». Среди этих «бесчестных шельм», по выражению Карла IX, его уважение вызывали лишь французы, поскольку похвала на них действовала лучше, чем побои. «Французы, — писал король, — хорошие люди, но со странностями. Поэтому вести себя с ними нужно деликатно, поощряя их добрыми словами, а не ударами».

Стоит ли удивляться, что весь город высыпал как на праздник провожать уходившее в бескрайние просторы Московии воинство, окутанное тяжелым запахом немых тел, чеснока и самогонного перегара. Это был запах здоровья. Считалось, что частое мытье ослабляет организм, а чеснок и самогонку специально выдавали солдатам, чтобы защитить их от болезней. Двенадцать тысяч наемников — восемь тысяч конных и четыре тысячи пехотинцев — уходили из Выборга в течение нескольких дней. Читатели, привыкшие представлять мушкетеров элегантными красавцами из романов Дюма, не обнаружили бы знакомых литературных персонажей в колоннах, тянувшихся в Россию. Шведская корона обеспечивала пехотинца на зиму овчинной шубой и двумя парами чулок до колен: одной парой шерстяных и одной — матерчатых, на которые были натянуты неуклюжие водонепроницаемые русские полусапоги. Но не будем думать, что лишь зимняя форма уродовала облик наемников. Мушкетер, скинувший шубу, мог оказаться в изношенных до дыр штанах, жавших ему во всех местах, и в куртке с куцыми рукавами до запястий, поверх которой был накинута карикатурно короткий

плащ. Ткань была дорога, и корона закупала ее за границей. Пехотинцу казна выдавала в год три альна (около двух метров) ткани, которых хватало на шитье одного из трех основных предметов туалета: модных широких штанов, куртки или короткого плаща. Можно представить муки солдата, не знавшего, на что потратить драгоценную материю, ведь штаны он обычно изнашивал в клочья уже за год службы! Но беды на этом не кончались. Модник, решивший плюнуть на замену ветхой нижней части своего туалета и справивший себе, например, куртку, вдруг обнаруживал, что спустя несколько недель она сжималась и укорачивалась. Солдат оказывался жертвой хитрости немецких купцов, торговавших тканями. Перед продажей торговцы сильно растягивали материю, желая увеличить свою выручку.

Конники в отношении гардероба оказывались в привилегированном положении. Им выдавали готовую одежду с подкладкой и даже роскошные широкополые шляпы. Штаны всадник протирал, правда, куда быстрее пехотинца, но он прикрывал дыры, сидя в седле. Выборгские зеваки, провожавшие в поход «бесчестных шельм», со знанием дела обсуждали их наряды, тут же выделяя в колонне плохих солдат — эти были самыми оборванными. Командиры удерживали ткань у тех, кто получал нарекания по службе.

Пехота шагала налегке — тяжелые пятнадцатикилограммовые доспехи и шлемы громыхали сзади на телегах. Там же было свалено оружие пикинеров — четырехметровые пики, главная защита пехоты от атак кавалерии. Лишь на марше пикинер чувствовал свое превосходство перед мушкетером, тащившим свое оружие на плече. При грабеже противника, звездном моменте в жизни любого наемника, мушкетер оказывался куда расторопнее своего боевого товарища, которому сильно мешала его длинная пика. Поэтому пикинеры считались черной костью пехоты: на этот род службы обычно соглашались те, кого не взяли в мушкетеры.

Кроме пик, с обозом двигались и другие необходимые инструменты войны: пушки, толстые медные трубы, набитые порохом, — петарды, предназначенные для подрыва крепостных ворот, колья, которыми защищали лагерь от кавалерийской атаки, и лыжи. Последние были двух видов: железные

и толстые деревянные, с прорезью в районе стопы, куда продевалось крепление. Лыжи принадлежали финнам, собранным в отряды разведчиков.

Двенадцатитысячное войско, уходившее из Выборга, считалось огромным по европейским меркам. Больше число профессиональных солдат, обеспечение которых едой по приемлемым ценам входило в условия контракта с русскими, разоренная страна просто не смогла бы прокормить. Знаменитое выражение Наполеона «армия движется своим брюхом», появившееся два столетия спустя, в войнах начала семнадцатого века было куда актуальнее, чем в более сдержанном девятнадцатом. Лишь одного пива требовалось целое море! Солдат, по шведским нормам, просто не мог воевать, не выпив столитровую бочку этого напитка в месяц.

Своего командующего наемники встретили уже на подходе к русской границе. Якобу Делагарди не удалось воспользоваться одной из двух коротких зимних дорог из Швеции в Финляндию, проложенных по льду Ботнического залива. Их завалили обильные февральские снегопады, поэтому пришлось ехать в обход моря, сделав крюк почти в полторы тысячи километров.

При взгляде на этого симпатичного молодого человека с отнюдь не суровыми чертами лица, еще более смягченными рыжеватыми кудрями, спадавшими до плеч (такие прически еще только входили в моду в Париже), трудно было вообразить, что перед вами — один из самых закаленных и опытных полководцев шведского короля. В нежном возрасте наш герой остался сиротой, и его дальний родственник капитан Юхан де ла Бланк, взявший на себя воспитание мальчика, перемежал истории о собственном боевом прошлом рассказами о громких победах отца Якоба — великого Понтуса. Одна из них — взятие Нарвы — даже была запечатлена на барельефе саркофага полководца в Ревельском кафедральном соборе.

Погиб Понтус столь же замечательно, как и жил. Пятого ноября 1586 года он возглавлял шведское посольство из восемнадцати человек, заключившее с московитами перемирие в устье реки Плюссы, впадавшей в Нарову. Разукрашенный и вооруженный пушками шнек с послами направлялся к крепости Нарва. При приближении парусника со швед-

ского берега грянул салют, шнек ответил залпом и... разломился пополам. Понтус Делагарди, как и большинство находившихся на борту, погиб в стремительном ледяном потоке. Но это была смерть триумфатора, достойная такого великого воина, каким был Понтус!

Ясно, что иной карьеры, кроме военной, мальчик себе не представлял. Слава отца и высокое происхождение матери Софии Гюлленельм, внебрачной дочери короля Юхана III, в сочетании с собственными усилиями могли открыть дорогу для стремительного взлета.

Начало было многообещающим. Уже в восемнадцать лет Якоб Делагарди отправился во главе полка норландских пехотинцев в Лифляндию, на войну с поляками. Через год вместе с 27-летним внебрачным сыном Карла IX — Карлом Гюлленельмом он взялся за безумное предприятие: молодые люди возглавили оборону крепости Вольмар, старые осыпавшиеся стены которой вызывали у опытных военных большие сомнения в удачном исходе дела. Английский наемник Хилл отказался руководить заведомо провальным предприятием, а нидерландский полководец граф Юхан Нассауский, приглашенный Карлом IX для обучения шведского войска, осмотрев укрепления, вынес беспечелляционный приговор: «У меня на родине человека, решившегося защищать эти развалины, повесили бы за глупую отвагу на городских воротах». Гюлленельм и Делагарди якобы ответили на это замечание следующим образом: «Если вал и стена оставляют желать лучшего, то добрые защитники и храбрость возместят сей недостаток».

Если за точность этого бравого ответа нельзя ручаться, то главная причина решимости молодых людей известна наверняка. Они опасались королевского гнева. Когда Карл Гюлленельм накануне обороны Вольмара промедлил с оказанием помощи другой шведской крепости — Кокенхусу (у его солдат не было ни пик, ни доспехов), отец дал сыну следующую письменную отповедь: «Ты все время ищешь оправданий. Когда тебе посылают жалованье, у тебя не хватает людей, когда есть солдаты, не хватает провианта, когда есть провиант, у тебя нет пороха или пуль... Может быть, стоит тебе завидеть неприятеля, ты дашь деру до самого Ревеля. Но знай, что в таком случае ты не можешь рассчитывать на Нашу

благосклонность и не вздумай когда-либо предстать перед Нашим взором».

Ясно, что ни у королевского сына, ни у его друга после подобной угрозы просто не оставалось выбора. Деревянная крепостица держалась два месяца, но руководителям обороны все же пришлось согласиться на почетную капитуляцию. Поляки разрешили выйти из Вольмара гарнизону, оставив себе самую дорогую добычу — сына Карла IX и его друга, в котором также текла кровь королевской династии Ваза. Король Сигизмунд, которому представили знатных пленников, отнесся к юношам крайне холодно, приказав содержать их с максимальной строгостью.

Если молодые полководцы и надеялись на снисходительность Карла IX, растроганного их мужеством, то первое же письмо монарха своему заточенному в холодной замковой камере сыну рассеяло иллюзии: «В своем несчастье ты должен винить себя одного. Тебе следовало защищаться с большим мужеством и подготовиться к обороне основательнее. Если бы ты запасся всем необходимым, чтобы сидеть в осаде еще какое-то время, несчастья можно было бы избежать и Нам не приходилось бы заботиться о твоём освобождении. Твой посланец сообщил, что ты выдержал всего один или два штурма. Это можно оправдать лишь твоей молодостью».

Отец с сыном так никогда и не увиделись. Гюллелельма освободили лишь через двенадцать лет плена, уже после смерти Карла IX. Последние семь лет, в наказание за попытку побега, знатный пленник провел в ручных и ножных кандалах. Делаярди обменяли на польских пленных через четыре года.

Казалось, военная карьера, так удачно начатая, навсегда рухнула. Король считал Якоба Делаярди, как и своего сына, виновным в сдаче Вольмара, кроме того, поляки освободили Делаярди из плена, взяв с него обязательство, что тот не станет воевать против них. Это значило, что в Швеции ему делать нечего. И Якоб Делаярди отправился за славой и наукой в Нидерланды, к Морицу Оранскому, громившему испанцев, прежних законодателей европейской военной моды, с помощью нововведений в тактике и инженерном деле. Через два года молодой человек вернулся в Швецию знатоком голландского способа ведения войны. На роди-

не его ждала схватка с личным секретарем короля Эриком Тегелем, прославившимся своей беспощадностью при разоблачении заговоров аристократов против короля (даже Карл IX в редкие минуты хорошего расположения духа шуточно называл своего верного слугу Стегелем — пыточным колесом). Кровавый секретарь, решив заполучить имение Делагарди, обвинил его в заговоре с целью передать шведский трон Морицу Оранскому. Но тучи вскоре рассеялись — обвинения оказались слишком абсурдны и бездоказательны. За устройство судьбы Якоба взялись его родственники и друзья, в том числе друг детства Аксель Оксеншерна, будущий канцлер Швеции. Делагарди отправили на восток, подальше от Тегеля, дав ему должность «генерал-лейтенанта всех вооруженных сил в Финляндии». В начале 1609 года король вызвал молодого человека в Стокгольм, предложив тому возглавить военную экспедицию в Россию. Но ведь в Москве придется столкнуться с поляками, против которых Делагарди поклялся не воевать? Подобные моральные проблемы в те времена решались легко. Король своей властью попросту освободил полководца от мешавшей ему клятвы.

Для Делагарди поход в Россию оказался превосходным способом поправить свои финансовые дела, пришедшие в полное расстройство за годы польского плена. Вместе с должностью ему положили жалованье в размере 6000 далеров в год — эти деньги он должен был получить в виде дохода с дарованных ему поместий. Теперь можно было начать выкупать хранившиеся в подвалах данцигских купцов семейные ценности!

Когда Делагарди восемнадцатилетним юношей попал в польский плен, он и представить не мог, что его заставят платить, и очень много, за сырой и холодный каменный мешок, в котором его держали, и за жалкую пищу, которая едва спасала от голодной смерти. Однако выбора не было, пришлось дать распоряжение в Швецию заложить у данцигских купцов все драгоценности. Из семейных реликвий он сохранил лишь самую дорогую память об отце — его часы нюрнбергского производства. С ними Якоб никогда не расставался.

После освобождения в 1606 году долги достигли почти трех тысяч далеров. Пребывание в Нидерландах оказалось полез-

ным, но невыгодным. Бедность вынудила его занимать даже на собственное военное снаряжение: командующий вспомогательным войском не мог явиться в Россию оборванцем. Покачиваясь в кибитке, поставленной на полозья, которую влекла к Выборгу по заснеженным финским дорогам упряжка лошадей, полководец учил первые русские слова, повторяя их вслед за данным ему королем в толмачи молодым русским дворянином по имени Дмитрий. Более десяти лет назад царь Борис Годунов, стремясь реформировать страну, послал Дмитрия в числе восемнадцати русских юношей учиться за границу, преодолев сопротивление священников, утверждавших, что появление в России других языков, кроме родного, приведет к распрям и раздорам. Разделив студентов на три равные группы, их отправили в Любек, в Англию и во Францию. Церковники напрасно опасались, что юноши, отравленные европейскими знаниями, вернутся домой разрушителями вековых устоев. Покинуть Европу никто из школяров не захотел, хотя и к наукам, судя по сохранившейся жалобе царю из Любека, многие из них были глухи. На родине появился лишь один, Дмитрий, да и то в качестве подданного шведского короля и в составе шведского вспомогательного войска.

«Сорок соболей», — произносил Деллагарди за своим учителем, представляя, как может выглядеть эта главная валюта москвитов, единицей измерения которой служили связки соболиных шкур по четыре десятка в каждой. Уже в следующем году он сможет расплатиться со всеми своими долгами и выкупить семейные реликвии в Данциге. Оплатой станут соболя — русские вознаградят его двадцатью пятью сороками!

Вспомогательное войско перешло границу 26 марта возле деревни Систербэк, где шведов встретил отряд воеводы Ивана Ододурова, присланный из Новгорода. Вместо обещанной двадцатипяти тысячной армии на снегу переминалась горстка плохо вооруженных крестьян человек в триста, «более годных для плуга, чем для боя», по свидетельству Видекинда. Воевода объяснил, что основные русские силы посланы на разгон бунтовщиков, грабивших окрестности Копорья. Эта небольшая крепость, находившаяся в руках сторонников Лжедмитрия, стала первым неудачным испытанием для шведов в их русском походе. Деллагарди рассчитывал взять Копорье с ходу, но,

потеряв при штурме двадцать человек, отступил. Городок оказался хорошо укрепленным, а петарды и пушки, необходимые для регулярной осады, еще тащились по мокрым мартовским сугробам из Выборга. Ничтожную крепостицу пришлось оставить в тылу. Развернув знамена, шведы пошли прямо к Новгороду. Однако многим наемникам так и не удалось увидеть этот второй по величине после Москвы русский город, еще сто лет назад превосходивший не только Москву, но и большинство европейских столиц богатством и размерами. О былом величии напоминало лишь название столицы русского Севера — Новгород Великий. За сто километров до Новгорода к Деллагарди прибыли русские гонцы, просившие остановиться, а самому полководцу со свитой прибыть для переговоров.

Пышная встреча искупила неприятный осадок от проявленной союзниками подозрительности. Со стен салютовали из пушек и ружей, а на дороге, ведущей к Новгороду, Деллагарди поджидала полуторатысячная делегация лучших людей города, сидевших верхом на лошадях. При приближении шведов конные спешили, и вперед выступил юный богатырь: это был двадцатитрехлетний наместник Новгорода князь Михаил Скопин-Шуйский, царский племянник, выделявшийся огромным ростом и гордой осанкой. К сожалению, сохранился лишь условный портрет этого героя, прославившегося в сражениях Смутного времени, так называемая парсуна, написанная в иконописных традициях. Вплоть до начала восемнадцатого века в России со страхом относились к портретам, выполненным в европейской реалистичной манере, считалось, что с помощью такого изображения человека можно легко заколдовать. Однако описания современников позволяют представить Скопина силачом и красавцем, равных которому среди приближенных царя не было. Еще в возрасте шестнадцати лет он стал первым и последним в России обладателем должности великого мечника (царского оруженосца), введенной первым Лжедмитрием по польскому образцу. На эту роль в Польше отбирали самых сильных и представительных молодых аристократов. Редкий шестнадцатилетний юноша мог неподвижно простоять много часов подряд с тяжеленным двуручным мечом, поднятым вверх.

Выступив вперед, новгородский наместник по русскому обычаю низко поклонился Делагарди, коснувшись рукой земли. Шведы обратили внимание на необычное оружие молодого человека, которому предстояло возглавить объединенное войско. На поясах у большинства русских висели сабли, а у Скопина-Шуйского был прямой палаш в красных сафьяновых ножнах. Эта деталь не могла не понравиться людям, придававшим большое значение символике. В начале семнадцатого века изогнутая как полумесяц сабля считалась в Европе символом мусульман, неверных, в то время как прямой меч, по форме напоминавший крест, был обязательной принадлежностью борцов за веру Христову. Русских в Швеции считали ненастоящими христианами, почти неверными. Не случайно на гербе Финляндии, введенном Юханом III, шведский лев с прямым мечом изображен попирающим кривую русскую саблю.

Вежливая и достойная приветственная речь русского полководца также произвела приятное впечатление на Делагарди и его полковников. Оказывается, среди неотесанных москвитов встречались люди, знакомые с рыцарскими манерами!

Делагарди и Скопин-Шуйский были почти сверстниками, увидевшими друг в друге собственное отражение. Внезапная симпатия, возникшая между ними, помогла молодым людям впоследствии преодолеть интриги и взаимное недоверие их монархов — и успешно завершить московский поход.

Вслед за торжественной встречей начались переговоры в новгородском кремле. Делагарди настаивал на отдыхе войска, уставшего от похода. Идти на Москву, по его мнению, все равно было нельзя из-за непроходимых от весенней распутицы дорог. Кроме того, наемники не желали воевать, пока им не заплатят вперед, как условились, месячное жалование. Выданные Скопиным пять тысяч рублей деньгами и еще соболя на три тысячи рублей составляли всего пятую часть от суммы контракта. «Если не заплатите все сполна, мы уйдем назад к границе!» — уверял Делагарди своего собеседника. Новгородский наместник обещал, что деньги будут, грамоты с требованием прислать казну разосланы во все города. Нужно лишь подождать. Впрочем, он прекрасно понимал тревогу своего собеседника: вооруженный европейский сброд, собранный под шведскими знаменами, мог перестать пови-

новаться при нарушении условий соглашения. Еще хорошо, что в Новгород на постой пустили только 3600 французских и шотландских всадников, в случае бунта с ними можно было справиться. Остальным разрешили встать лагерем далеко за пределами города.

Скопин-Шуйский рассказал Делagarди о том, что их ждет впереди, делая это в намеренно оптимистических тонах, чтобы союзники не решились, будто дело царя Василия Шуйского проиграно. По словам новгородского наместника, все подданные были верны царю, лишь восемь тысяч бездельников ушли к самозванцу, и теперь эти разбойники вместе с четырьмя тысячами поляков осаждают Москву. До прихода шведов Скопин-Шуйский не решался выступить в поход лишь потому, что не был вполне уверен в преданности царю новгородских жителей.

За намеком на возможную нестойкость новгородцев скрывалась куда более драматическая история полугодовой давности. В тот период Новгород был готов перейти на сторону самозванца, и Скопин-Шуйский проявил несвойственную для него слабость духа. Поддавшись на уговоры двух своих приближенных, окольничего Татищева и дьяка Телепнева, уверявших, что чернь вот-вот начнет убивать знатных людей, он вместе с ними тайно бежал из Новгорода. Беглецы, прихватив городскую казну, перелезли в день церковного праздника городскую стену и, не предупредив о своих планах даже митрополита, покинули Новгород. Отойдя на значительное расстояние от города, Скопин послал в Новгород письмо, в котором уверял, что он спешно отправился к границе, чтобы нанять шведов для помощи царю.

Действительно, беглецы поначалу направились в Ивангород, откуда легче было вести переговоры со шведской Нарвой. Но уже в дороге пришло известие, что Ивангород перешел на сторону самозванца. Деваться было некуда. Путники много дней блуждали по лесам и болотам, опасаясь выйти к какой-либо из приграничных крепостей. В Новгороде после бегства наместника власть взяла чернь, народ требовал отправить за Скопиным-Шуйским погоню. Знатные жители, опасаясь расправы, были вынуждены идти на поводу у толпы. Погоню посылать все же не стали, но по подвластным Новгороду

крепостям разослали письма с требованием задержать беглого наместника с казной. Это едва не сделал воевода крепости Орешек, к которой вышли после своих блужданий в лесах измученные путники. «Они приняли немалое бесчестие от воеводы того города; осуждая сделанное ими и насмехаясь над ними, он хотел, заковав их в узы, послать их к “державному” [Новгороду]», — повествует летопись о самом трагическом эпизоде в жизни Скопина-Шуйского. Судьба спасла юного героя от бесчестья. Его спутник Татищев оказался родственником воеводы Орешка и уговорил того отпустить путников. Страсти в Новгороде к тому времени улеглись. Митрополиту и знатым людям удалось успокоить обывателей, убедив их, что для общего блага нужно просить Скопина-Шуйского вернуться. Так и случилось. Гроза разошлась, но князю пришлось пожертвовать инициатором бегства — Татищевым. Вскоре после возвращения в Новгород толпа расправилась с ним, обвинив в намерении изменить царю. Скопин-Шуйский даже не попытался вступить за спутника и спасителя, понимая, что следующей жертвой мог стать он сам.

С приходом шведского войска противники Василия Шуйского в Новгороде и многих других городах России притихли. Наемники еще не вступили ни в одно сражение, за исключением неудачной попытки взять Копорье, но уже помогали Шуйскому в борьбе за умы подданных. В грамотах царя и Скопина, рассылаемых по городам, распространялись слухи об огромном шведском войске, идущем на помощь Москве. Царские агенты говорили о ста тысячах закованных в броню воинов и о близкой дружбе шведского полководца Якоба Делагарди с князем Михаилом Скопиным-Шуйским. Эти сведения любопытным образом трансформировались в русском фольклоре, где приводятся завышенные сведения о шведском войске, а Скопин и Делагарди объявляются родственниками. Еще двести лет спустя после событий Смутного времени по русским деревням распевали песню о Михаиле Скопине и его «любимом шурине» Митрофане Фунтусове — Якобе Делагарди, часто называвшемся в России по имени отца Понтусом, — и сорока тысячах «ратного люду ученого», присланного «честны король, честны Карлосы» на помощь русскому царю.

Переговоры в Новгороде велись весь апрель. Наконец второго мая 1609 года первый отряд шведов во главе с Эвертом Горном и Андреем Боем вместе с русским ополчением выступил на Старую Руссу. Город был сожжен и без боя оставлен польским полковником Кернозицким, хозяйничавшим на северо-западе России. В подчинении Кернозицкого находились около двух тысяч запорожских казаков, русских тушинцев и поляков. Это было разложившееся воинство, привыкшее к грабежам мирного населения и давно не сталкивавшееся с серьезным противником. Вскоре этот отряд перестал существовать. Передовые части шведов настигли Кернозицкого в селе Каменка, где шла массовая пьянка. Дозоров выставлено не было. Многие из спавших вповалку по избам воинов так и не успели почувствовать, что перешли в мир иной. Наемники Делаярди кололи их как свиней. Уйти от побоища удалось лишь пятистам сторонникам самозванца. «Большинство без штанов, шпаг и одежды, все поторопились в большой лагерь под Москвой», — сообщал в своем донесении Делаярди Эверт Горн, руководивший побоищем в Каменке. Шведы потеряли в этом сражении лишь четырех человек.

Армия Делаярди, отряд за отрядом, с перерывами в несколько дней, выходила из новгородского лагеря на московскую дорогу. Бурная поздняя весна привела к разливу рек, и апрельские снега превратились в потоки воды. Панцирная немецкая пехота по колено проваливалась в жидкую дорожную грязь, солдаты надрывались, вытаскивая из глубоких луж пушки. Мосты были разбиты, по обеим сторонам дороги стояли сожженные деревни. Жителей не было видно — они укрывались в лесах. Безлюдная местность сильно замедляла скорость движения войска, вынужденного взять на себя перевозку обозных припасов.

Районы, где еще сохранялись живые деревни, давно кончились, и наемники могли лишь с тоской вспоминать, как легко там решалась обозная проблема. «Ямом называют каждое село, в котором меняют подводы, — рассказывает о русской транспортной системе один из поляков, содержащихся в русском плену в период Смутного времени, — порядок же такой, что за один час представят несколько сот подвод. Но

это из-за необыкновенной жестокости, с которой относятся к мужикам, ибо когда замешкаются, то их карают: поставят рядом всех мужиков и, зайдя с конца, три человека палками по три раза ударяют каждый своего мужика и стегают их бичом по ногам. А обойдя ряд, снова то же повторяют, до тех пор, пока не будет подвода».

Впрочем, жестокость царских слуг не шла ни в какое сравнение с бесчинствами польских и русских отрядов, выступавших на стороне самозванца. По свидетельствам очевидцев, русские даже превосходили в жестокости поляков, вызывая среди них тревожные разговоры: «Если они так поступают со своими, то чего же приходится ждать в этой стране нам?» Повсюду рыскали конные банды грабителей, точно решивших показать своим видом, что силы ада поднялись из преисподней на землю. Головы убитых младенцев, насаженные на казачьи пики, покачивались в такт лошадиной рыси среди церковных хоругвей, взятых в ограбленных монастырях и превращенных в бандитские знамена. На конские крупы были накинута драгоценные церковные ризы, в кожаных мешках бились иконы, приспособленные для игры в кости, за спинами всадников сидели полубезумные пьяные молодые женщины, жены и дочери дворян и крестьян, изнасилованные и вырванные из родных гнезд. Надоест живая игрушка хозяину, сунет он ей лениво нож под сердце и бросит в придорожную канаву — впереди будет еще много таких. Летописи рассказывают, что люди бежали в леса, «со зверьями в единых пещерах живуще», где за ними охотились с гончими. Матери, боясь крика младенцев, душили их в звериных норах — это было лучше, чем увидеть, как голову твоего дитя-ти разбивают о камень хохочущие охотники на людей.

Восставшие холопы, связав мужа, сына или брата, по десять человек насильовали на его глазах жену или родственницу, били как по тимпану по срамным местам — и убивали в этот момент. Девочек, обесчестив, отпускали просить милостыню, и они брели с распущенными волосами, оставляя за собой кровавый след, по улицам затихших в ужасе городов и деревень. Страсть к разрушению стала даже сильнее жажды наживы. Казаки не довольствовались одним грабежом, если они не успевали сжечь дома, то выламывали

окна и двери, всячески старались сделать их непригодными для жилья, втапывали копытами лошадей съестные припасы в навоз. Крестьян, которых, казалось бы, убивать было невыгодно, мучили до смерти просто для удовольствия. Известно, что один из казачьих предводителей, Наливайко, собственноручно зарезал 93 жертвы обоего пола. От злодейств не спасались даже те города и области, которые принесли присягу самозванцу. В тушинский лагерь потоком шли жалобы на «польских казаков», не знавших никаких ограничений в своих разбойничьих рейдах. Жители Переяславского уезда писали, например, самозванцу: «...от тех панов вконец погибли, паны крестьян бьют и грабят и жен емлют и детей на постель, достатки все пограбили, и платье и лошадей поимали, многих крестьян побили и пожгли, дома их разграбили, села и приселки и деревни стали пусты, люди со страху скитаются по лесу и болоту, рожь и ярь не жата и озимая не сеяна».

Польские фуражиры, посланные из тушинского лагеря для сбора продовольствия в подвластных «вору» землях, сговаривались между собой и, выдавая себя за слуг царя Василия Шуйского или за татар, приступали к безудержному грабежу «подданных» самозванца. Впрочем, к тому времени царевичей в России было хоть пруд пруди. Главари казачьих банд, разные Мартынки и Ерошки, даже не подумав сменить свои простые имена на звучащие более благородно, объявляли себя чудом спасшимися царскими детьми и творили суд и расправу, уже не прикрываясь именами Шуйского или Дмитрия. Мелкие самозванцы стали настоящим бичом для Лжедмитрия, сея сомнение в глазах подданных в его собственном царском происхождении. «Вор» устраивал показательные казни претендентов на престол в своем тушинском таборе, рассылал по подвластным ему областям грамоты с перечислением ложных царевичей — в одном из таких посланий насчитывается одиннадцать имен, — но все эти меры помогали мало. Казалось, сама русская земля, перестав родить рожь и пшеницу, перешла исключительно на производство царских отпрысков.

Отчаяние заставило многие области и города, отвернувшиеся в свое время от Василия Шуйского, вновь признать власть этого жалкого царя, выбранного одной лишь Москвой.

Бунт вспыхнул в феврале 1609 года, достигнув своего пика к началу похода на Москву Делагарди и Скопина. От самозванца отложился весь северо-запад России. Вологда, Галич, Кострома, Романов, Ярославль, Суздаль, Молога, Рыбинск, Углич один за другим присягали царю Василию Шуйскому. Жестокость сторонников самозванца порождала такую же изощренную злобу восставших. Бывшего шведского подданного Иоахима Шмидта, ставшего одним из соратников Лжедмитрия, взбунтовавшиеся жители Ярославля раздели, посадили в большой пивоваренный котел и, налив туда до краев меда, сварили на медленном огне. Когда мясо этого несчастного стало отваливаться от костей, останки Шмидта выбросили за вал свиньям и собакам. Поляков и казаков, отбившихся от своих отрядов, раздевали и живых опускали под лед на Волге, приговаривая: «Вы вконец разорили нашу местность, сожрали всех коров и телят, отправляйтесь теперь к рыбам в Волгу и нажирайтесь там до смерти».

Надежнее всяких гонцов о восстании говорили двигавшемуся на Москву войску вскрывшиеся ото льда реки и ручьи. По ним плыли вздувшиеся почерневшие трупы — это были поляки и «воровские» казаки, застигнутые врасплох крестьянами.

Численность небольшой поначалу армии Скопина-Шуйского к середине мая достигла за счет вливавшихся в нее повстанцев десяти тысяч человек. Впрочем, европейские профессионалы Делагарди скептически поглядывали на этих крестьян, вооруженных чем попало. Они столь неуклюже обращались с оружием, что представляли большую угрозу для самих себя, чем для противника. «Крестьяне не понимают, на какое место полагается каждый вид ратного оружия, — писал об ополченцах Скопина-Шуйского новгородский дьяк Иван Тимофеев, наблюдавший за началом московского похода. — Когда же этим невежам самим где-нибудь придет время облачиться в такую же броню, они шлем налагают на колено, щит безобразно вешают на бедро вместе с другим вооружением, потому что это дело им не свойственно». Львиную часть царских войск составляли такие неумелые ополченцы. «Проехало 700 человек конных с луками к Шуйскому, — отмечал в своем дневнике один из пленных поляков, — это войско из таких рыцарей, что 40 гусаров могло бы их, без сомнения, разгромить».

Стремясь хоть как-то укрепить боевой дух своих воинов, испытывавших панику при встрече с польскими гусарами, царь Василий Шуйский придумал очередной трюк, на которые он был большой мастер. С востока в Москву привезли несколько десятков верблюдов. Этих невиданных зверей ужасного вида, как объявляли глашатаи, царь собирался направить для уничтожения польской конницы. Но увы, ни верблюды, ни даже более надежная защита от конницы — так называемые «чесноки», железные изделия, ошетинившиеся шипами, — не помогли против гусар. Верблюдов скоро съели от голода, а «чесноки», призванные вонзаться в конские копыта, тонули в летней российской грязи или зимних сугробах.

Тяжеловооруженные польские гусары вызывали страх не только у отсталых в военном отношении москвитов, но и у шведов. После разгрома под Киркхольмом в шведской армии развился настоящий комплекс неполноценности по отношению к польской коннице. Король Карл IX считал, что лишь наемная иностранная пехота способна остановить ее натиск.

Уважение монарха к польским гусарам было вполне оправданно. Средневековая рыцарская конница, давно исчезнув в Европе, сохранилась лишь на ее восточной окраине, в Польше, доказав, что ее рано списали со счета. Яростную атаку закованных в латы поляков, скакавших галопом с шестиметровыми копьями наперевес на своих рослых превосходно выдрессированных лошадях, не выдерживала даже пехота, скрытая за плетнями или ошетинившаяся воткнутыми в землю кольями. «Летучие гусары», как называли этот род войск за прикрепленные к седлам за спинами рыцарей крылья из гусиных перьев, одерживали психологическую победу, еще не успев врезаться в ряды вражеской пехоты. Тяжелый топот копыт, от которого гудела и тряслась земля, ослепительное сверкание позолоченных доспехов и лес стремительно приближающихся, устремленных в самое сердце копий вызывали панику у обороняющихся. Мушкетные пули причиняли мало вреда этой стальной лавине, пробивая доспехи лишь с двадцати шагов, а воткнутые под наклоном в землю кольца скользили по нагрудной конской броне, выскальзывая из слабеющих от ужаса солдатских рук. Если польского удара не выдержи-

вала пехота, надежды на конницу не оставалось. Всадники европейских армий не привыкли сражаться холодным оружием один на один, в их задачу входило лишь преследование бегущих и обстрел пехотных рядов противника из пистолетов. Когда польские гусары, отбросив переломанные в прорыве рядов пехоты копья, доставали из ножен свои тяжелые палаши длиной в рост человека, напоминавшие рыцарские мечи Средневековья, вражеской коннице оставалось лишь спасаться бегством. Белые крылья «ангелов смерти» издавали на скаку свист и жесткий шелест, пугающие лошадей противника, а стальная дуга, на которой крепились перья, защищала спину польского рыцаря от сабельного удара. Гусары перед боем надевали поверх доспехов волчьи, тигровые, рысьи и медвежьи шкуры, источавшие едкую вонь, — их вид и запах вызывали у вражеских коней панику; не слушаясь шпор и поводьев, они несли своих седоков куда глаза глядят, подальше от набросившейся на них хищной стаи.

В чистом поле, не скрывшись за стеной из повозок или за деревянными укреплениями, устоять против атаки летучих гусар могли только хладнокровные немецкие наемники, вооруженные длинными копьями. Сплотив ряды, они спокойно ждали накатывающейся на них стальной волны и, выбрав незащищенные места у атакующих кентавров, направляли туда острия своих орудий. Железные нервы, отличный глазомер и вера в то, что товарищи не подведут и останутся в линии, помогали немцам выстоять против польской кавалерии.

Колонны шведского и русского войска, то разделяясь на два рукава наподобие реки, то соединяясь вместе, вливались в просторы великой Русской равнины. Позади остались сражения локального характера под Торопцом и Торжком, в которых каждая из сторон считала себя победившей. Первая большая битва, где немецким пикинерам представился случай помериться силами с польскими летучими гусарами, произошла под Тверью, называвшейся «ключом к Москве». Восемнадцатитысячное войско Делагарди и Скопина-Шуйского численно почти в три раза превосходило силы поляков, но в подчинении у полковника Зборовского, направленного из Тушина против шведов, была превосходная ударная сила из двух тысяч летучих гусар. Делагарди и Скопину-Шуй-

скому еще повезло, что из тушинского лагеря Зборовскому смогли дать лишь тысячу человек в подкрепление. Накануне состоялось сражение вышедшего из Москвы войска с силами самозванца, в котором воеводы Василия Шуйского выдвинули против летучих гусар своеобразные деревянные танки. Это были так называемые «гуляй-города», толстые дубовые щиты, поставленные на возы. Их толкали, взявшись за колеса, силачи, а из бойниц этих движущихся крепостей палили мушкеты и небольшие пушки. Гуляй-города сильно потрепали не ожидавшую встречи с таким противником тяжелую польскую кавалерию, и заправлявший всем в лагере самозванца польский гетман князь Ружицкий не решился ослаблять позиции своих войск под Москвой отправкой Зборовскому значительной помощи.

11 июля выстроившаяся в боевой порядок армия Делагарди и Скопина-Шуйского подошла к Твери. Шел дождь, солдаты прикрывали полами курток замки своих тяжелых мушкетов от потоков воды, ворча, что в такую погоду нужно не воевать, а отсиживаться в палатках. Наемники не пылали желанием сражаться еще и потому, что обещанную плату задерживали — царь задолжал им почти за два месяца. Делагарди знал об этих настроениях, но у него были и другие причины для беспокойства. Несколько дней назад гонец доставил свежую почту из Стокгольма. Обычная подозрительность короля Карла IX достигла новых высот из-за жалоб посланца Скопина-Шуйского, которому он дал аудиенцию 22 июня. Русские жаловались, что вспомогательное войско прибыло позже договоренного времени, изменяло назначенный царем маршрут, грабило крестьян, бесчестило святыни, не торопилось на помощь Москве. Король все эти претензии отверг, сделав единственный вывод: царь не желает выполнять взятые на себя обязательства. Он писал Делагарди, чтобы тот не шел на Москву, пока русские не передадут Швеции, как обещано, Кексгольм и не заплатят сполна войску. Вообще не стоило углубляться в Россию с такими малыми силами, куда полезнее было, по мнению монарха, захватить на границах со Швецией несколько русских крепостей, присягнувших самозванцу. За них потом можно будет хорошо поторговаться с царем.

Так стоило ли вопреки королевским рекомендациям открывать замок на московских воротах — брать Тверь? Однако Скопин-Шуйский настаивал на сражении, он уверял, что деньги на плату войску подготовлены, но они находятся в Москве. Кексгольм также вот-вот будет передан шведскому королю. Соображения рыцарской чести перевесили. Делагарди решил дать бой. Он лично возглавил финскую конницу, размещенную на правом фланге. В центре располагалась немецкая пехота. С левого фланга ее прикрывала французская кавалерия. Не слишком надеясь на боевую мощь русских ополченцев, Делагарди поместил их в арьергарде. Они могли пригодиться для преследования отступающего противника и охраны обоза.

Сражение началось с мелких кавалерийских стычек, так называемых «гарцев». Затем Делагарди перешел со своими финнами в атаку, смяв легкую кавалерию и пехоту противника. По плану сражения одновременно слева должна была ударить французская кавалерия, но она обратилась в бегство. Ее атаковали грозные летучие гусары, воспользовавшись тем, что дождь перешел в ливень. Шведская пехота не могла прикрыть французов стрельбой из мушкетов — оружие давало осечки. Победу в тот день праздновали архаичные луки, которыми были вооружены казаки, сражавшиеся на стороне самозванца. Они осыпали наемников Делагарди тучами стрел, от которых нечем было укрыться: щиты давно ушли в прошлое из арсенала западных солдат.

Так успешно начавшееся сражение грозило превратиться в разгром объединенного войска. Обратившаяся в бегство французская конница смяла стоявших в арьергарде русских ополченцев, и те, решив что все кончено, принялись грабить обоз. Когда впоследствии шведские наемники попытались провести инвентаризацию своего имущества, оказалось, что считать нечего: они лишились не только трофеев, но и одежды, которую рассчитывали надеть взамен той, что изорвалась и насквозь промокла в сражении.

На ночном совещании Скопин-Шуйский и Делагарди обсуждали, что предпринять дальше. Русский полководец, подводя неутешительный итог первого дня (одних лишь русских погибло несколько тысяч), склонялся к отступлению

в одну из ближайших крепостей. Делаягарди настаивал на продолжении битвы. Он считал, что противник, уверенный в своей победе, потерял бдительность, кроме того, когда небо прояснится, поляки испытают на себе силу залпового мушкетного огня шведов. Мнение Делаягарди перевесило. Весь следующий день лило как из ведра, и противники не выходили из палаток. Дождь прекратился лишь под утро 13 июля.

За час до рассвета соединенное войско, выстроенное полукольцом, стараясь не греметь амуницией, начало приближаться к спящему польскому лагерю. Атака была столь неожиданной, что поляки, действия которых были ограничены обозом, не смогли оказать организованного сопротивления. Через три часа они побежали, преследуемые конницей во главе со Скопиным-Шуйским. Русские, по словам находившегося в польском стане пастора Мартина Бера, «с таким мужеством ударили на поляков, что Зборовский не мог устоять; покрытый стыдом, потеряв многих воинов, он удалился в тушинский лагерь».

Около пятисот поляков укрылось в тверской крепости, остальные в панике бежали в Тушино, преследуемые на протяжении сорока верст. «Едва иной в рубашке успел прибежать в лагерь», — язвительно отзывался сам самозванец о своих защитниках.

Делаягарди пытался с ходу, применив петарды, взять штурмом Тверь, но атака не удалась. Скопин-Шуйский убедил союзника не тратить сил на взятие этой крепости, а оставив ее в тылу, идти дальше на Москву. Отрезанные от снабжения и обессиленные битвой, защитники рано или поздно сами покинут Тверь. Делаягарди согласился с доводами князя, прекратив осаду Твери. Обойдя город, он стал переправляться через Волгу. Дорога на Москву, до которой оставалось около ста пятидесяти километров, была открыта.

Но кто бы мог подумать, что блестящая победа обернется невиданной катастрофой! Наемники, узнав, что их лишают законной добычи, которую сулило взятие крепости, пришли в ярость. Первыми взбунтовались финны. Они заявили, что отказываются воевать вместе с русскими, которые, пока они сражались, обчистили их до нитки. «Платите положенные деньги! Мы не хотим идти дальше в эту страну на убой!»

Пока мы здесь проливаем кровь, у нас дома бесчинствуют сборщики налогов!» — под эти крики зачинщиков финские роты, развернув знамена, повернули назад. Не успела осесть дорожная пыль, поднятая уходившими финнами, как взбунтовались остальные наемники. Они объявили, что прекращают поход, поскольку нарушено заключенное с ними соглашение об оплате. «Лишь честь мешает нам перейти на сторону врага! Но останавливать нас лучше не пытайтесь!» — заявляли своим офицерам французы и немцы. Солдаты выхватывали знамена у командиров, а некоторых из них силой заставляли присоединиться к отступающим.

Делагарди поначалу думал, что его просто шантажируют. Войско так далеко углубилось во вздыбленную гражданской войной Россию, что солдатам было опаснее возвращаться назад, чем идти к Москве. Расстояние до шведской границы в три раза превышало путь, оставшийся до русской столицы. Но упрямые наемники, не желая слушать доводов рассудка, нестройными толпами побрели домой. Делагарди в сопровождении полковников поскакал вдогонку за покидавшим его войском. Он нагнал передовые отряды лишь через сорок километров, у самых стен Твери. Полководец, изрыгая проклятия и угрозы, метался среди солдат с обнаженной шпагой, вырывал у них знамена и с помощью полковников пытался загнать бунтовщиков в строй.

Все было напрасно. Флегматичные северяне лично ничего против своего генерала не имели, они даже предлагали ему возглавить отступление на родину, но на Москву идти отказывались. «Если герр Якоб не хочет идти с нами, мы оставим его одного», — отвечали солдаты Делагарди, которых ничуть не пугала перспектива быть повешенными за неповиновение. В конце концов, смерть была частью их профессии, и они давно решили для себя, что стоит бояться лишь неоправданной гибели.

Полководец не решился устроить показательную экзекуцию самых горластых дезертиров. Армия могла повернуть оружие против своих офицеров, кроме того, следовало всячески скрывать сведения о бунте в шведском войске как от сторонников царя Василия Шуйского, так и от тех, кто считал себя подданными Дмитрия. Большая часть наемников под предлогом болезней, дряхлости и ран потянулась на

запад, к границе, а около двух тысяч, оставшихся с Делагарди, согласились ждать прибытия подкреплений из Швеции и выплаты жалованья, не уходя из пределов России. Полководец, желая удержать хотя бы часть солдат, обещал значительно поднять ежемесячные выплаты.

Новые ставки, не предусмотренные Выборгским соглашением, приведут в будущем к серьезным трениям между союзными государствами. Москва расплатится с долгами по ранее согласованным нормам, но Делагарди, а вслед за ним и шведский король будут приводить эту псевдозадолженность в качестве одного из оправданий невыполнения союзнических обязательств.

Как и предсказывал Скопин-Шуйский, поляки и их русские сообщники вскоре покинули разоренную и наполовину сожженную тверскую крепость, но становиться там на постой было нельзя из-за жуткого зловония, которое распространяли на июльской жаре вздувшиеся лошадиные туши и человеческие трупы. Пришлось разбить палаточный лагерь неподалеку. Кучке оставшихся в Твери жителей Делагарди объявил, что решил охранять этот важный пункт, где сходились несколько дорог. Эту же версию он изложил Скопину-Шуйскому и — письменно — русскому царю, прося подтвердить договор о передаче Кексгольма и выплатить недостающее жалованье наемникам.

Лагерь под Тверью не стал последней остановкой на пути отступления рассыпающейся армии Делагарди. Вскоре поднялась новая волна мятежа, и полководец, точно пастух, вынужденный следовать за испуганным стадом, сопровождал отряды беглецов до самого Новгорода. Давно обещанные королем подкрепления все не шли, и Делагарди отправил Эверта Горна с несколькими сотнями финнов и шведов встречать свежие силы в Нарве. Близость родины дала новый толчок мятежу, поколебав даже такого надежного офицера, как Эверт Горн. Он возглавил военную операцию по захвату стоявших в нарвском порту судов, на которых дезертиры и отплыли в Финляндию.

Наказания Горну за самовольство не последовало. Карл IX решил, что в сложившихся обстоятельствах важнее было не потерять контроль над солдатами, чем героически погибнуть, пытаясь остановить их бегство. В отношении Делагар-

ди король придерживался иного мнения. Полководец был обязан подавить мятеж в самом зародыше, поскольку прекрасно знал о важности порученной ему миссии. Теперь все надежды на получение Кексгольма и, возможно, Нотебурга рассыпались. Лишившись шведской помощи, царь мог попытаться договориться с поляками. «Плевки, позор и враждебность ожидают впереди. Московиты и великий князь теперь возьмут сторону врага», — писал Карл IX обескураженному полководцу, не знавшему, как оправдаться перед монархом. Еще по опыту героической, но неудачной обороны Вольмара молодой человек знал, что король не признает никаких доводов, которые могли бы объяснить провал военной операции. Надежда оставалась лишь на Христиера Сомме, продолжавшего в глубинах России демонстрировать царю верность шведов союзническим обязательствам.

Когда после сражения под Тверью основная часть шведского войска потянулась назад к границе, Делгарди уговорил одного из самых опытных своих полковников, Христиера Сомме, остаться со Скопиным-Шуйским. Этому офицеру удалось отобрать тысячу наемников, с которыми русские заключили отдельное соглашение на выплату им повышенного денежного довольствия. Содержание столь малого отряда оказалось вполне по силам царскому воеводе. Ни в деньгах, ни в еде наемники не нуждались.

«Питание, пиво и самогонка здесь в достатке, солдаты едят и пьют сколько влезет. Это хорошие и неистощенные края, способные прокормить целое войско», — такие соблазнительные картины сытой и богатой жизни своего отряда рисовал в письме Делгарди Христиер Сомме из лагеря под Калязином, где стояло ополчение Скопина-Шуйского. Он выражал надежду, что полководцу удастся убедить несколько сотен мятежных наемников прийти вместе с Делгарди в Калязин.

Христиер Сомме и его солдаты не представляли собой сколько-нибудь значительной военной силы, но Скопин-Шуйский, нанимая их, преследовал совсем другие цели. Он решил использовать шведских профессионалов в качестве инструкторов, которые могли бы превратить его неумелых ополченцев в настоящих солдат. Под Калязином собралось около двадцати тысяч ополченцев, и каждый день из разных областей России сюда стекались новые и новые отряды доб-

ровольцев. Разоренная страна не могла бы прокормить столь многочисленную армию, если бы не поражавшая иностранцев неприхотливость русских в еде. Каждый ратник приходил со своим запасом пищи, представлявшим собой чаще всего кожаный мешочек с толокном — поджаренным и высушенным овсом, измолотым в муку. Горсть этой еды воин разводил в воде и, выхлебав получившуюся похлебку, оставался сыт целый день. Но скромные потребности являлись едва ли не единственным достоинством русских ополченцев. Это была вооруженная толпа, которую могла легко разогнать тысяча польских гусар.

О том, что собой представляли русские армии того времени, сообщает в своих записках, основываясь на личных впечатлениях и рассказах Делагарди, шведский дипломат Петр Петрей. «Когда (русские) услышат, что неприятель близко, и намерены вступить в бой с ним, они не устраивают ни крыльев, ни боевого порядка, ни передового, ни заднего войска, а едут в куче без всякого устройства, имея в середине большое знамя, — писал Петрей о коннице, составлявшей основу русской армии. — Завидев неприятеля издали, они поднимают сильный крик и вой, точно делают важное для них дело, думая таким образом обратить неприятеля в бегство, запугать и проглотить живьем. Потому что от природы они не так, чтобы очень храбры и неустрашимы, так и думают сбить и одолеть неприятеля своим страшным рыком и воем и стремительным нападением. Если же это не удастся и останется напрасным, неприятель идет им навстречу, наступает на горло, храбрость у них и проходит... Они никогда не оглядываются назад, чтобы отступить и занять место для вторичного боя с неприятелем, а думают только, как бы унести ноги и спастись бегством... При первом нападении они стреляют все вместе, только большею частью издали, потому что с трудом подпускают неприятеля так близко, что могут достать его копьем. Выстрелив и не замечая, чтобы их стрелы нанесли такой вред неприятелю, что он очень ослабел, они обращаются в бегство и бегут без отдышки, один за другим, как будто Богу угодно тот, кто бежит шибче всех».

Эта пренебрежительная характеристика отражала не столько особенности русского национального характера, сколько сильное отставание военной науки у нации, привыкшей

отбивать в основном нападения еще более неорганизованных толп татар, приходивших из крымских степей. Тот же Петрей признается, что под защитой инженерных сооружений, оборона которых не требовала хорошей военной выучки, русские превращались в отменных воинов: «Хотя москвиты и не особенно храбры и неустрашимы в сражении, чтобы сделать что-нибудь чрезвычайное, однако ж они дерзки, хитры, отважны, если осадить их в обозе, в укреплении или в кремле, и прежде испытают всякую нужду, нежели сдадутся на милость неприятелю, потому что защищаются и сопротивляются длинными баграми, копьями, камнем и всем, что только придет им в голову. Валы, несмотря на то что они довольно насыпаны землей, имеют у них еще стену из толстых бревен, крепко вбитых в землю, а на них и кругом лежит очень много больших деревьев, которые русские с небольшим усердием могут стаскивать вниз. Когда же подойдет неприятель и полезет на стены, они скатывают деревья и бревна, которые по их тяжести часто причиняют много вреда и убивают много народа. У них нелегко взять крепость ни пушками, ни огненными ядрами, ни другим, употребляемым для того оружием, если только у них есть войско, пища и питье для необходимого содержания».

Шведские инструкторы, приступив к обучению ополченцев, поставили перед собою две главные цели. Во-первых, нужно было научить их сражаться в строю, превращавшем воинов в живую крепость. Во-вторых, следовало научить русских наступательной войне с помощью строительства временных деревянных крепостей, так называемых острожков или блокгаузов, отрезавших противника от путей снабжения.

Прежде всего, как писал Христиер Сомме, он и его люди научили русских орудовать «длинными пиками по нашему образцу», то есть сделали из крестьян пикинеров, способных отразить польскую кавалерийскую атаку. В начале семнадцатого века образцом боевого построения в Европе считались массивные прямоугольные формации пехотинцев, до пяти-сот человек в каждой, вооруженных длинными копьями. От них требовались лишь выдержка, физическая сила и умение держать строй. Хорошим пикинером мог быстро стать любой крестьянин. Труднее было обучить мушкетеров, распола-

гавшихся под защитой пикинеров. На производство одного выстрела у мушкетера уходило от восьми до десяти минут, и необходимая плотность огня достигалась согласованностью действий стрелков. Первый ряд, произведя выстрел, становился на колено, в это время стрелял второй ряд, принимая ту же позу, что и первый ряд, затем стрелял третий ряд, и так далее. Когда залп делал последний ряд, первый ряд успевал перезарядить мушкеты и был готов возобновить стрельбу. В результате из строя пехоты, ошестинившейся пиками, роями вылетали свинцовые смертоносные пчелы.

Стрельбу в том же темпе можно было производить и в движении. В этом случае первая шеренга мушкетеров, согласовывая свой шаг с мерной поступью пикинеров, выстрелив, уходила назад по флангам. Ее место занимала вторая шеренга, выполнявшая тот же маневр, называвшийся контрмаршем.

Это была так называемая испанская школа, которую постепенно вытесняла более передовая нидерландская, которую хорошо освоили Делгарди и его офицеры. Суть оставалась прежней, но массивные формирования испанского образца основатель нидерландской школы Мориц Оранский заменил на небольшие маневренные подразделения пикинеров и мушкетеров, в которых требовалась еще большая согласованность действий солдат, чем у испанцев. Можно представить, как мучились Христиер Сомме и его инструкторы, превращая в мушкетеров неграмотных и едва умевших считать русских крестьян! Ведь в Нидерландах только процесс заряжания и выстрела составители стрелковых наставлений разбили на сорок три приема! Не легче было привить ополченцам и умение подпустить врага максимально близко. На расстоянии 75 метров достигалась пятидесятипроцентная точность попадания, однако чаще всего применялся другой метод определения оптимальной дистанции огня: залп производился, когда становились видны белки глаз наступающего противника.

Экономя время на производство выстрела, мушкетеры обычно несколько пуль держали во рту, выплевывая их одна за другой по мере надобности. Этот способ ускорения стрельбы был настолько распространен, что даже в документах о переговорах на капитуляцию того времени часто можно встретить фразу о том, что сдающиеся имеют право на сво-

бодный уход «с развернутыми знаменами, полным вооружением, горящими фитилями и с пулями во рту». Русские этот прием освоили на удивление легко. Помогла распространенная в их стране денежная система. Единственными ходившими в России монетами были копейки, крошечные скользкие чешуйки неправильной формы, нарубленные из серебряной проволоки. Отправляясь за покупками, русские предпочитали класть их за щеку, чтобы не потерять. Привыкнув хранить во рту свой капитал, ополченцы с той же легкостью совали за щеку и свинцовые мушкетные пули.

Первый экзамен обученному шведами ополчению пришлось выдержать уже в августе. Большой польский отряд под командой гетмана Сапеги, осаждавшего Троицкий монастырь в окрестностях Москвы, пришел под Калязин, чтобы разбить формирующееся там войско. Бой длился целый день, но полякам так и не удалось взять полевые укрепления, выстроенные Скопиным-Шуйским. Христиер Сомме, распределив своих солдат небольшими группами среди всего ополчения, повел русских учеников в атаку и отбросил поляков от Калязина.

В сентябре и начале октября ополчение Скопина-Шуйского совместно с отрядом Христиера Сомме овладело сначала Переяславлем, а затем Александровской слободой, встретив незначительное сопротивление польских и русских сил, воевавших на стороне самозванца. Продвигаясь к Москве, ополченцы возводили острожки, ставя там гарнизоны: такая тактика помогала закрепиться на захваченных территориях при продвижении вперед основного войска. Открылись дороги на столицу со стороны хлебных областей, голод отступал. Стоимость бочки пшеницы упала в пять раз.

Боевой дух поляков и их русских союзников явно шел на убыль, пленные сообщали о царившем в тушинском лагере смятении и кровавых стычках между недавними друзьями. Виновником неожиданного ослабления тушинцев стал польский король Сигизмунд. В августе, воспользовавшись в качестве предлога союзом Шуйского с Карлом IX, своим смертельным врагом, он нарушил перемирие и вторгся с армией в Северскую область России, осадив главную крепость на западе страны — Смоленск.

Тушинские поляки, собрав совет, дали письменную клятву не покидать Дмитрия и отправили в королевский лагерь под Смоленском посольство с просьбой к королю вернуться в Польшу. Король ответил высокомерным отказом. В то же время Сигизмунд послал в тушинский лагерь своих комиссаров, которые, не пожелав встречаться с самозванцем, обратились прямо к его польским кукловодам — гетманам Ружинскому и Сапеге. Комиссары призвали польских рыцарей покинуть самозванца и присоединиться к королевской армии, как то и подобает верным сынам отечества. Эти искатели удачи не чувствовали никаких обязательств к презираемому ими «вору», но оставить его — значило лишиться почестей и денег, которые он им обещал в случае своего воцарения в Москве. Если на первом этапе авантюры со вторым самозванцем гетман Ружинский еще сохранял видимость почтения к Лжедмитрию, то ко времени приезда в Тушино королевских комиссаров уже не заботился о внешних приличиях. Весь лагерь стал свидетелем безобразной сцены, когда Ружинский, узнав, что самозванец пьянствует в своей избе с недругом гетмана, вышиб дверь и палкой избил собутыльника «царя». Хотя сам Лжедмитрий побоев избежал, разгоряченный дракой гетман назвал его сукиным сыном и высказал о «царе» свое мнение: «Черт тебя знает, кто ты такой. Мы, поляки, так давно проливали за тебя кровь, а еще ни разу не получали вознаграждения и того, что нам положено еще».

Князь Ружинский, заложивший свои имения на Украине, чтобы набрать для похода в Россию отряд конных копейщиков, находился в той же ситуации, что и сотни других собравшихся в Тушине нищих польских аристократов, увидевших во вторжении Сигизмунда в Россию крах мечты о славе и богатстве. «Король пришел, чтобы отнять у нас заработанное! Пусть Его Величество заплатит нам за весь срок нашей службы у Дмитрия!» — кричали польские шляхтичи, потрясая саблями на вспыхивавших повсюду в лагере стихийных митингах. Но Сигизмунд, как признались послы, не собирался платить своим подданным, пустившимся в русскую авантюру ради воцарения какого-то мошенника.

Самозванца в течение нескольких месяцев, пока шли переговоры, поляки держали в лагере под домашним арестом,

опасаясь потерять важный козырь в торговле с Сигизмундом. Но в декабре перетрусивший «царь» все же сумел бежать, переодевшись в крестьянское платье и зарывшись в вывозимый из лагеря на санях навоз. Объявился пахнувший хлевом самозванец уже в Калуге и тут же принялся созывать к себе подданных. Из Тушина к нему начали стекаться русские сторонники и немногие из поляков, решивших до конца связать с ним свою судьбу.

Гетманы Ружинский и Сапега едва скрывали взаимную враждебность и не желали действовать сообща. Польские рыцари до хрипоты спорили на пирах, кому выгоднее отдать свой меч, не желая, пока ситуация не прояснится, выходить на битву против сторонников Шуйского.

В этой ситуации достаточно было небольшого толчка, чтобы начавшее разлагаться тушинское войско перестало существовать. Василию Шуйскому нужны были хотя бы несколько тысяч шведских профессионалов! В лагерь Делагарди под Новгородом одна за другой летели грамоты царя и Скопина-Шуйского, в которых те просили полководца срочно выступить на соединение с ополчением. Гонцы везли шведам деньги, гнали свежих коней, даже послали, по случаю грядущей осенней непогоды и холодов, толстые суконные плащи и меховые шубы. Карла IX настораживало, что Кексгольм, вопреки договору, все еще не передан шведам, однако русский царь уверял, что предпринимает все от него зависящее. Василий Шуйский в августе своей печатью подтвердил соглашение на передачу Кексгольма и направил воеводе и епископу этой крепости распоряжение о выводе из города жителей вместе с их пожитками, а также о вывозе оттуда церковной утвари и пушек. Не его вина, что неистовый кексгольмский епископ Сильвестр возбудил против царя чернь и отказывался выполнять высочайшее распоряжение! Жители под разными предлогами не пускали в город царских комиссаров, посланных из Москвы для передачи Кексгольма шведам, а сами между тем готовились к осаде.

Вторжение Сигизмунда в Россию заставило Карла IX закрыть глаза на невыполнение русскими условий соглашения. Ведь если военное предприятие Сигизмунда окажется удачным, в его распоряжении для схватки за шведскую коро-

ну могли оказаться неисчерпаемые ресурсы Московии. Так Якобу Делагарди вновь пришлось отправиться в поход по уже пройденному маршруту. На этот раз в его распоряжении вместо двенадцатитысячной отборной армии, снабженной всем необходимым, было менее двух тысяч измотанных в сражениях и готовых к мятежу озлобленных головорезов, считавших, что их обманули с деньгами в предыдущем походе. Присланных Скопиным-Шуйским средств едва хватило на выплату полумесячного жалования этим жалким остаткам войска. Отослав в Финляндию с королевскими комиссарами тех из наемников, кто категорически не желал воевать, Делагарди пошел на соединение со Скопиным-Шуйским. 26 сентября шведы вступили в Калязин. Хотя Делагарди привел с собой лишь 830 всадников и 130 пехотинцев, Скопин-Шуйский, по свидетельству Видекинда, встретил Делагарди «со всевозможным почетом и приветствиями». Наемникам выдали дополнительное жалование мехами. В начале октября ополчением с помощью шведов почти без боя была взята Александровская слобода, где соединенное войско задержалось почти на три месяца. Здесь Делагарди решил ждать обещанных из Швеции подкреплений и новых царских уступок. Дожливая осень сменилась ранними морозами, наемники были измотаны постоянными стычками с поляками, страдали от ран и болезней. В январе 1610 года — отряд за отрядом — в Александровскую слободу стали подтягиваться новые шведские силы, за которые царь Василий Шуйский торжественно обещал отдать все, что угодно. Царская грамота буквально гласила: «чево вельможный Король у Государя нашего Царского Величества по достоянию попросит, города, или земли, или уезда».

Со щедрыми обещаниями Шуйский явно поторопился. Собранное Карлом IX войско за время похода от границы растаяло более чем наполовину из-за дезертирств, болезней и обморожений. В Александровскую слободу пришло в общей сложности 500 конных и 700 пеших наемников. С этими скромными силами предстояло освободить Москву.

Зима прошла в стычках локального характера, в которых особенно отличился четырехтысячный лыжный отряд, сформированный из жителей шведской губернии Норботтен и русских северян. Стремительно скользя по твердому снежному

насту, лыжники неожиданно нападали на польских фуражиров, громили вражеские заставы, атаковали колонны неприятеля на походе. К весне была снята четырехмесячная осада Троице-Сергиевой лавры, означавшая окончательный прорыв блокады Москвы, затем гетман Сапега без боя оставил подмосковный город Дмитров, уйдя с остатками своих войск в ставку короля под Смоленском. Тушинцы еще огрызались, но прежней стойкости и веры в победу у них уже не было. Шестого марта временная столица самозванца запылала, подожженная самими ее жителями. Последние остававшиеся там отряды казаков и поляков спешно уходили кто куда: одни направлялись к Дмитрию в Калугу, другие — к королю под Смоленск, третьи решили искать разбойничьего счастья на просторах России, служа лишь своим атаманам. О стремительности, с которой произошел распад лагеря, свидетельствуют результаты раскопок, произведенные в Тушине в девятнадцатом веке, во время прокладки там железной дороги. Строительные рабочие обнаружили множество ценных предметов, бросить которые могли лишь люди, собиравшиеся в крайней спешке, граничащей с паникой. Из земли извлекли оружие и кожаную обувь, столярный инструмент и замки, сельскохозяйственные орудия и кузнечное оборудование.

Не встречая сопротивления, соединенное русское и шведское войско 12 марта вышло к Москве. Издалека были видны покрытые известью каменные стены так называемого Белого города, третьей внешней полосы укреплений столицы, за которыми сияли на солнце позолоченные купола церквей и монастырей. В авангарде скользили лыжники, проверяя, не устроил ли враг засады. Но все было чисто. Пятидесятитысячное войско, много месяцев осаждавшее Москву, точно испарилось, оставив после себя безобразное черное пятно разоренного лагеря и сожженные деревни. Поход длиной почти в восемьсот километров подошел к завершению. За городским валом на снегу виднелись тысячи двигающихся черных точек и слышалась отдаленная пушечная пальба. Прежде такая картина могла означать лишь одно — войско Шуйского вышло в поле для схватки с армией самозванца. Но на этот раз все было иначе. Москва встречала своих освободителей.

Слава и позор Деллагарди

Кучка бояр, посланная царем для торжественной встречи союзного войска, ожидала освободителей Москвы перед городскими воротами, выходящими на Ярославскую дорогу, но стихийное чествование армии Скопина-Шуйского началось еще в поле, за последними домами городских предместий. Из толпы, теснившейся по обеим сторонам дороги, неслись приветственные выкрики, одни рыдали от избытка чувств, другие в религиозной экзальтации протягивали ратникам принесенные из дома иконы, третьи, проталкиваясь вперед локтями, пытались дотронуться до героев, точно желая убедиться, что все это им не приснилось и освобождение действительно пришло. Музыканты дули невпопад в трубы и зурны, лупили по барабанам, производя невообразимые звуки, считавшиеся у москвитов музыкой, а иностранцам напоминавшие собачий вой. Над всей этой какофонией плыл, перекрывая ее, торжественный колокольный звон всех московских церквей и монастырей.

Взгляды толпы были прикованы к статному юному всаднику, ехавшему во главе русских ополченцев, — князю Скопину-Шуйскому. Большинство москвичей впервые видели этого человека, о подвигах которого складывались легенды. Обывателям, успевшим за годы смуты убедиться в ничто-

жестве и низости многих представителей лучших боярских родов, нужен был герой, и общество интуитивно выбрало на эту роль молодого князя. В войске его уже давно за глаза называли царем, и реплики москвичей, следивших за вступлением войска в столицу, лишь подтверждали общую решимость заменить неудачливого царя Василия Шуйского на его блистательного родственника. «Вот он, юный Давид!..» — переговаривались между собой обыватели, привыкшие верить собственную жизнь библейскими сюжетами. Сравнение Скопина-Шуйского с Давидом, вызывавшим своими воинскими победами ревность и злость у престарелого израильского царя Саула, должно было крайне насторожить Василия Шуйского. Ведь в итоге, как известно, именно Давид занял престол Саула.

Апофеозом встречи стал момент приближения Скопина-Шуйского к городским воротам, когда случилось и вовсе неожиданное: многотысячная толпа в едином порыве преклонения пала перед князем ниц. Прежде лишь цари удостоивались такой чести.

Ближайших царских родственников, наблюдавших с городского вала за вступлением в столицу ополчения, восторг толпы наводил на грустные размышления. Брат царя Дмитрий Шуйский, которого современник охарактеризовал как «сердцем лютого, но не храброго», якобы сказал, указав рукой на всадника, к которому были прикованы общие взгляды: «Вот идет мой соперник». Дмитрий Шуйский уже давно мечтал сменить брата на престоле, и шансы на это росли с каждой новой военной неудачей царя. Детей у того не было, и по правилам престолонаследия преемником Василия Шуйского становился старший по чину боярин, то есть Дмитрий, носивший первый придворный чин конюшего. Еще в начале 1608 года, по дневниковому польскому свидетельству, Дмитрий Шуйский заявил на совете, собранном в Москве втайне от царя: «Мой брат не способен царствовать, обещаю, что, когда вас обороню и государство московское успокою, царем вашим буду». Мог ли представить юный полководец, что гостеприимно распахнутые ворота столицы окажутся входом в ловушку, из которой ему не суждено спастись!

Он ждал встречи шведов с царем, чтобы можно было договориться о выплате долга войску, передаче Кексгольма и после-

дующих совместных действиях против поляков. Наконец пришло известие из Кремля, что аудиенция состоится. Приставы, однако, потребовали, чтобы Делаягарди и его офицеры оставили шпаги дома. Еще никто никогда не являлся к царю вооруженным. Но тут коса нашла на камень. Европейская рыцарская традиция, по которой шпага являлась неотъемлемым символом дворянской чести, вступила в противоречие с московскими представлениями о правильном мироустройстве. Согласно им даже самые знатные бояре являлись не более чем царскими холопами, которым подобает носить оружие лишь по служебной необходимости. Саблей русский дворянин опоясывался, только собираясь в поход, прицепи он ее в Москве просто так, как атрибут одежды, и его ждало суровое наказание. Появиться же с оружием перед царем под страхом смерти не могли даже иностранцы. Однако Делаягарди считал, что по праву освободителя он достоин исключения. Шведский полководец ответил с присущей ему высокопарностью, на которую обращали внимание даже современники, сами не скупившиеся на красивые выражения: «Великий князь может взглянуть на меч, который его освободил».

Вот как рассказывает об этом эпизоде Петр Петрей, вероятно, со слов самого Делаягарди: «Послы должны отдавать шапки служителю, пока не окончится церемония. Им тоже не дозволяется приходить к Великому Князю со своими тростями и оружием. Еще до выхода в Кремль они должны оставить все это в своем жилище. Но Королевско-шведский посол, Граф Яков Делаягарди не хотел того сделать в бытность свою у Великого Князя Василия Шуйского в 1610 году: он говорил, что прежде чем положить оружие, как пленный, он скорее лишится чести и не увидит ясных очей Великого Князя. Шуйский смотрел тогда на это с неудовольствием, однако ему гораздо нужнее было видеть ясные очи Графа, нежели Графу его, потому что этот выручил и избавил его от долговременной осады. Оттого-то тогда и дозволили Графу и всем его старшим Офицерам, Ротмистрам, Капитанам, Поручикам и Прапорщикам явиться с оружием к Великому Князю. Этот Граф Яков был первый, явившийся с оружием в залу Великого Князя всея Руси».

Церемония приема царем командующего, выступавшего в двойной роли полководца и посла Карла IX, а также

его офицеров была обставлена с византийской пышностью и продумана до мелочей. На всем пути движения шведов до царского дворца в Кремле были выстроены стрельцы в парадной одежде. Офицеров, как христиан, провели мимо Архангельского собора, усыпальницы русских великих князей — представителей мусульманских стран вели иными путями, — после чего предложили подняться во дворец по крайней левой из трех лестниц. Это считалось проявлением высшей чести. Средней вводили послов турецких, персидских и прочих басурманских, правая предназначалась для христиан, а левая — для тех из них, кому царь хотел оказать повышенное внимание. Каменные львы, украшавшие внешнюю лестницу двухэтажной белокаменной Грановитой палаты, казалось, молчаливо принимали шведских офицеров в свое царственное сообщество. Над фронтоном крытой лестницы раскинул крылья золоченый византийский двуглавый орел, символизируя стремление московитов представить свою державу преемницей великой империи, которой были покорны и Запад, и Восток. Сейчас, когда реальная власть Шуйского все еще ограничивалась пределами одной Москвы, двуглавый орел казался неуместным проявлением тщеславия великого князя. Делая гарди и его свиту провели через зал, вдоль стен которого в полном молчании сидели седобородые старцы в шапках-башнях из чернубурой лисицы и длинных шитых золотом и жемчугом парчовых одеяниях, рукава которых свисали до пола. Это были московские купцы, выбранные по признакам благообразия внешности. Они выступали в роли живых украшений дворцовой приемной. Дорогие одежды старцам, как и многим из бояр, выдали из царских кладовых на время торжественной церемонии: запачкают или еще как испортят одеяния — не миновать им отеческого царского кнута и денежного взыскания!

И вот, наконец, тронный зал, по потолку красиво расписанный библейскими сценами, с длинными лавками, тянущимися вдоль стен. На них, как и в приемной, расположились надутые от важности старцы в высоких шапках — только на сей раз не купцы, а бояре. В глубине зала на троне под балдахинном восседал небольшой седобородый человек, царь Василий Шуйский. Его окружали четверо юношей-рынды,

почетных телохранителей с серебряными бердышами, в одежде из белой парчи и в высоких песцовых шапках. В руке великий князь держал посох из драгоценного рога единорога с изображением креста наверху. Мог ли он представить, что совсем скоро и посох этот, и корона, и держава из массивного золота, покоившаяся на пирамидальной подставе из чеканного серебра, будут оценены и отданы в залог польским солдатам?

Поблизости от царя на скамье стояла золоченая лохань с рукояйником, покрытая полотенцем. Зная заранее Делаягарди, считавший унижением даже попытку лишить его шпаги на царском приеме, назначение этого комплекта, он, возможно, и вообще не явился бы на аудиенцию. Лохань с рукояйником великий князь использовал для омывания рук, которые осквернили прикосновением своих губ зарубежные послы, причем исключения не делалось даже для христиан. Да что говорить о царе, если на Руси даже «православных» лошадей защищали от оскверняющего общения с животными, принадлежавшими представителям иной христианской конфессии. Шведские подданные в Карелии успели привыкнуть к тому, что «лютеранским» коням русские вырубали во льду отдельные окна для водопоя, в то время как «православные» лошади утоляли жажду из собственных прорубей.

Прием у царя носил протокольный характер. Василий Шуйский осведомился о здоровье своего брата, шведского короля, поблагодарил его за поддержку. Делаягарди ответил столь же учтивой речью, сообщив еще раз о желании Карла IX помочь великому князю избавиться от польской напасти и защитить православную веру.

Настоящие тяжелые переговоры начались уже после аудиенции. Русский самодержец назначил в советники Михаилу Скопину-Шуйскому двух бояр, которые обсуждали условия дальнейшего предоставления шведской помощи. Василий Шуйский желал, чтобы шведское войско безотлагательно двинулось на выручку Смоленска, осажденного польским королем. Делаягарди настаивал на отдыхе до полного схода снега и высыхания дорог, требовал немедленной передачи Кексгольма и выплаты денежной задолженности солдатам. Кроме того, необходимо было дожидаться подхода к Москве

трехтысячного отряда фельдмаршала Эверта Горна, вышедшего из Выборга еще в феврале 1609 года. Продвижение этих сил в глубь России, на соединение с Делагарди, сопровождалось дезертирством, мятежами и грабежами населения. Английские, шотландские и французские наемники, составлявшие отряд Горна, начали бунтовать еще в Выборге, получив оплату мехами, которые там невозможно было продать за хорошую цену. Дальше дела пошли еще хуже. Денег не было, католики-французы все больше склонялись к польской пропаганде, заявляя, что не хотят служить русским язычникам и собираются перейти на польскую службу. Кризис достиг пика в мае 1610 года, когда из-за невыплаты денег взбунтовались англичане и шотландцы, подогреваемые к мятежу двумя своими полковниками. Один из них едва не убил Эверта Горна, бросившись на него с кинжалом. Ночью восемьдесят англичан перебежали к полякам, а на следующий день фельдмаршал справился с оставшимися зачинщиками беспорядков. Казнив несколько человек и сменив командиров, он привел солдат к повиновению, однако ему удалось лишь загнать вглубь тлевшее в войске недовольство.

К началу переговоров между Скопиным-Шуйским и Делагарди измотанное сражениями с польскими отрядами и внутренними неурядицами войско Горна находилось менее чем в двухстах километрах к северо-западу от Москвы. Эверт Горн и русский воевода Григорий Валуев со своим десяти тысячным конным отрядом, посланным на помощь иностранным наемникам, двигаясь от крепости к крепости, медленно выдавливали остатки тушинской армии в западном направлении, вынуждая польских предводителей уводить свои отряды в стан Сигизмунда под Смоленском. На освобожденных территориях, по примеру Скопина-Шуйского, Григорий Валуев ставил острожки. Силы Горна и Валуева выступали в роли своеобразного бульдозера, очищавшего Смоленскую дорогу на подступах к Москве, а также прилегающие области от поляков и «воровских» казаков. Это была необходимая прелюдия перед назначенным на конец весны наступлением русского войска на армию Сигизмунда под Смоленском.

Однако все планы могли рассыпаться, если бы разноязыкий сброд, находившийся под командой Эверта Горна,

отказался воевать или перешел на сторону поляков. Бое-способность этого воинства, впрочем, как и наемников Делаягарди, можно было укрепить лишь с помощью звонкой монеты.

Скопин-Шуйский много раз клятвенно заверял своего друга Якоба Делаягарди, что нужно лишь дойти до Москвы, а там уже готова казна для расплаты по долгам. Но денег, несмотря на всю пышность царского приема, не было. И тогда бояре нашли революционный финансовый выход. Впервые в истории России было решено начать чеканку золотых монет. В переплавку пустили часть сокровищ Кремля и церковные драгоценности. Царь, подавая пример жертвенности, заложил в счет уплаты долга наемникам собственные золотые ковш и чарку, на Монетный двор отправили на переплавку статуи двенадцати апостолов в человеческий рост, изготовленные из чистого золота. Стоимость золотой копейки определили в десять серебряных, что вызвало возмущение наемников. Они решили, что великий князь намеренно завысил стоимость золотой копейки, желая сэкономить на солдатах. Впрочем, нельзя исключать, что наемники, своими глазами увидев московские богатства, занялись обычным вымогательством.

«Понтусу и всем пришедшим с ним войскам московский царь Шуйский был очень рад, часто посылал им отменное угощение из своих царских кухонь и погребов, почтил всех офицеров по случаю прибытия золотой и серебряной посудой из своей казны, заплатил сполна всему войску все, что им причиталось золотом, серебром и соболями, — писал Конрад Буссов в своих «Московских хрониках». — Но когда Понтус и кум Вейт набили мошну, они обнаглели и стали учинять в городе одно безобразие за другим, поэтому они сильно надоели москвитам, и те дожидаться не могли, чтобы Бог поскорее послал хорошую погоду и сошел бы снег, вскрылись реки, установился хороший путь и можно было бы этих храбрых вояк послать в поле на врага и избавиться от них в городе».

Желание Василия Шуйского побыстрее отправить войско под Смоленск объяснялось как государственными, так и личными соображениями. Скоро стало ясно, что двое его родственников, племянник Скопин-Шуйский и старший брат Дмитрий Шуйский, не могли ужиться вместе,

и жертвой их соперничества в любой момент мог пасть сам государь. Брат Дмитрий, не снискавший себе воинской славы, умело вел коридорные баталии в Кремле, восстанавливая против юного героя царя и бояр. Пользуясь тем, что решение о передаче шведам Кексгольма принял Скопин-Шуйский, а царь впоследствии лишь подтвердил его, Дмитрий Шуйский обвинил полководца в предательстве русских интересов и сговоре со шведами. Василий Шуйский возмутился и даже ударил наушника посохом, но коварство царя было хорошо известно его окружению. Это могла быть сцена, призванная успокоить сторонников племянника, присутствовавших при разговоре. «Ко единым же к тем тщание имея, которые во уши ему ложное на люди шептаху, он же сих с веселым лицом восприимаше и в сладость их послушати желаше», — характеризовал самодержца летописец.

Вскоре после вступления Скопина-Шуйского в Москву у него состоялся тяжелый разговор с царственным дядей. Соглядатаи донесли великому князю о крайне неприятном для него эпизоде, случившемся в декабре, во время стоянки скопинского ополчения в Александровской слободе. Один из предводителей рязанского дворянства, Прокофий Ляпунов, прислал к Скопину-Шуйскому послов, предлагая занять московский престол. В сопроводительной грамоте рязанцы обличали Шуйского, который «сел на Московское государство силою, а ныне его ради кровь проливается многая, потому что он человек глуп, и нечестив, и пьяница, и блудник, и всячествованием неистов, и царствования недостоин».

Скопин рязанских депутатов прогнал, грамоту разорвал, но царю об измене не сообщил. Не стал он, как того требовал закон, заковывать смутьянов в кандалы и отправлять их в столицу для дознания. Неизвестно, проявил ли полководец свойственное молодости великодушие, или прав был польский гетман Роман Ружинский, отправивший в феврале 1610 года письмо королю Сигизмунду со следующими строчками: «Василий Шуйский в распре с Михаилом Скопиным, и каждый из них помышляет сам о себе... по имеемым мною от лазутчиков уведомлениям, нетрудно было бы его привлечь на сторону В. К. В. [Вашего Королевского Величества]».

Приведем отрывок из польской дневниковой записи, опирающейся на рассказы московских бояр и рассказывающий

о беседе родственников: «Когда Скопин въезжал в Москву, то его встречали с хлебом-солью и с подарками весь мир, люди посадские и бояре. Василий Шуйский, оскорбленный этим, послал сказать ему, чтобы, не заезжая в свой дом, сейчас же приехал в крепость. Скопин сделал так. Царь встретил его такими словами: “Благодарю тебя за верную, хорошую службу мне и моему государству, но не благодарю за то, что хочешь лишить меня царства”. Скопин отвечал ему: “О царстве я не думаю, но советую тебе оставить жезл и управление государством, потому что счастье не благоприятствует твою правлению и смятение не прекратится, пока мы не избежим себе государя царской крови”. Василий остался доволен ответом и сказал: “Я охотно положу царский посох, только выгони Литву из всей России; тогда вам будет воля избирать государем, кого хотите”».

О конфликте, зревшем в клане Шуйских, знала вся Москва, хотя его основные участники и старались не выносить сора из избы. Противники ходили друг возле друга как кошки, внешне безразличные, но в любую минуту готовые к нападению. До поры до времени закипавшие страсти остужали вином, а зубы, готовые вцепиться в горло противнику, занимали перемалыванием гор пищи. Москва, славившаяся своими застольями, пировала весной 1610 года так, как будто вернулись старые добрые времена, когда о самозванцах еще и слыхом не слыхивали.

Начало бесконечной череде пиров в ознаменование победы над врагами положил сам царь. Прием проходил в палате, застеленной превосходными персидскими и турецкими коврами. Свод поддерживался в центре четырехугольной колонной, снабженной многочисленными полочками. На них красовались несколько сотен золотых и серебряных кубков, чаш и штофов искусной работы. Эта тщеславная выставка несла важную внешнеполитическую нагрузку, свидетельствуя послам иностранных государств о благополучии Московского государства. Те, в свою очередь, оценивали экономическую мощь России столь же ненаучным способом, обращая внимание на наполнение посудой «выставочной» колонны, и на то, с каких блюд потчевал их московский правитель на пирах. Например, на сейме 1587 года в Польше, где одним из соперников Сигизмунда на выборах короля высту-

пал русский царь Федор, некий польский магнат, побывавший в составе посольства в Москве, призывал соотечественников не обольщаться слухами о богатстве России — он-де заметил, что сервиз, с которого кормили поляков, представлял собой лишь позолоченную медь.

Великий князь располагался за отдельным столом, поблизости от него посадили Делгарди и его офицеров, далее стояли длинные столы, за которыми, в соответствии с древностью родов, разместились бояре. Прислужники выкатили серебряные с золотыми обручами бочки со спиртными напитками. Все столы были густо уставлены плохо вымытыми золотыми и серебряными блюдами и кубками — их называли «соломенными», поскольку царь покупал их на доходы от монопольной торговли в Москве мякиной и соломой. Тарелок и салфеток не было, так что кости приходилось класть прямо на стол, а жирные руки вытирать о скатерть или о полы одежды. Еще хорошо, что каждому из шведов дали по ложке и ножу, — русские должны были делить нож и ложку на двоих.

Обед у царя обычно продолжался до полуночи, причем обильные возлияния разрушали чинную атмосферу, приводя к скандалам, а иногда даже к потасовкам между гостями. Ссора чаще всего возникала из-за того, что кто-то из бояр посчитал, что царь оказал его менее знатному сопернику больше чести. Затаив злобу за помешение на пиру дальше от самодержца, чем он того заслуживал, обиженный ревниво следил за тем, в какой последовательности царь проводит заключительный ритуал — подает гостям чаши с напитком. Если соперник и здесь оказывался первым, боярин восклицал: «Лучше казнѣ, но не после этого!» Обидчик, считавший себя не менее знатным, отвечал со свойственной русским аристократам грубостью, и дело могло закончиться дракой. «Если же один оговорит другого, то о поединке речь неслышанная, а тузят друг друга кулаками в бока, или рукавами по губе, выпустивши их из рук (рукава были такой длины, что их придерживали руками, собрав как гармошку. — А. С.). Удара в лицо никто не боится, хотя бы он был от преступника, но бояться от ногтя», — сообщает польский дворянин Станислав Немоляев в своих «Записках».

Великий князь, по наблюдениям пораженных простотой придворных нравов иностранцев, не отказывал себе в удо-

вольствию побить обоих бузотеров кнутом, что ими совершенно не воспринималось как оскорбление. Виновного в ссоре царь выдавал обиженному «головой». Это означало, что провинившийся боярин должен был прийти к сопернику на двор, где тот имел право безнаказанно оскорблять и унижать его словесно, не переходя к действиям. За отказ выполнить это требование гордеца лишали имений и ссылали.

По окончании царского пира иностранцы отправлялись на отведенные им квартиры, но это было лишь обязательной прелюдией к попойке. По словам Петра Петрея, выглядела она следующим образом: «В то время, как они (послы) сидят и разговаривают между собою, приходит из Кремля Дьяк с несколькими Дворянами и приносит с собой порядочный запас меда и вина, также несколько чаш и кубков, из которых они будут пить, и тогда Русские начнут угощать Послов. Они считают для себя большою славою и честью, если могут напоить допьяна иностранцев: кто не пьет лихо, тому нет места у Русских. От того у них в употреблении и поговорка, когда кто на их пиру не хочет ни есть, ни пить, они говорят тогда: “Ты не ешь, не пьешь, не жалуешь меня”, и очень недовольны теми, которые пьют не так много, как им хочется. А если кто пьет по их желанию, тому они доброжелатели, и он их лучший приятель. Они не пьют за здоровье друг друга, но ставят перед каждым две или три чаши вдруг и, когда одна будет выпита, наливают ее до полна опять и ставят перед тем, кто ее выпил. То же соблюдается и со всеми гостями до тех пор, пока они не опьянеют. Когда Послы довольно подопьют и уже желали бы отделаться от Русских, выходит вперед с Приставами Дьяк и становится со своей собратией в комнате пить с Послами здравие Великого Князя; им надобно согласиться на то и пить это здравие. То же должны сделать и все их служители, большие и малые, и до тех пор стоять с непокрытыми головами, пока здравие не будет выпито в круговую и все не ответят на эту здравицу. После того Дьяк прикажет опять налить чаши и подносит их Послами их спутникам за здравие их Короля и Государя. Это делается с особенною торжественностью и обрядами, а именно: Русские первые станут пить это здравие, выйдут на середину комнаты, с чашами в руках, налитыми по края вином и медом, снимут шапки, пьют и желают своим обоюдным

Государям здоровья и счастья, также победы и одоления их недругов, у которых чтобы не осталось во всем теле и столько крови, сколько капель остается в этих чашах, и опрокидывают чаши на головы».

Неизвестно, смог ли сам автор этого пассажа, прославившийся своими пьяными загулами и драками в юности, проявить себя достойным союзником русских собутыльников в этом высокоградусном сражении с врагами Карла IX и Василия Шуйского, но в символической победе над поляками Деллагарди и его офицеров сомневаться не приходится. Недаром возникшая еще в начале шестнадцатого века в Москве Стрелецкая слобода, где первоначально селились европейские наемники, прославившиеся своими попойками, получила среди столичных жителей прозвание «Налейки», от слова «налей». Один из ее жителей, начальник немецкой пехоты Ламбсдорф, под влиянием винных паров даже сумел стать героем битвы со вторым самозванцем в апреле 1608 года. Этот богатырь обещал перейти со своими солдатами на сторону Лжедмитрия, но так напился накануне вечером, что, забыв обо всем, сражался на следующий день с войсками «вора» как лев, прикрыв отступление царской армии.

За царским пиром следовали застолья у бояр, с обязательными жареными лебедями в качестве главного блюда, сопровождавшиеся столь же обильными возлияниями. Похмелье лечили чудодейственным блюдом, изготовленным из мелко нарезанной жареной баранины, смешанной с кусочками огурцов и перцем. Все это плавало в уксусе и огуречном рассоле.

«С такой приятной и щедрой любезностью он в течение нескольких недель принимал их в столице, — едко писал шведский историк Видекинд о празднествах, устроенных Василием Шуйским в честь Якоба Деллагарди и его солдат, — и при всем несходстве двух народов по характеру сумел плодами Цереры и Вакха сблизить и даже слить их вместе».

Затянувшиеся торжества оборвались неожиданно и трагически. Якоб Деллагарди уже не раз советовал Михаилу Скопину-Шуйскому прекратить пировать с коварными родственниками и уходить из Москвы. В пьяном угаре нет-нет да и прорывалась злоба Дмитрия Шуйского и его сторонников по отношению к любимцу московской черни. Слухи о готовящемся

убийстве русского Давида, на которого, совсем по Священному Писанию, покушался Саул — Василий Шуйский, дошли даже до иностранных наемников. Однако молодой герой вел себя беспечно, уверенный, что преданность войска и поклонение москвичей не позволят недругам поднять на него руку. 23 апреля царь Василий и его близкие «со многот лестию», как гласит летопись, уговорили князя Михаила стать крестным отцом новорожденного сына князя Ивана Воротынского. На пиру Скопин-Шуйский ел из общего блюда, а к вину и пиву не прикасался, возможно опасаясь отравления.

Напившиеся бояре, как гласит предание, стали похваляться друг перед другом кто чем мог. Одни кичились своей знатностью, другие — богатством, не удержался и князь Михаил, заявивший, что всем им гордиться нечем, потому что именно он освободил русскую землю от врагов. Столь нахальное заявление юнца окончательно решило его судьбу. Страсти внешне утихли, и пир покатился своим чередом, когда жена Дмитрия Шуйского Екатерина с поклоном поднесла дорогому гостю чашу с медом. Отказаться от чести выпить из рук хозяйки значило нанести дому смертельную обиду. Чаша оказалась роковой. Прямо на пиру Михаил Скопин-Шуйский почувствовал себя плохо, из носа у него хлынула кровь, и он рухнул на пол. Все симптомы были как при отравлении мышьяком. Друзья отнесли его домой, Делаярди прислал из шведского лагеря своих врачей, но помочь другу уже не смог. Промучившись две недели в жестокой лихорадке и постоянных кровотечениях, князь Михаил умер.

Толпа москвичей бросилась к дому Дмитрия Шуйского, чтобы растерзать убийцу — никто не сомневался в насильственной смерти общего кумира, — и лишь присланные царем Василием Шуйским стрельцы, оцепившие дом его брата, спасли Дмитрия от расправы.

Похороны вождя ополчения превратились в прощание жителей столицы с надеждами на лучшую жизнь. Москву охватили мрачные предчувствия скорой гибели всего царства. Из уст в уста передавался вещий сон, который привиделся накануне смерти героя одному из подьячих Посольского приказа: рухнул внезапно один из столпов, поддерживавших царский дворец, и накренилось здание.

«Все люди в самом сердце царства почтили его при гробе таким плачем, как бы о царе, совсем не боясь стоящего у власти; они оплакали его как своего освободителя, жалобно воспевая ему умильными голосами надгробное рыдание и прощальную отходную песню, и отдали ему эту честь, как бы некоторый долг, — особенно по случаю безвременной его смерти... — описывал скорбную церемонию дьяк Иван Тимофеев в своем «Временнике». — Он был так любезен всему народу, что во время осады города, при продолжающейся нужде, все, ожидая его приезда к ним, проглядели глаза, так как разведчики перекладывали его приезд со дня на день; но все люди тогда привыкли вспоминать его, как своего спасителя, ожидая, когда он избавит их от великих бед. И что удивительно! Тех, кого царь не мог избавить, он же их, а с ними и самого царя — выпустил, как птицу из клетки. И если бы клеветники не поспешили украсть у всех его жизнь, знаю по слухам, что все бесчисленные роды родов готовы были без зависти в тайном движении своих сердец возложить на его голову рог святопомазания, венчать его диадемой и вручить державный скипетр».

Юный великан лежал на смертном ложе, сделанном из двух составленных вместе дубовых колод: во всей Москве не смогли найти подходящего для его роста готового гроба. Василий Шуйский, пытаясь вернуть себе расположение подданных, распорядился похоронить племянника в Архангельском соборе, под сводами которого стояли склепы с прахом русских властителей. Во всех церквях звонили в колокола, что было принято лишь при похоронах великих князей.

Рыдали не только русские, но и шведы, и слезы, вообще-то легко лившиеся по любому поводу из глаз как женщин, так и мужчин того времени, были в этом случае проявлением искреннего движения растревоженных душ. «Московиты! Не только в России, но и в землях моего господина никогда я не встречу такого человека», — воскликнул Якоб Делагарди, в последний раз вглядываясь в лицо русского, к которому он успел прикипеть сердцем за тот год, что прошел со времени их первой встречи.

Царь Василий Шуйский, прощаясь с племянником, на этот раз не испытывал радости от устранения очередного соперника в борьбе за власть. Будучи человеком далеко не глупым, он

понимал, что вместе с гробом князя Михаила тяжелая могильная плита может накрыть и все его царствование. Лоскутья русской земли, с трудом скрепленные вместе силой авторитета Скопина-Шуйского, вот-вот снова начнут отваливаться друг от друга. Лишь блестящая военная победа над поляками под Смоленском могла воспрепятствовать погружению едва начавшей успокаиваться страны в новый водоворот хаоса.

Но кому теперь доверить войско? Неужто брату Дмитрию, не выигрывшему ни одной битвы и ненавидимому в народе как убийца героя? Сам Дмитрий по-прежнему рвался к лаврам Александра Македонского, относя прошлые неудачи на счет невезения. Царь трезво оценивал полководческие таланты родственника, но другой кандидатуры у него не было. Повсюду затаилось предательство, каждый мог переметнуться на сторону поляков или самозванца, лишь брат Дмитрий, мечтавший сесть на русский престол, будет из-за своего непомерного честолюбия сражаться до конца. Делать нечего, царь поставил во главе армии Дмитрия Шуйского. На смену полководцев летописец отозвался следующими строками: «Отъят от нас Бог такового зверогонителя добраго и в его место дал воеводу сердца не храбраго, но женствующими обложена вешми, иже красоту и пишу любящего, а не луки натязати и копия приправляти хотящаго».

Василий Шуйский надеялся на численность собранного против Сигизмунда войска, достигшую к началу лета — вместе с полками, находившимися вне пределов Москвы, — более сорока тысяч человек. Михаил Скопин-Шуйский незадолго до своей смерти в апреле успел провести под стенами столицы смотр и учения ополчения, составившего ядро собиравшейся в поход армии. Выучка ратников, подготовленных шведскими инструкторами, понравилась царю.

В первых числах июня русская армия выступила в поход. В головном полку шли профессиональные солдаты, стрельцы. Одетые в одинаковые зеленые кафтаны, вскинув на плечо длинные пищали, они бодро маршировали по пять человек в ряд, производя приятное впечатление обученного и дисциплинированного войска. Следом проехал верхом Дмитрий Шуйский со свитой, под хоругвью, освященной патриархом, провезли на лошадях десяток медных набатов, похожих на

котлы, — это был главный источник звуковой сигнализации как на марше, так и в бою, — прошли трубачи и литаврщики, взбадривавшие войско своей музыкой, которая, по мнению иностранцев, могла скорее навевать тоску, чем возбудить воинственное одушевление. И вот, наконец, настала очередь выдвижения основных сил. Это войско валило валом без всякого строя, более похожее на гигантский цыганский табор, чем на армию. Когда толпа слишком напирала на конного воеводу, командовавшего главным полком, тот ударами плети по небольшому набату, висевшему у луки седла, приостанавливал движение. Брели мужики с рогатинами, «удобными только для встречи медведя», по замечанию французского капитана Жака Маржерета, пылила дворянская кавалерия на низкорослых татарских лошадках, пугавшихся звуков выстрела и потому малопригодных для сражений с участием огнестрельного оружия. Впрочем, и в схватке с применением одного холодного оружия от этих всадников было мало толку. Они сидели в седлах по-татарски, поджав ноги, что позволяло легко сбить их ударом копья. На некоторых были кольчуги и шлемы, но большинство довольствовалось лишь набивными шелковыми кафтанами, защищавшими от стрел, но не от сабли или пули. Обычной принадлежностью снаряжения всадника была фляжка с водкой — ее содержимое воин вливал в себя перед боем для храбрости.

Царю было нетрудно собрать большую армию, поскольку каждый дворянин должен был сам явиться по призыву в полном вооружении и снарядить отряд конных и пеших воинов в зависимости от размеров своего поместья. Города также обязаны были выставить свою дружину. Однако, как отмечал Маржерет: «В итоге получается множество всадников на плохих лошадях, не знающих порядка, духа или дисциплины и часто приносящих армии больше вреда, чем пользы».

Во второй половине июня Дмитрий Шуйский подошел к Можайску, важной крепости на Смоленской дороге, доставшейся царю почти даром. Ее сдал в марте польский воевода Вильчек за награду в сто рублей. В Можайске Дмитрия Шуйского ожидало несколько полков, посланных туда ранее. Русские силы уже давно покинули Москву, а Якоб Делгарди все еще отказывался выступить на Смоленск. Он

лишь вывел из столицы свое окончательно распустившееся от гульбы по кабакам и безделья воинство и разместил солдат по подмосковным деревням. Полководец прекрасно знал по собственному печальному опыту, что выступать в поход с наемниками, считающими, что их обманывают, было все равно что нести за пазухой бомбу с тлеющим фитилем.

Лишь к 13 июня царю удалось кое-как уладить денежные споры с иностранцами. Василий Шуйский выдал им письменное обещание полностью расплатиться с долгами в течение шести месяцев, и тем пришлось поверить, что царь сдержит слово. В конце концов Дмитрий Шуйский перед отправкой в поход поклялся, что сам будет в заложниках у войска вплоть до полной расплаты, и потому разумно было держаться поближе к царскому брату. Часть денег царь обещал передать войску, как только оно вступит в Можайск. Что касается политической части конфликта со шведами, то царь письменно подтвердил обязательство передать Карлу IX Кексгольм ко дню Иоанна Крестителя, то есть к 24 июня. Если этого не случится, то присяга вспомогательного войска Шуйскому теряла силу.

На этих условиях Делаягарди выступил в поход. Его войско не проделало и половины пути до Можайска, когда пришли тревожные вести из Смоленска. Тамошний воевода Михаил Шеин сообщал в письме, датированном 29 мая, что коронный гетман Станислав Жолкевский двинулся из-под стен осажденного города в направлении Москвы, намереваясь напасть на города Ржев и Зубцов, находившиеся менее чем в двухстах километрах от столицы. 63-летний польский полководец прославился своими победами, а королевские войска, находившиеся под его командой, были куда более опасным противником, чем нерегулярные польские и казачьи отряды, с которыми до сих пор приходилось иметь дело. Для Василия Шуйского речь снова шла о спасении трона, а для Делаягарди — о защите единственного гаранта финансовых и политических обязательств перед его войском и Швецией.

Наемников, надеявшихся получить в Можайске очередную партию переплавленной в золотые и серебряные копейки царской посуды, с которой они совсем недавно лакомились пресными русскими деликатесами, ждало разочарование. Казну

еще не подвезли, а Дмитрий Шуйский умолял, заклиная всеми московскими святыми, не мешкая двигаться вперед, на помощь осажденному возле Царева Займища Григорию Валуге. Воевода из-за нехватки пищи у осажденных мог в любой момент, по словам царского брата, перейти на сторону поляков, и тогда справиться с Жолкевским будет невозможно.

Мнения подчиненных Деллагарди разделились. Одни кричали, что не тронутся с места, пока русские не заплатят, им-де надоели уловки и пустые обещания, другие соглашались помочь Валуге и еще немного подождать с деньгами. Якоб Деллагарди укрепил сторонников последнего решения, вздернув на виселицу главного горлопана, призывавшего к мятежу. После этого соединенное русское и шведское войско двинулось на Царево Займище. В деревне Мышкино, находившейся на расстоянии дневного перехода от Можайска, Деллагарди встретился с отрядом Эверта Горна. Сюда же прибыл из Москвы долгожданный обоз с деньгами, соболинами шкурками и одеждой. Общая стоимость груза была оценена в 13 500 рублей. Если бы эти средства были поровну разделены между всеми солдатами, каждый получил бы около трех рублей. Эта сумма не дотягивала до оговоренного месячного жалованья, но все же и три рубля на брата были приличными деньгами. Например, в Швеции, при действовавшем тогда курсе обмена 100 рублей за 333 далера, на эти деньги можно было купить на выбор двух коров, или десять бочек ржи, или двадцать гусей.

Однако телеги, наполненные ценностями, солдатам только показали. Офицерам, пришедшим получать деньги на свои подразделения согласно предъявленным спискам личного состава, Якоб Деллагарди объявил, что выдача будет производиться исходя из реального числа солдат. На дезертиров, умерших от болезней и погибших в сражениях он раскошеливаться не намерен. Так в один миг он приобрел смертельных врагов среди многих капитанов и ротмистров, лишенных освященного традицией права прикарманивать деньги «мертвых душ». Когда солдатам объявили, что выплата жалованья переносится, поскольку Якоб Деллагарди и офицеры не могут прийти к согласию относительно реальной численности подразделений, в войске поднялся ропот. Наемники

отказывались вступить в сражение, пока военная казна не роздана. При этом ими двигала не только жадность, но и элементарное чувство самосохранения. Все прекрасно понимали, что офицерам нет смысла жалеть в бою подчиненных, если появится возможность присвоить деньги погибших.

Вскоре среди солдат пронесся слух, что командиры во главе с самим Делаягарди уже договорились погубить их всех. Иначе зачем накануне сражения готовить к отправке в Швецию обоз с ценностями? Вероятно, они отошлют домой и выданные русскими деньги. Напрасно Делаягарди и его полковники убеждали подчиненных, что в телегах, которые полководец поручил довести до границы своему доверенному русскому купцу Меншику Боранову, находятся только личное имущество офицеров и ценные документы, в том числе подписанный Василием Шуйским договор о передаче Кексгольма. Солдаты слушали эти объяснения с кривыми ухмылками. Многие из них, глядя на уходящие на запад «золотые» подводы, уже сделали свой выбор, но, боясь виселицы, решили до поры повиноваться.

23 июня соединенные силы русских и шведов разбили лагерь возле села Клушино, на расстоянии дневного перехода от Царева Займища. Место для отдыха выбрали неплохое. Левый фланг, где расположились лагерем русские, прикрывала река Гжать, правый, где встали шведы, защищал болотистый лес. Впереди, откуда мог появиться противник, простирались обработанные крестьянские поля, перегороженные длинными плетнями. В центре находились две деревушки, служившие дополнительным препятствием для возможной атаки польской кавалерии. Впрочем, и Дмитрий Шуйский, и Якоб Делаягарди считали, что опасаться нечего. Им уже было известно, что Жолкевский вышел в поход всего с двумя тысячами всадников и двумя сотнями пехотинцев. Какие-то бродячие шайки поляков и казаков примкнули к нему по дороге, но все равно его силы были ничтожны. Завтра они ударят по самоуверенному польскому гетману, и его крошечное войско, зажатое между Валуевым с одной стороны и Шуйским с Делаягарди — с другой, лопнет и рассыплется в прах.

Военачальники, собравшись в большом шелковом шатре Дмитрия Шуйского, пировали, уже предвкушая победу. Якоб

Делагарди, вспоминая свое пленение в Вольмаре, где Жолкевский подарил ему в знак уважения за достойное сопротивление рысью шубу, громогласно пообещал отдариться. Завтра он возьмет в плен старого гетмана и накинет ему на плечи соболью шубу!

Войско, уставшее после долгого перехода, беззаботно расположилось на ночлег, даже не выставив охранения. Положенные в таких случаях фортификационные работы были проведены лишь отчасти. Русские насыпали небольшой вал, утыкав его кольями, а шведы и вовсе плюнули на защиту. Делагарди распорядился укрепить плетни дубовыми кольями, но приказ не был выполнен. Солдаты лишь ослабили уже имевшиеся препятствия, порастаскав часть изгородей на растопку для костров. Одиннадцать пушек, имевшихся в распоряжении Дмитрия Шуйского, оставили в обозе, даже не подумав установить их на позициях.

На лагерь опустилась светлая июньская ночь. Над тлеющими кострами на треногах висели чаны, в которых вечером варили обычную у русских походную похлебку — воду с перцем и солью, в которую было брошено несколько ломтей сала и пригоршней овсяной муки. Это была дворянская еда. Обычные ратники завалились спать, поглотив сухарей и напившись воды, смешанной с уксусом. Некоторые соорудили себе шалаши из хвороста и сосновой коры, но чаще ратник засыпал прямо под открытым небом, подложив под голову седло и намотав на ногу поводья, чтобы лошадь не ушла. Русский лагерь был окружен четырехугольником составленных вместе телег. Шведский виднелся в ночи белыми пятнами полотняных палаток.

Соединенная армия проснулась среди ночи от запаха гари. Пылали две стоявшие в центре поля деревушки, а еще дальше за ними стройными цепочками двигались сотни огненных точек — это были горящие факелы в руках всадников. Так возвестил о своем подходе польский коронный гетман. Русские и шведы решили, что Станислав Жолкевский, известный своим рыцарским поведением, поджег деревни, чтобы не нападать на спящего противника. Однако сам Жолкевский признавался в своих воспоминаниях, что он бы с легкостью отдал приказ ударить по спящим. Ему просто нужно

было лишить вражеских мушкетеров возможности стрелять, прикрываясь домами. Ни русский, ни шведский полководцы даже не подумали с вечера занять эти удобные стрелковые позиции. Атаковать с ходу Жолкевскому не удалось — его армия слишком растянулась во время ночного марша по лесным тропам, раскисшим от прошедшего накануне двухдневного ливня, а два фальконета — единственная артиллерия Жолкевского — все еще тащились в лесу, то и дело рискуя провалиться в болото.

Дмитрий Шуйский и Якоб Деллагарди, неприятно пораженные тем, что муха отважилась напасть на слона, получили время для подготовки к сражению. Немецкие мушкетеры стали занимать позиции под защитой плетней, проверяя на крепость и раскачивая руками воткнутые в землю жерди: выдержат ли они удар страшных польских гусар? Выстраивались плечо к плечу пикинеры, трамбуя ударами сапог влажную землю для лучшего упора своих длинных копий. Блестя в отвесах пожара мокрыми от росы латами, на рысях выдвигалась в поле кавалерия, разворачивая отяжелевшие за ночь хоругви. Отряды французских и английских всадников занимали позиции чуть позади стрелков, прикрывая тыл и готовясь помочь им, когда рассыплется строй атакующих гусар.

В русском лагере также шли приготовления к сражению. Там основные надежды возлагались на наспех сделанную невысокую насыпь, утыканную кольями, и сдвинутые вместе телеги, за которыми укрылись стрелки.

Пока армии строятся к бою, есть время рассказать о том, что привело Жолкевского на это утреннее поле возле деревни Клушино.

Когда король Сигизмунд предложил старому воину возглавить поход на Москву, гетман понял, что монарх просто решил избавиться от надоевшего ему критика. Жолкевский с самого начала отговаривал Сигизмунда осаждать Смоленск, считая, что королевская армия надолго там увязнет. Если уж королю так нужна война, лучше бить в самое сердце России — по Москве. Опасения гетмана вскоре подтвердились, взять Смоленск штурмом не удалось. Польская армия намертво застряла под стенами мощной русской крепости, а руководивший ее обороной воевода Михаил Шеин, казалось, пере-

путал, кто является нападающей, а кто — обороняющейся стороной. Защитники совершали частые вылазки из крепости, отчего польский лагерь чувствовал себя осажденным. Уже давно поляки перестали смеяться над варварской привычкой русских наказывать свои чудотворные иконы, вешая святых вниз головой в случае военной неудачи. В последнее время защитники Смоленска чаще всего благодарили своих небесных покровителей за успешную помощь.

Самолюбивый монарх, казалось, видел в глазах внешне почтительного старого солдата вечную скрытую насмешку по поводу провала смоленской авантюры и потому отправил Жолкевского с глаз долой. Старик предлагал когда-то идти на Москву — вот пусть и сломит там себе шею! Ссылки гетмана на возраст и больную ногу не помогли: во главе ничтожного двухтысячного войска его отправили на восток. По мере движения к нему присоединялись отряды поляков и казаков, привлеченных славным именем этого полководца. У Царева Займища под знаменами Жолкевского собралось уже двенадцать тысяч воинов, из них более пяти тысяч грозных польских гусар. Когда перебежчики из отряда Эверта Горна сообщили о подходе Шуйского и Деллагарди на выручку Валуеву, подчиненных гетмана объяло уныние. По признанию самого Жолкевского, многие открыто говорили, что гетману наскучило на этом свете и он решил погубить и себя, и свою армию. На собранном военном совете мнения разделились. Одни считали, что нужно уходить, другие — встретить неприятеля в укрепленном лагере у Царева Займища, третьи — оставить осажденного в острожке Валуева и самим атаковать приближающуюся армию. Риск заключался в каждом из этих планов, поскольку в любом случае приходилось иметь дело с двумя неприятельскими войсками, способными нанести одновременный удар. Станислав Жолкевский покинул совет, не высказавшись в пользу какого-либо из предложений. К вечеру он принял решение: атаковать! За два часа до заката шесть с половиной тысяч всадников с двумя легкими орудиями выступили на Клушино. За ночь предстояло пройти более двадцати километров. Трубы и барабаны, обычно призывающие в поход, на сей раз молчали, чтобы не возбудить подозрений обороняющихся в крепости. Приказы о марше гетман

передал полковникам в письменной форме. Польская армия бесшумно растворилась в лесу, оставив в укреплениях около пяти тысяч воинов, в основном казаков. Станислав Жолкевский надеялся на внезапность, отвагу своих гусар и нежелание сражаться наемников Эверта Горна. Особенно он рассчитывал на возможное дезертирство французов. Попытки переманить братьев по вере на свою сторону поляки начали предпринимать еще в марте, однако, как сообщает свидетель этих событий Николай Мархоцкий, поначалу ничего не вышло. На предложение покинуть Василия Шуйского французы ответили: «Мы получили ваше послание, в котором вы приводите примеры московского вероломства, изданного вашими людьми. Мы просим избавить нас от таких посланий, ибо так добрая слава не добывается». При личной встрече, состоявшейся в связи с обменом пленными, представлявший тысячный отряд своих соотечественников Якоб Берингер заявил: «Мы — люди, которые ищут славы, и наша слава состоит не в том, чтобы на стороне москвитян, народа столь грубого, воевать с вашим народом, равного которому нет под солнцем. Но если бы с этим народом мы вас завоевали — это была бы слава».

Однако вскоре безденежье заставило французов пересмотреть свои представления о воинской доблести. Станислав Жолкевский сообщает в своих воспоминаниях, что кучки наемников, перебежавшие к полякам накануне решающей схватки, уверили его, что есть хороший шанс перетянуть на свою сторону и всех подчиненных Эверта Горна.

С одним из французов-перебежчиков гетман отправил его соотечественникам письмо, написанное по-латыни: «Наши народы никогда не враждовали между собой. Наши короли всегда были и являются сейчас добрыми друзьями. Поскольку мы никогда не причиняли вам зла, несправедливо, что вы сейчас помогаете нашим наследственным врагам москвитам против нас. Что касается нас, то мы готовы к любому исходу. Хотите ли вы иметь нас во врагах или в друзьях? Подумайте об этом. До свидания».

Хотя Эверт Горн узнал о появлении в своем лагере беглеца и приказал того повесить, эта расправа, как и приглашение Жолкевского к союзу, еще более восстановила наемников

против фельдмаршала, сохранявшего лояльность по отношению к неблагоприятным москвитам. Всего три тысячи рублей на три тысячи солдат за четыре месяца похода: о каком союзническом долге можно было говорить при таком раскладе!

В четвертом часу утра, едва начало рассветать, с польской стороны донесся высокий и протяжный звук корнета, далеко разносившийся над просыпающейся равниной. Этот сигнал сопровождался глухими ударами барабана. Гусарские хоругви выстраивались для атаки. Раздался боевой клич, и поле содрогнулось от топота тяжелой рыцарской конницы, точно принесенной сюда из седого прошлого густым утренним туманом.

Первый удар поляки нанесли по левому флангу, где стояли русские. Гусары пошли в атаку на стрелков, стоявших вперемешку с конницей. Грозных пик в их руках еще не было. Они будто решили преподнести москвитам урок боевого искусства, где умелая стрельба сочеталась с образцовым владением холодным оружием.

Первая шеренга, приблизившись на пятьдесят метров, перешла на легкий галоп и, подскакав к защитникам плетней почти вплотную, выстрелила из пистолетов. Развернувшись, гусары ускакали в третий ряд атакующих, приняв там из рук оруженосцев копьа. В это время в бой вступила вторая шеренга, разрядившая в защитников карабины. И лишь после этой огневой прелюдии гусары бросились в свою традиционную атаку с копьями наперевес.

Поначалу пробить брешь в русской обороне им не удалось. Скрываясь за плетнями, стрельцы умело палили по гусарам из мушкетов, а затем в дело вступали рейтары. Эта элитная часть русской кавалерии, вооруженная по западному образцу — всадники были в легких панцирях и с двумя пистолетами, — применяла главный боевой прием европейской конницы — караколь. Когда атака гусар выдыхалась и они возвращались для нового построения, рейтары скакали вслед и палили с десяти метров из пистолетов. Едва один ряд, отстрелявшись, уходил по флангам, тут же накатывала другая волна готовых к стрельбе всадников. Этот метод ведения боя требовал превосходной согласованности действий и расчета по времени. Замешкайся рейтары с отходом под защиту стрелков или сделай перерыв в стрельбе — и стальной гусар-

ский каток, разогнавшись, раздавил бы русских всадников, которые мощным палашам и длинным пикам поляков могли противопоставить лишь удары пистолетными рукоятками, снабженными шишаками. Но эти двухкилограммовые дубинки были хороши лишь для глушения бегущих пехотинцев.

В одной из русских контратак заведенные часы караколя дали сбой — гусары в поле успели врезаться в рейтарскую массу и, гоня ее перед собой, ворвались в ряды противника. Вот как описывает этот эпизод сражения польский гусар Самуил Маскевич: «Увидев, что мы ослабли, Шуйский приказал двум рейтарским корнетам (корнет — штандарт, тактическая рейтарская единица, в которую обычно входило около сотни всадников. — А. С.), стоявшим наготове, атаковать и уничтожить нас. Но, по милости Божьей, они стали причиной нашей победы. Когда они приблизились, мы обменялись с ними залпами. Затем наш и их первые ряды отступили, чтобы, как обычно, перезарядить пистолеты и аркебузы и уступить место второму ряду для залпа. Увидев, что их первый ряд уходит для перезарядки оружия, мы не стали дожидаться подхода их второй линии. С мечами в руках мы обрушились на них, так и не узнав, успели они перезарядить или нет, поскольку они развернулись и не останавливали скачку, пока не достигли резерва московитов в задней части лагеря. Несколько отрядов, стройно стоявших там, пришли в хаос и смешались... Московиты бежали по Божьей милости целую милю, куда мы рубили их и хватали богатых, пытавшихся спастись со своими ценностями... Куда больше московитов погибло во время двух- или трехмильного преследования, чем в рядах, стоявших на поле битвы».

Дворянская конница, топча своих, в панике промчалась через весь лагерь и исчезла до конца сражения. Передовые позиции стрельцов были раздавлены, многотысячные толпы ратников бежали, ища спасения на другой стороне реки или в лесу.

Единственным островком сопротивления на левом фланге оставалась деревянная крепость, сооруженная из составленных вместе телег. Там укрылось до пяти тысяч русских во главе с Дмитрием Шуйским, пребывавшим в бездействии до конца сражения.

По похожему сценарию развивались события и на правом фланге, где стоял Якоб Делагарди. Первые атаки поляков захлебнулись. Гусарские пики ломались, застревая в плетнях, а мечами и саблями достать стоявших под защитой изгородей мушкетеров было трудно. Точно океанская волна, накатывающая на волноломы, сплошные массы польских эскадронов разбивались при встрече с плетнями, просачиваясь в промежутках между ними слабыми ручейками. Французская и английская кавалерия, которой лично командовали Делагарди и Горн, отступала под напором атакующих в глубь лагеря, но, когда натиск ослабевал, тут же сама переходила в наступление. Каждая атака заставляла гусар дважды проходить через разрывы между извергающимися свинец плетнями — сначала вперед, а затем назад, когда их контратаковали французы и англичане. Такой бой без чьего-либо явного перевеса продолжался около четырех часов. Раз за разом посылал Жолкевский своих гусар в атаку, но, хотя пространство между плетнями удалось расширить, сделали это гусары ценою многих жизней и переломав почти все свои пики.

По словам Самуила Маскевича, «в это трудно поверить, но некоторые из польских кавалерийских подразделений нанесли по восемь или даже десять ударов по врагу».

Перелом наступил, когда из леса наконец подошли польские фальконеты и двести пехотинцев. Пушки разметали остатки изгородей, нанеся сильные потери укрывавшимся за ними стрелкам. Воспользовавшись замешательством, в атаку с холодным оружием пошла польская пехота, составившая вместе с пешими казаками шестьсот человек. Немецкие мушкетеры и пикинеры не побежали, они организованно покинули свои позиции и отступили под защиту лесной опушки. Но путь в шведский лагерь был открыт, и в прорыв немедленно устремились гусары. Битву еще можно было бы спасти, окажись в это время на месте Якоб Делагарди и Эверт Горн. Но они блуждали в лесу, загнанные туда во время одной из неудачных шведских контратак, которая завершилась бегством. Преследуемые гусарами, Делагарди и Горн промчались на виду у державшей позиции пехоты сквозь весь лагерь, повернули к лесу и надолго там скрылись. Когда полководцы выбрались из-под покрова деревьев, картина сражения уже кардинальным образом изменилась. Часть русских заперлась в обозе, осталь-

ные бежали. На поле боя оставались еще отряды наемников, укреплявшие разоренный лагерь кольями, но желания сражаться они не проявляли. Крепкая оборона нужна была лишь на тот случай, если поляки предложат суровые условия сдачи.

Между тем самые малодушные, не дожидаясь результата переговоров о капитуляции, которые начал вести возглавлявший пехоту немецкий полковник Конрад Линк, по одиночке и группами стали перебегать на сторону противника. Их поощряли к этому гусары, которые, по словам одного из них, подъезжали к позициям противника и, не стреляя, кричали: «Идите сюда! Идите сюда! Идите сюда!»

Несколько сотен всадников, в основном из шведских и финских эскадронов, были готовы продолжать сражение, англичане также пока не намеревались сдаваться, но немецкие мушкетеры, направив на Делаярди и Горна оружие, потребовали не мутить воду, пока шла торговля. Польский гетман не желал замедлять разложение неприятельского войска излишне суровыми требованиями. Всем перебежчикам он обещал сохранить право на получение у русских денежной задолженности и прием на королевскую службу. Те, кто того желал, могли свободно возвратиться к себе на родину. Это было как раз то, что надо. Полковник Линк скомандовал своим парням взять мушкеты на плечо, и, развернув знамена — рота за ротой, — пехота перешла к полякам. Капитаны наемных рот рукопожатием с командирами противника принесли присягу за себя и своих подчиненных на имя польского короля.

Видя, что армия рассыпается и его самого солдаты того и глядя скрутят и приволокут к Жолкевскому, Делаярди предпочел вступить с польским гетманом в переговоры. Старый вояка был щедр к неудачливому шведу, однажды уже побывавшему у него в плену. Гетман обещал дать Делаярди и всем тем, кто захочет с ним остаться, свободный проход с оружием и личным имуществом при одном-единственном условии: полководец должен поклясться, что он никогда не будет служить Василию Шуйскому, не станет воевать против польского короля и не вернется в Швецию. Торжественное обещание, скрепленное рукопожатием с гетманом, было дано.

Казалось, на этот раз шведской карьере Делаярди пришел конец. Делясь с Жолкевским своими планами на

будущее, полководец сообщил, что намерен отправиться в Нидерланды.

Возвратившись к оставшимся на шведской стороне наемникам, Деллагарди попытался завершить эту позорную историю хоть мало-мальски прилично. Он объявил, что уводит всех к финской границе, а пока займется давно обещанной раздачей жалованья. Но солдаты могли обойтись без запоздалой щедрости проигравшего. Они бросились грабить казну, едва не убив попытавшихся остановить их Деллагарди и Горна. Избитых полководцев вырвали из рук своры мародеров финны и шведы, сохранившие верность присяге. Им пришлось наблюдать, как тысячи наемников, дорвавшихся до обоза, компенсируют себе тяготы и лишения службы. Поражение принесло перебежчикам куда большую награду, чем они могли получить в случае победы. В польский лагерь под Смоленском бывшие солдаты Деллагарди пришли доверху нагруженные деньгами, одеждой и мехами. У них с собой было столько собольих шкурок, что, как отмечают дневниковые записи поляков, наемники продавали их за бесценок. Большая часть французов стала служить в войсках Сигизмунда под Смоленском, англичане предпочли знамена Жолкевского, а немцы, отягощенные обозной добычей, двинули к себе на родину. Из европейских солдат, кроме шведов и финнов, с Деллагарди осталось лишь около двухсот человек.

Пять часов сражения привели русских и шведов к крупнейшему за всю войну поражению. Семитысячное войско поляков разгромило почти сорокатысячную армию союзников, потеряв не более трехсот человек. Жертвы среди подчиненных Шуйского и Деллагарди достигли по разным сведениям от пяти до десяти тысяч убитыми. Станиславу Жолкевскому достались гигантские трофеи. «Когда мы шли в Клушино, — писал он в своем донесении королю, — у нас была только одна моя коляска и фургоны двух наших пушек; при возвращении у нас было больше телег, чем солдат под ружьем». Главнокомандующий соединенной армией Дмитрий Шуйский бежал, потеряв коня и сапоги, и выбрался после долгих блужданий по лесам и болотам к своим, сидя верхом на взятой где-то крестьянской кобыле. Одним своим жалким видом царский брат уже возвещал о полном разгроме. Его коляска,

сабля, знамя и булава главнокомандующего достались вместе с множеством других трофеев победителям.

Деллагарди и Горн, отбив у мародеров часть обоза, двинулись с оставшимися у них шестью сотнями солдат к Погорелому, где стояли два отряда французской конницы Пьера Делавилля, не участвовавшие в битве. Но надежды на эти свежие силы не оправдались. Французы, узнав о поражении, ограбили приведенный в Погорелое обоз и ушли, оставив проснувшихся наутро в палатке Деллагарди, Горна и Делавилля лишь с тем, что было при них. Растерзанные и униженные, полководцы повели оставшуюся при них горстку солдат в направлении шведской границы, в Новгородскую область.

Якоб Деллагарди нашел в себе силы отправить с дороги Василию Шуйскому бодрое письмо, объясняя поражение у Клушина невыплатой жалованья. Он обещал царю набрать новое войско в Финляндии — а пока пусть тот передает шведам Кексгольм и готовит деньги для наемников. Пусть великий князь не теряет присутствия духа, «поскольку государь, не способный устоять в пору неудач и чьи руки дрожат, держа скипетр и державу, не достоин своего предназначения». Однако это письмо полководец, оставшийся без войска, писал лишь из чувства долга. Он сам был далеко не уверен в том, что сможет и дальше служить шведской короне. Со слугой он отправил на родину письмо брату и сестре, в котором просил их побеспокоиться о том, чтобы его «лучшее имущество было отправлено куда-нибудь подальше», поскольку все это могут после случившегося «поспешно отобрать». Якоб Деллагарди хладнокровно считался с тем, что он никогда не вернется в Швецию и его поездка в Нидерланды, о которой он говорил с польским гетманом, может продлиться до конца жизни.

Три короны на одну голову

Делагарди повезло. Король Карл IX, узнав о разгроме под Клушином, пришел в неистовство и, как злорадно сообщали польские современники, рвал себе бороду, проклиная небеса. Однако его гнев выплеснулся на перешедших к врагу наемников. Палач, как было принято поступать в таких случаях, вывесил в стокгольмской тюрьме прокламацию со списками дезертиров, объявленных «бесчестными шельмами и предателями». Иностранцы получили письма Карла IX с просьбой задержать и наказать бежавших с поля боя изменников, если те появятся в их владениях. Правда, в Швеции уже поползли слухи о том, что истинной причиной поражения была жадность Якоба Делагарди и Эверта Горна, решивших присвоить солдатское жалованье, но злая сплетня пробивала себе путь наверх медленно. Лишь в начале ноября 1610 года опасность судебного процесса стала настолько реальна, что Эверт Горн посоветовал своему начальнику отправиться в Стокгольм, дабы остановить затеянную против них обоих интригу. «...У нас есть друзья, которые опаснее волков и медведей. Они распространяют злые слухи, которым верят легковерные, будто бы, если бы жалованье вои-

нам не задержали, это несчастье никогда бы не произошло, и вина таким образом ложится на нас», — писал фельдмаршал Якобу Делагарди.

Кто знает, может быть молодой полководец, перед глазами которого уже стоял призрак беспощадного королевского секретаря Эрика Тегеля, и направил бы своего коня в сторону Нидерландов, подальше и от России, и от Швеции, если бы не страх оказаться нищим в третий раз за свою десятилетнюю военную карьеру. Воевода Нотебурга задержал отправленный накануне клушинского сражения обоз Меншика Боранова с военной добычей Делагарди. Среди прочего там были и драгоценные царские дары. По слухам, русские не хотели пропустить в Швецию находившиеся в обозе документы, в том числе ратифицированный царем Василием Шуйским договор о передаче Кексгольма, и распоряжение о захвате транспорта дал сам царь. Нужно было заставить воеводу вернуть имущество, и сделать это можно было лишь силой оружия. Во время московского похода Делагарди не спешил следовать рекомендациям Карла IX, советовавшего ему не забывать о главной миссии в России — приводить в подчинение Швеции приграничные русские крепости. Теперь же монаршьё желание совпало с личными интересами полководца. Королевский секретарь Педер Нильссон, прибывший к Делагарди в Новгородскую область, привез милостивое письмо монарха. Тот советовал не отчаиваться и выражал надежду, что военная удача вновь вернется к шведам. Пока же следовало внушать уверенность Шуйскому и его войску, а по прибытии подкреплений из Финляндии начать «отщипывать» для короны русские крепости. Прежде всего надо было добиваться сдачи Кексгольма, который до сих пор не был передан шведам. Власти города отвечали, что договор о передаче крепости заключил князь Михаил Скопин-Шуйский, а поскольку он умер, то и соглашение уже недействительно. Отряды крестьян и казаков, тайно поддерживаемые Новгородом и Кексгольмом, развернули партизанскую войну на границе с Финляндией, препятствуя подходу оттуда свежих шведских отрядов. О былом гостеприимстве новгородских властей, еще год назад торжественно встречавших армию Делагарди, сегодня не было и речи. Полководец надеялся превратить Новго-

род в базу для переформирования и отдыха своего войска, но с этими мечтами пришлось расстаться. На письмо Делагарди с сообщением о клушинском поражении и с просьбой о размещении и содержании остатков его войска новгородский воевода ответил с нескрываемой враждебностью. Для шведов в Новгороде не было ничего, кроме «пороха и свинца», который они получают, если приблизятся к городу ближе чем на 10 миль. Делагарди рекомендовали двигаться через Тихвин к финской границе, не задерживаясь в новгородских пределах. Желая показать, что они не шутят, новгородцы посадили в тюрьму слуг Делагарди, которых он отправил в город для покупки необходимых ему личных вещей взамен похищенных взбунтовавшимися наемниками.

Недавние союзники понимали только язык силы — и шведский полководец решил доказать, что его рано списали со счета. Дожидаясь подхода свежих отрядов из Финляндии, он стал накапливать «переговорный капитал» для освобождения Меншика Боранова и его спутников, томившихся в воровской башне в Нотебурге. Делагарди принялся захватывать обозы новгородских купцов и брать заложников, стремительно поднимая этими акциями боевой дух своего воинства. Разбой на дорогах приносил куда большую прибыль, чем участие в сражениях с поляками за царскую плату.

Давление на упрямых нотебургских воевод Ивана Путятина и Луку Милославского оказывали и другие шведские военачальники, устремившиеся по приказу Карла IX в новгородские владения. Седьмого августа 1610 года шведы приступили к выполнению давно вынашиваемого королем плана — осаде Ивангорода, сохранявшего верность Лжедмитрию. В качестве одной из причин открытия боевых действий на русской территории ревельский наместник Андерс Ларссон назвал в письме нотебургским воеводам арест Меншика Боранова и захват его обоза. «Я с моево вельможного короля ратными людьми посечю вас насвечю вас так, что и малому робяти в зыпке достанется», — угрожал своим оппонентам Андерс Ларссон в послании, составленном на русском языке. Впрочем, пример Ивангорода убеждал нотебургские власти в том, что дети в своих люльках пока могут спать спокойно.

Ивангородскую крепость, выстроенную на скале, нельзя было захватить с помощью подкопов и минирования, надежды на заговор также не оправдались. Взятый в плен ивангородский стрелецкий голова Федор Аминов уверял, что ему будет нетрудно склонить городскую верхушку на сторону шведов, до сих пор выступавших в роли союзников Василия Шуйского. Оба ивангородских воеводы — Хованский и Кропоткин, — так же как и купцы, втайне держали сторону царя Василия и фактически находились на положении заложников у черни, поддерживавшей Лжедмитрия. Однако страх разоблачения и казни помешал воеводам вступить в соглашение с осаждающими. Попытки взять Ивангород силой наталкивались на одну неудачу за другой. Каленые ядра, которые начали метать с трех сторон, чтобы зажечь крепость, из-за ошибок пушкарей наделали больше вреда в шведском лагере, перебив много своих. Петарда, подведенная под стену, переломилась надвое и взорвалась раньше времени, убив минера. Штурм, на который солдаты пошли под прикрытием дымовой завесы, созданной горящими смоляными корзинами, захлебнулся из-за яростного сопротивления ивангородцев.

Тогда шведы сделали ставку на голод, зная, что запасы провианта в крепости ограничены. В конце августа руководивший осадой королевский секретарь Педер Нильссон направил своему сюзерену сообщение, уверяя его, что победа близка: «Три дня назад из крепости выбежал крестьянин с тремя детьми, рассказавший, что внутри ощущается сильная нехватка провианта, поэтому они вынуждены есть корни репейника и капустные комли, они ежедневно выходят за стены, чтобы собирать капустные комли, и ради их добычи готовы умереть». Но голод оказался диким зверем, не поддающимся дрессировке, и внезапно набросился на самих шведов. На рейде Нарвы затонуло судно с продуктами, предназначенными для наемников, а через несколько дней случилось новое несчастье — загорелась Нарва. Охваченный паникой и огнем шведский город оказался более лакомой добычей, чем расположенный на другой стороне реки негостеприимный Ивангород. Наемники, предводительствуемые французами, бросились грабить имущество подданных шведской короны. Причина была самой обычной — задержка денеж-

ного довольствия. «Вчера они нанесли такой ущерб, какого враг не наносил и за 20 лет. В то время, как мы все тушили пожар, они грабили и хватали все, до чего могли добраться, — жаловался нарвский губернатор Филип Шединг в письме Педеру Нильссону. — Пером не описать, что эти чужаки здесь натворили. Однако еще хуже будет, если они убегут от нас, поэтому их даже не накажешь». Забрав то, что пощадил в Нарве огонь, и убежденные, что корона им по-прежнему должна, французы — «сволочь», как в сердцах называл их нарвский губернатор, — во главе со своим командиром Режи де Верне отправились на свободный промысел в окрестностях сожженной крепости. Правда, как люди чести, они предварительно направили Карлу IX письменный протест, объясняя свои действия невыплатой денег.

Следом подняли мятеж ирландцы, две сотни их бежало из шведского лагеря к знаменитому польскому разбойнику Лисовскому, который во главе четырех тысяч казаков, прозванных за свою безудержную отвагу и пренебрежение к смерти «пропашими», промышлял в окрестностях Ивангорода. Остальные угрожали последовать примеру ирландцев, если им не заплатят за службу. Педер Нильссон писал, что наемники «не подчиняются ни полковникам, ни капитанам, мы должны их охранять, точно они наши враги». Пиком поднятого французами и ирландцами под Ивангородом бунта стала попытка захватить шведскую крепость Нейшлосс, расположенную на реке Нарове у ее истока из Чудского озера. Наемники собирались выставить ее на своеобразный аукцион, продав тому, кто больше заплатит, — шведам, русским или полякам. Верные королю войска подавили восстание, захватив Режи де Верне и часть его сообщников.

Едва удалось подавить мятеж под Ивангородом, как начались беспорядки в Ревеле. Там взбунтовались шотландские и немецкие солдаты, возбужденные частью ушедшего в Ревель отряда Режи де Верне. Еще немного, и Карла IX ожидала бы катастрофа куда страшнее клушинской — он мог потерять всю Эстляндию. Положение спас прибывший из Швеции корабль с деньгами. «Псы войны» слегка угомонились и, все еще ворча по поводу черной неблагодарности шведской короны, вернулись в свои лагеря. Однако все эти

события настолько разложили армию, в которой, по примеру иностранцев, отказались повиноваться даже коренные шведы — всадники из Вестерготланда, — что от продолжения осады Ивангорода пришлось отказаться. В октябре русская крепость заключила перемирие со шведами, и дружеская приграничная торговля между Ивангородом и Нарвой возобновилась, как будто ничего и не случилось.

Несколько успешнее шли дела у Делагарди. Французский полковник Делавилль, взорвав петардой ворота, захватил 15 сентября крепость Ладогу, расположенную в устье Волхова при впадении этой реки в Ладожское озеро.

Известие о взятии Ладоги пришло, когда Делагарди подступал к Кексгольму, ведя с собой по Ладожскому озеру лодки и осадные орудия. Эта небольшая каменная крепость, расположенная на островке посреди быстрой реки Вуоксы, оказалась хорошо подготовленной к обороне. Ее окружали вбитые в дно реки колья, затруднявшие штурм с лодок, а дубовые крепостные ворота были завалены землей, что делало бесполезным использование обычного инструмента быстрого штурма — петарды. Началась осада. Делагарди сделал ставку на голод и болезни, которые рано или поздно должны были сломить волю осажденных.

Новгородские власти, еще недавно презрительно относившиеся к битому полководцу и кучке оставшихся с ним оборванцев, поняли, что на их территории собирается с силами грозный враг.

В конце августа воеводы Одоевский и Долгорукий направили Делагарди письмо с предложением о взаимовыгодной сделке. Шведы отпускают русских купцов, задержанных в Ревеле, Выборге и Ладоге, возвращают захваченную крепость, а Новгород позаботится об освобождении Меншика Боранова и передаче шведам его обоза. Сообщалось также, что московские бояре избрали русским великим князем Владислава, сына польского короля Сигизмунда. Царь Василий Шуйский смещен и пострижен в монахи.

Слухи о драматических событиях в Москве, которые вот уже несколько дней достигали Якоба Делагарди, получили официальное подтверждение. То, чего так боялся Карл IX, направляя вспомогательный корпус на помощь Василию

Шуйскому, свершилось. Русская столица оказалась в руках поляков, и теперь Сигизмунд, используя ресурсы двух государств, мог окончательно свести счеты со своим дядей, похитившим у него шведскую корону. Кто бы мог подумать, что эхо клушинского разгрома окажется таким сильным, что сметет с трона великого князя!

Победив под Клушином соединенную русско-шведскую армию, гетман Станислав Жолкевский сменил латы воина на камзол дипломата и начал борьбу за сердца подданных Василия Шуйского. Первым в этом бескровном сражении пал воевода Валуев, оборонявший Царево Займище. Когда защитники крепости слышали шум приближавшегося войска, они решили, что это идет с победой Дмитрий Шуйский и Якоб Делагарди. Из-за деревянного частокола раздались залпы салютов и приветственные возгласы. Но зрелище, представшее глазам осажденных, нельзя было вообразить и в кошмарном сне. В поле вышли, понунив головы, взятые в плен русские воеводы. Поляки вынесли захваченные знамена, в том числе личный стяг Дмитрия Шуйского, выкатили трофейные русские пушки, продемонстрировали вещи царского брата. Свидетельства невероятного разгрома огромной армии были налицо. Начались переговоры о сдаче крепости. Гетман Жолкевский отошел в сторону, поручив соотечественникам самим договариваться между собой. В его войске был отряд русских тушинцев, уже сделавших свой выбор. Еще в феврале 1610 года они отреклись от Лжедмитрия и присягнули Владиславу, сыну польского короля. Теперь то же самое предлагалось сделать Валуеву и его десяти тысячному войску. Мудрый гетман не торопился. Он знал, что самые значительные победы достигаются не на поле боя, а за столом переговоров и спешить в таких делах не стоит. Через девять дней стороны договорились, и армия Валуева влилась в войско Жолкевского, подписавшего от имени короля договор с Валуевым на избрание царем Владислава. За основу приняли соглашение, заключенное посольством тушинских бояр с Сигизмундом в его лагере под Смоленском. Король гарантировал сохранение в России православия, этого главного и единственного условия, объединявшего всех русских патриотов. Он также обещал, что силой

никого в чужую веру поляки загонять не станут, а для себя построят лишь один костел в Москве. Учел король и жалобы посольства на поляков, которые ни во что не ставили православные обычаи. В своей грамоте он писал буквально следующее: «А которые Римской веры люди захочут приходиться до церкви Греческой веры, тые або приходили со страхом, яко пристойит правдивым христианом, а не гордостью и не в шапках, и псов бы с собою не водили в церковь, и когда не следует в церкви не сидели».

Не стал препятствием и вопрос с вероисповеданием принца. Ревностный католик Сигизмунд неожиданно легко отнесся к возможности отпадения сына от Римской церкви, закрепив свое обещание не препятствовать его переходу в православие личной печатью. Среди русских приверженцев избрания польского королевича окрепло убеждение, что пятнадцатилетнего подростка удастся легко превратить в настоящего русского. По выражению летописца, заняв трон Рюрика, «он возродится к новой жизни, подобно прозревшему слепцу», и постарается выгнать из Московского государства, «как лютых волков», всех иноземцев и «отправить их в их проклятую страну, к их проклятой вере».

Просители понятия не имели, что Сигизмунд, находившийся под сильным влиянием иезуитов, мог обещать что угодно представителям «еретических» вероисповеданий, если того требовало дело. Духовники короля попросту освобождали его от клятв, которые шли вразрез с его убеждениями. В 1594 году Сигизмунд обманул подобным образом своих шведских подданных, поклявшись во время принесения королевской присяги «христианской верой, королевской честью и правдой» не назначать на государственные должности в Швеции католиков. Однако потом стало известно, что за день до принесения присяги по совету иезуитов Сигизмунд написал «тайный протест», в котором сообщал, что присягу он принес вынужденно, а на самом деле будет стремиться к продвижению католической религии в Швеции. Король Густав Адольф, известный своими меткими суждениями, так выскажется впоследствии о влиянии папского посланца Маласпины, сопровождавшего Сигизмунда во время его последнего посещения Швеции, на моральные взгля-

ды монарха: «Королевская правда захромала, поскольку ей в ногу вонзился Маласпина, этот зловредный шип». Современники оценили остроту реплики, основанной на игре слов. По-латыни *Mala spina* означает «злой шип», из тех, что были в терновом венце Христа.

Обманув во имя высшей цели — распространения католицизма в мире — лютеран, Сигизмунд с той же легкостью пошел навстречу пожеланиям другой ветви «еретиков» — православных. Конечно же, Владислав откажется от католической веры во имя московской короны!

На самом деле король был далеко не уверен даже в том, что вообще отпустит сына в Россию. Сигизмунд намеревался править в этой рассыпающейся стране сам, имя Владислава должно было лишь открыть ему ворота Кремля и сердца русских.

Гетман Жолкевский поначалу не догадывался, что монарх ведет двойную игру. Польский полководец шел к Москве, твердо намереваясь посадить на престол Владислава. На этот раз, в отличие от Клушина, где важно было действовать быстро и решительно, залогом победы являлась неторопливость. Впереди польского войска в русскую столицу летели воззвания с призывом сместить царя Василия Шуйского и вместо него избрать Владислава. Лазутчики распространяли текст договора, заключенного Жолкевским с воеводами крепости Царево Займище, на избрание польского королевича. Гетман не знал, как отнесется король к требованию перехода его сына в православие, и потому этот пункт в тексте договора упустил, объясняя, что вопрос вероисповедания королевича впоследствии решат патриарх и духовенство. Впрочем, большинство московских бояр уже сделали свой выбор в пользу Владислава, не слишком заботясь о деталях соглашения. Они не хотели вновь возвышать равного себе, как это случилось при выборе в цари Василия Шуйского, но еще больше боялись «холопа» у власти — будь то второй Лжедмитрий или какой-либо иной претендент, которого в любой момент могла вынести наверх волна анархии. Столица была готова к смене власти: из уст в уста передавали рассказ о чуде, случившемся в Архангельском соборе Кремля. По словам летописца, «в полночь с четверга на пятницу были услышаны гласы плачевные и шум

большой, аки некия сопротивоборные беседы и потом псалмское священнословие, глас поющих 118 псалма и со аллилуями. И потом с плачем прекратился глас. Слышали это соборные сторожа и рассказали людям. Многие от народа тогда говорили, что царство Шуйского с плачем окончится... Ведь это плакали и шумели в соборе погребенные в нем великие князья и цари, видя конечное разорение государства».

В начале июля 1610 года группа инициативных людей решила, что настало подходящее время для того, чтобы противление сбылось. Их подстегнули к действиям предводители воровской рати, подошедшей к Москве. Атаманы Лжедмитрия предложили москвичам во время одного из съездов в поле: «Вы убо оставите своего царя Василия и мы также своего оставим и изберем вкупе всею землею царя и станем обще на Литву». Забрехала перспектива окончания гражданской войны, вскружившая головы самым горячим из подданных Шуйского. 17 июля в покои великого князя ворвались заговорщики во главе с рязанскими дворянами братьями Ляпуновыми.

«Как долго из-за тебя будет литься христианская кровь? Страна опустошена. Ничего хорошего в царстве под твоим правлением не сделано. Пожалей нас в нашем бедственном положении, сложи посох», — принялся упрекать царя Захар Ляпунов. Как пишет в своих воспоминаниях гетман Жолкевский, Василий Шуйский обрушился на вождя заговорщиков с матерной бранью, а затем выхватил длинный нож, намереваясь ударить дворянина, осмелившегося столь непочтительно обратиться к царю. Тогда огромный Захар Ляпунов взревел: «Не тронь меня, не то своими руками разорву тебя на куски». Сообщив царю о низложении, заговорщики вышли на Лобное место, небольшую площадь у Кремлевской стены, окруженную красивыми складами, построенными при Борисе Годунове. Всех зевак площадь не вместила, тогда предводители заговорщиков вывели толпу в поле за городом. Там и объявили о низложении Шуйского. Царя и двух его братьев, Ивана и Дмитрия, взяли под стражу и удалили в их вотчину. Кремлевский дворец и казну опечатали.

Дело было за ответным переворотом в стане второго Лжедмитрия. Увы, воровские воеводы провели братьев Ляпу-

новых как неразумных детей. На другой день, съехавшись в поле с москвичами, приближенные Лжедмитрия откровенно высмеяли заговорщиков, заявив: «Вы своего царя ссадили, забыв крестное целование, а мы за своего готовы умереть».

Но заговорщики уже не могли свернуть с выбранной дороги: Россия была забыта, приходилось спасать собственные жизни. 19 июля стало известно, что Шуйский через своих верных людей собирается подкупить восьмитысячный отряд стрельцов, которые могли вернуть ему власть. Новость заставила врагов великого князя разыграть второй, незапланированный, акт драмы. Захар Ляпунов явился в покои Шуйского с монахом из близлежащего Чудова монастыря. Слуга Божий формы ради осведомился, правда ли, что великий князь хочет постричься и удалиться от мира? Шуйский ответил отказом. Но и это небольшое препятствие быстро преодолели. Несколько заговорщиков схватили великого князя за руки, а монах, бормоча молитвы, принялся остригать Шуйскому волосы. В процессе совершения обряда отрешения царя от земной жизни возникла еще одна проблема: упрямый Василий Шуйский лишь твердил, что клобук не гвоздями к голове прибит, а необходимые по протоколу монашеские обеты произносить отказывался. Пришлось принять этот труд на себя одному из заговорщиков, князю Тюфякину. Узнав о насильственном пострижении царя Василия, престарелый патриарх Гермоген пришел в ярость. Этот бывший казак, сделавший блистательную духовную карьеру, слыл человеком прямым и простоватым. Он откровенно недолюбливал царя-интригана, и потому враги Шуйского рассчитывали на его поддержку. Но в вопросах веры патриарх оказался неслигаем. Он отменил пострижение Шуйского, а монахом объявил князя Тюфякина, посмеявшего грубо нарушить таинство посвящения. Однако к мнению духовного пастыря в запале переворота никто не прислушался. Заговорщики увезли в Чудов монастырь того монаха, которого хотели, — Василия Шуйского, позволив Тюфякину продолжить мирскую жизнь. Опасаясь, что царя попытаются по дороге отбить, его погрузили в крытый возок на полозьях. В таких повозках даже летом передвигались по Москве знатные женщины, не желая трястись по ухабистым городским дорогам в колесных экипажах.

Искать мужчину в женской повозке никто не подумал. Путь к русскому трону для польского королевича был открыт.

В подмосковный лагерь Жолкевского, терпеливо ждавшего развязки событий, явилась полутысячная депутация бояр, стольников и детей боярских. Они просили в цари Владислава.

Ждавший решения своей участи в Чудовом монастыре свергнутый царь, вероятно, не один раз вспомнил и проклял тот день, когда он сам придумал интригу с польским королевичем. В 1605 году воцарившийся в Москве первый Лжедмитрий отправил к Сигизмунду посла Безобразова, у которого было тайное поручение Шуйского и других именитых бояр. Посол должен был просить короля дать им в государя своего сына, поскольку они не могут долее терпеть тиранства и распутства нынешнего государя подлого происхождения. Василий Шуйский намеревался с помощью Владислава убрать Лжедмитрия и расчистить себе путь к престолу — и вот сейчас, пять лет спустя, затеянная им игра погубила его самого.

Пока царское место пустовало, власть в стране взяла так называемая Семибоярщина: временное правительство из семи самых знатных бояр во главе с князем Федором Мстиславским. Они и вступили в переговоры с подошедшим к Москве Жолкевским об избрании на престол Владислава. «Лучше государичу (Владиславу) служить, нежели от холопей своих побитыми быти и в вечной работе у них мучиться», — так, как свидетельствует польская дневниковая запись, объясняли бояре свой выбор.

«В числе князей нет никого, кто мог бы сказать, что он знатнее других родом и саном. Следовательно, если выберем царем какого-либо князя, бояре будут ему завидовать и крамольничать: никто не любит кланяться равному. Итак, возьмем чужеземца, который сам был бы королевского рода и в России не имел себе подобного», — убеждал бояр один из сторонников польского претендента.

Боярский энтузиазм в отношении сына Сигизмунда подогревал Лжедмитрий, обвисшие было хоругви которого после поражения царских войск под Клушином вновь наполнились ветром. Те из русских, которые не хотели сблизиться с поляками и разочаровались в Василии Шуйском, устремились в войско «вора». Призрак вышел из Калуги, где

скрывался после бегства из Тушина, и вновь стал угрожать Москве. Медлить с возведением на престол польского королевича было нельзя.

Московские бояре согласились принять за основу договор, заключенный под Смоленском с Сигизмундом тушинским посольством, потребовав, к удивлению поляков, исключения нескольких, казалось бы, выгодных для них пунктов. Сигизмунд намеревался предоставить новым подданным своего сына невиданные прежде в Московии свободы, например разрешить свободный выезд за границу для учебы и торговли, а также ограничить царскую власть, но подарок был отвергнут. Бояре и церковные иерархи были убеждены, что поездки за границу и учеба в европейских университетах приведут к опасному для государства и православия смущению умов соотечественников, что было чревато новыми волнениями.

«Ваша свобода вам дорога, а нам дорого наше рабство, — объясняли русские поляку Самуилу Маскевичу свой странный на первый взгляд консерватизм. — У нас есть к тому основания: у вас магнат может безнаказанно обижать крестьянина и шляхтича; у жертв нет другого спасения, кроме судебного процесса, который может безвыходно длиться десятки лет; у нас судья — царь, для которого равны все подсудимые, и суд его оказывается более скорым».

Тонкий дипломат и обаятельный человек, Станислав Жолкевский сумел привлечь на свою сторону даже патриарха Гермогена. После нескольких визитов вежливости к колючему старику тот согласился с кандидатурой польского принца. Он лишь выдвинул условие, что Владислав примет православие, а те из русских, которые «похотят малоумием своим» принять «папешскую веру», будут казнены.

Гетман гордился, что ему удалось сделать невозможное, открыв путь к сотрудничеству двух исторических врагов — Речи Посполитой и России, но тут Сигизмунд окончательно открыл свои карты, смешав всю игру. Соглашение уже было готово и подписано, когда в Москву один за другим прибыли из-под Смоленска два королевских посланца с четкими инструкциями. Русских следовало приводить к присяге королю и его сыну, а принятое Жолкевским от имени короля обязательство — вывести польские войска со всех захваченных

русских территорий — Сигизмунд соблюдать отказывался. Не для того он получил от Папы освященную им шпагу — ответ Рима на просьбу благословить поход на Смоленск — и на собственные деньги, переломив волю сената, снарядил армию, чтобы после безуспешной осады с бесчестьем вернуться назад в Польшу! Что же касается русского трона, то Сигизмунд сам имел на него виды. Он даже увеличил коллекцию своих бесполезных венцов, заказав у варшавских ювелиров вдобавок к уже имевшейся у него шведской короне еще одну — русскую. Для юного Владислава, по мнению заботливого отца, все они были слишком велики.

Посоветовавшись со своим ближайшим окружением, Жолкевский решил скрыть новые инструкции от будущих подданных Владислава, чтобы большое дело не рассыпалось от королевского тщеславия и недалёковидного властолюбия. Гетман рассчитывал впоследствии убедить Сигизмунда в ошибочности его устремлений. Шансы в России, по глубокому убеждению Жолкевского, имел только Владислав.

18 августа московские жители вышли в поле, расположенное на полпути между столицей и польским лагерем, где прошла церемония целования креста новому монарху. От имени польского короля крест целовали гетман Станислав Жолкевский и тридцать пять его полковников. Затем та же процедура повторилась в Успенском соборе Кремля в присутствии патриарха. В очередной раз за несколько лет Россия получила нового царя, избранного лишь частью общества. Московские бояре не стали посылать за представителями остальных русских городов, справедливо опасаясь, что тогда царем польскому королевичу не бывать. Бояре здраво рассудили, что тот, кого выбрала Москва, будет принят и остальной Россией. Во все концы страны поскакали назначенные Семибоярщиной представители — приводить к присяге Владиславу русские города, — а дьяки Посольского приказа засели за составление важного политического документа, который должен был способствовать скорейшему приезду королевича в Москву. На многих страницах описывались богатства московской казны, которые достанутся новому повелителю России, и радости царской охоты. Одних только псарей, ухаживавших за собаками, приобретенными во всех уголках

тогдашнего мира, насчитывалось триста душ! Поляки жаловались на грубость и однообразие русской пищи и, безусловно, уже успели напугать нежного юношу предстоявшими ему в Москве гастрономическими испытаниями. Однако даже простое перечисление кремлевских деликатесов опровергло эти злобные наветы и должно было заставить Владислава Жигимонтовича поспешить к московскому столу. Принцу предлагалось подготовить желудок к приему следующих продуктов и блюд царской кухни: пирогов с сахаром, с пшеном и вязигой, с бараниной, рыбой, яйцами и сыром, утей верченых, зайца в репе, жареных лебедей, кур в лапше и потрохов гусиных, порося рассольного под чесноком, желудков с луком, сморчков, ухи карасевой, «а в ней карась жив», ухи раковой. Все это предстояло ежедневно запивать киселем белым, горшочком молока вареного и ведром меда обварного, подававшегося вместе с полуведром огурчиков.

Станислав Жолкевский оставался в Москве лишь до осени, постаравшись сделать все, чтобы новые подданные Владислава изменили свое представление о поляках, буйствовавших в русской столице в период царствования первого Лжедмитрия.

Гетман распустил по домам больных и увечных, отправил на все четыре стороны самую неуправляемую часть своего войска — две с половиной тысячи немецких, английских и французских наемников, перешедших к нему от Делагарди во время клушинской битвы, — оставив на службе лишь восемьсот лучших солдат. Общая численность его армии после всех сокращений составила около семи тысяч человек.

Солдат поставили на довольствие за счет русской казны, перед ними распахнули сокровищницы московского Кремля. Гетман Жолкевский, проведя инспекцию кремлевских хранилищ, был несколько разочарован: слухи приписывали московским царям несметные богатства. Его же глазам открылась гора серебряной и золотой посуды довольно грубой отделки, использовавшейся на царских пирах и составлявшей львиную долю сокровищ. Впрочем, многочисленные знаки царской власти — от тронов и корон до скипетров и роскошной, украшенной драгоценными камнями одежды — впечатляли даже такого изысканного ценителя, как поль-

ский гетман. Царские регалии было приказано не трогать, они предназначались для Владислава. Наемники взяли лишь несколько корон и скипетров в залог, до уплаты им полного жалованья. Однако менее ценные предметы из кремлевских запасов и часть церковных украшений боярское правительство было вынуждено продать в счет оплаты услуг своих новых союзников. Им также раздали деньги, полученные от продажи ценностей свергнутого Василия Шуйского — мехов, одежды, драгоценных камней. Боярское правительство распределяло сокровища со стандартной формулировкой: «По государеву цареву и великого князя Владислава Жигимонтовича, всея Руси, указу и по боярскому приговору».

Описи, составленные дьяками, дают представление о золотом дожде, пролившемся на поляков и бывших наемников Делгарди, перешедших к Жолкевскому на службу: «Немцом в заслуженное, из государевой казны дано... чепми золотыми, золотом, и ковшами, и посохом, да жемчугом и камением и запонками, 16 мисок да ложка золоты, сукнами, соболями... пуговицы ломаные, что спарываны с платьев, крестов и окладней, и перстней, и зерен жемчужных на спнях и на нитях, и каменя и жемчугу, что спарывано с платья, и камок, и бархатов, и полотен».

На Денежном дворе переливали в золотые и серебряные монеты драгоценные сосуды и украшения с царских поясов, в дело шли драгоценные камни, снятые с покровов усопших русских государей в Архангельском соборе и роскошной конской сбруи, предназначенной для царских выездов, переплавили серебряную печать Василия Шуйского и обратили в монеты накладные серебряные и золотые украшения его трона.

Первые недели пребывания поляков в Москве стали праздником для московских купцов: они за бесценно скупали выставяемые на торги церковные ценности. «А кресты и запонки, и перстни, и окладни, и жемчуг, и платье, и бархаты, и камки, отласы, ценили гости по дешевой цене», — сухо свидетельствует роспись.

Распродажа кремлевской сокровищницы оправдывалась государственной необходимостью, но одновременно шел и обычный грабеж, причем русские аристократы в этом отношении ни в чем не уступали пришельцам. Поляки в одном из

дипломатических документов, описывая судьбу царских хранилищ, утверждали, что «как только впускали туда боярина, он наполнял свои карманы и удирал».

Гетман Жолкевский сумел убедить москвичей, что его регулярная армия — это не тот сброд, который пришел в Россию вместе с первым Лжедмитрием и отличался буйством и пренебрежением к местным обычаям. Королевское войско подчинялось жестким артикулам, принятым сеймом в 1609 году и требовавшим от солдат подчинения командирам и уважения к мирному населению. Отступление от дисциплинарных норм каралось смертью.

Жолкевский отогнал от стен столицы Лжедмитрия, наладил снабжение своего войска, установил дружеские отношения с боярами и патриархом. Все большие дела были сделаны — оставалось только ждать прибытия в Москву Владислава, чтобы положить русскую столицу к ногам юного королевича. Велико же было удивление бояр, когда гетман сообщил, что отправляется в ставку короля, чтобы убедить его, не мешкая, подписать договор, а вместо себя оставляет Александра Гонсевского. Карман Жолкевскому жгли две инструкции Сигизмунда, разрушавшие все московские договоренности. Следовало спасать не только свою честь, но и жизни запертых в огромном городе солдат. Не нужно было обладать большим воображением, чтобы представить, на кого обратится ярость русских, если они узнают о королевском обмане!

В свите гетмана Россию покидали низложенный Василий Шуйский и двое его братьев. Жолкевский распорядился вернуть Шуйскому царское одеяние, чтобы плененный монах не превратил триумф в пародию. Поначалу братьев Шуйских держали в лагере под Смоленском, отложив отправку их в Польшу до взятия города. Торжественный въезд гетмана в Варшаву состоялся лишь 29 октября 1611 года. За коляской гетмана катила запряженная шестерней королевская карета, в которой расположился Василий Шуйский с братьями. Знатного пленника обрядили в белый, шитый золотом кафтан и высокую шапку. Как свидетельствуют очевидцы, на приеме в королевском дворце Шуйский держался спокойно и с достоинством. После окончания приветственной речи Жолкевского, в которой он просил о милости для Шуйских,

подчеркнув, что привел их к королю «не в качестве пленников, а как живой пример превратности человеческой судьбы», свергнутый царь выступил вперед и поклонился королю, коснувшись по русскому обычаю рукой земли. Братьев допустили до целования руки Сигизмунда, но тут раздались протестующие возгласы сенаторов, требовавших мщения за резню поляков в Москве в мае 1605 года.

Это возмущение сказалось на судьбе пленников. Сигизмунд приказал отправить Василия Шуйского и его братьев в Гостынинский замок, расположенный в двухстах километрах от Варшавы. Их следовало содержать анонимно и в разных камерах.

Для двух из высокопоставленных узников заключение продолжалось чуть меньше года. Живые, они все еще представляли угрозу династическим планам польского короля. Поэтому перед началом похода Сигизмунда на Москву в сентябре 1612 года Василия и Дмитрия Шуйских умертвили в их камерах, представив дело как естественную смерть. В акте о смерти бывшего московского властителя чиновник записал: «Покойник, как об этом носится слух, был великим царем московским».

Польский король пощадил лишь младшего из братьев Шуйских — Ивана, которому приказали забыть о своем имени и происхождении, назвав Иваном Левиным. «Мне вместо смерти наияснейший король жизнь дал», — рассказывал благодарный за милосердие Иван Шуйский знакомым, когда после многих лет заключения вернулся в Москву.

Прах Василия Шуйского перевезли на родину и перезахоронили в Архангельском соборе лишь в 1635 году, после заключения мира России с Польшей. Вернуть царские останки, зарытые у дороги между Торунем и Варшавой, стало возможным после длительных дипломатических усилий Москвы. «Мы славу себе вековую учинили тем, что московский царь и брат его лежат у нас в Польше, и погребены они честно, и устроена над ними каплица каменная», — отвечали поляки на все запросы России.

Однако вернемся к событиям в России после низложения Василия Шуйского. В сентябре 1610 года Москва провожала в лагерь короля под Смоленском огромное, более чем в тыся-

чу человек, посольство. Его задачей было убедить Сигизмунда подтвердить все условия договора об избрании Владислава, заключенного от имени короля Станиславом Жолкевским. Гетман позаботился, чтобы посольство возглавили два человека, оставлять которых в Москве было опасно, — умный и честолюбивый митрополит Ростовский Филарет Романов, интриговавший против Владислава, и боярин князь Василий Голицын, который сам был не прочь занять место свергнутого Василия Шуйского. 7 октября 1610 года русские представители прибыли под Смоленск, еще не зная, что каждому из них придется делать выбор: или нарушить данную москвичам клятву, или стать польскими пленниками. Двучленный король на этот раз говорил прямо. О снятии осады Смоленска и речи не шло, а послы и их свита должны были принести присягу двум властителям: Сигизмунду и его сыну. Начался многодневный процесс переламывания воли посольства. Тех, кто соглашался признать своим монархом Сигизмунда, он одаривал именьями и должностями, упрямец держал впроголодь, отселив из домов в холодные, продуваемые октябрьскими ветрами палатки. Посольство раскололось. Многие, в том числе Филарет Романов и Василий Голицын, остались верны данной в Москве в Успенском соборе клятве «умереть, а не уступить» — этих упрямцев король, забыв о неприкосновенном статусе послов, объявил в апреле 1611 года пленниками и отправил в Польшу. Присягнувших ему бояр Сигизмунд послал в Москву — вести в русской столице пропаганду в его пользу. С ними отправились и посольские рангом поменьше, отказавшиеся изменить данной Владиславу присяге. Их Сигизмунд, не считая ценными заложниками, отпустил на все четыре стороны. К Москве устремились и сотни жестоких смоленских помещиков, у которых за отказ присягнуть Сигизмунду король отнял их именья. Эти привычные к оружию люди, которым больше нечего было терять, жаждали мести. Враг определен: польский гарнизон в Москве и боярское правительство, которое после своего воззвания к защитникам Смоленска сдать крепость Сигизмунду получило клеймо предателей.

Король еще не знал, что сделанный им неверный ход ведет к проигрышу всей шахматной партии, казавшейся почти

выигранной. В Варшаве вовсю чеканили памятные знаки с изображением усатого и бородатого человека лет тридцати, Владислава: сознательно состарив пятнадцатилетнего королевича, поляки намеревались рассеять сомнения его новых подданных в том, что им навязывают в цари желторотого птенца. Надпись на медали по-латыни гласила «VEL SIC ENITAR» (так объединю).

Между тем в Москве началось денежное противостояние. Поляки принялись штамповать золотые и серебряные копейки царя Владислава Жигимонтовича пониженного, по сравнению с прежним, весового содержания, прикрыв эту аферу весьма своеобразно. Первые партии легких монет они выпустили с именем Василия Шуйского, чтобы было кого обвинить в начале обесценивания русских денег. Боярское правительство, не желая участвовать в затеянной своими новыми союзниками грандиозной финансовой афере, ответило чеканкой собственных монет, возвращавших нацию к периоду стабильности. Их украшало имя последнего перед началом Смуты царя Федора Ивановича.

«Война денег» грозила перерасти в физическое столкновение. Доброжелательное отношение москвичей к полякам, с таким трудом достигнутое Станиславом Жолкевским, точно испарилось. Наемники Делагарди, перебежавшие к Жолкевскому под Клушином, так же как и перешедшие на королевскую службу искатели приключений из польских отрядов, уже несколько лет промышлявшие в России, не могли долго сдерживать своих разбойничьих инстинктов. Шеститысячный польский гарнизон постепенно выходил из-под власти командиров. Солдаты стали вести себя в Москве как во взятой с боем крепости, притесняя и избивая обывателей, грабя их дома и оскорбляя религиозные чувства русских.

25 января 1611 года в столице собралась большая толпа, высказавшая свои претензии королевскому наместнику Александру Гонсевскому. Русские потребовали, чтобы Гонсевский добился скорого приезда избранного царя, а иначе пусть поляки убираются из Москвы. «Для такой завидной невесты мы скоро найдем другого жениха!» — распалили друг друга недовольные. Гонсевский попытался утихомирить москвичей, пообещав, что напишет королю о присыл-

ке молодого государя, а все жалобы на бесчинства поляков будут рассмотрены судом.

Волны ненависти к полякам, взметнувшиеся по всей Москве, можно было успокоить только жертвенной кровью. Вскоре такой случай представился. Обыватели пожаловались на молодого польского дворянина, который в пьяном виде развлекался стрельбой по образу святой Марии, украшавшему Сретенские ворота. Гонсевский приказал казнить святоотца. Казнь была столь ужасна, что подействовала даже на грубое воображение солдат и простолудинов. Несчастного привели к Сретенским воротам, отрубили ему на плахе руки и прибили их к стене под обесчещенной иконой. Затем безрукого преступника, истекающего кровью, провели через ворота и живьем сожгли на костре.

Жуткая расправа на какое-то время успокоила страсти, но Гонсевский видел, что это лишь временное затишье. Он уже примеривался, где на крепостных стенах удобнее разместить пушки, чтобы отбиваться от возможного нападения коварных подданных Владислава Жигимонтовича. У всех крепостных ворот была выставлена круглосуточная охрана в полном вооружении, русским запретили носить оружие. Семисоттысячное население гигантского города еще более ожесточилось от этих мер предосторожности.

«Все вы вместе нам только на закуску, нам не к чему брать в руки ни оружия, ни дубин, сразу закидаем вас насмерть колпаками», — так, по словам французского наемника капитана Жака Маржерета, служившего у поляков, отозвался на призыв Гонсевского к благоразумию кто-то из черни. Москвичи смеялись в лицо полякам, задирая их оскорбительными словами: «Эй, вы, косматые, теперь уже недолго, все собаки будут скоро таскать ваши космы и телячьи головы, не быть по-иному, если вы добром не очистите наш город».

«Косматыми» и «телячьими головами» поляков звали в Московии из-за их непривычно длинных для наголо стриженных русских причесок и любви к телятине, запрещенной тогда в России по религиозным соображениям. Полякам отказывались продавать товары на рынках, а если и продавали, то драли втридорога.

«Москаль, почему ты с нас дерешь? Разве мы не одного и того же государя люди?» — возмущался польский покупатель.

«Ни один поляк у меня ничего не получит, пошел к черту!» — с ненавистью отвечал торговец.

Москвичи открыто называли принца Владислава «щенком», а его отца, короля Сигизмунда, «старой собакой», которым лучше не появляться в России. Надвигалась буря.

Все более драматичной становилась ситуация и на северо-западной окраине России, где неотвратимо приближалась схватка Якоба Делагарди с Новгородом. В сентябре 1610 года Семибоярщина послала из Москвы в Новгород князя Ивана Салтыкова для приведения к присяге Владиславу столицы русского Севера. На дорогах, ведущих к Новгороду, Салтыков поставил заставы, чтобы изолировать город от «немцев», как обычно именовали отряды Делагарди, и от «воровских людей», действовавших от имени Лжедмитрия и призывавших новгородцев перейти на его сторону.

Расположившись лагерем в семи верстах от Новгорода, Салтыков вступил в переговоры с воеводой Одоевским и митрополитом Исидором. Бояре и церковная верхушка были готовы сразу целовать крест Владиславу, опасаясь, что иначе их захлестнет волна анархии, как это случилось с аристократией в соседнем Пскове. Однако купцы и простые горожане отказывались верить московскому посланцу на слово. Они не пускали Салтыкова в город до тех пор, пока из Москвы не вернется новгородская делегация с утвержденными списками крестного целования польскому королевичу. Наконец посольство явилось с необходимыми доказательствами, и Новгород присягнул Владиславу. Иван Салтыков обязался от его имени «Литовских (так часто называли всех подданных польского короля. — А. С.) никаких людей в город не пустить, и Новгорода и новгородских мест от Немецких и от воровских людей оберегать».

Как объяснял Салтыков в своем письме Сигизмунду и его сыну, некоторые города Новгородских земель, в которые он направил грамоты с требованием целовать крест Владиславу, отказывались это делать, поскольку поляки вели себя в уже присягнувших польскому королевичу городах как на оккупированных землях. Салтыков просил Сигизмунда издать указ, чтобы его подданные «тех городов и уездов не воевали, и крестьяном и всяким людем никаких обид и насильства не чинили, и кормов не правили, и крестьян не побивали и пытками

не пытали, и тем бы твоих Государевых людей не жесточили, чтоб то слыша иные города, которые в воровской смуте, против Вас Великих Государей не стояли».

Наспех собранное московским правительством войско, посланное для освобождения Ладogi, разбежалось «с бедности», но в октябре Новгород снарядил новый большой отряд с пушками, осадивший Делавилля в Ладогe. Предприимчивый боярин готовил новые силы против шведов, собираясь выбить их из Ладogi и из лагеря под Корелой, как только встанет зимняя дорога. Пока же новгородские власти забрасывали Делагарди письмами, в которых обвиняли полководца в нарушении данной им Жолкевскому клятвы и обманном захвате новгородских дворян и купцов в качестве заложников. Упреки в поступках, недостойных благородного человека, в конце концов так разозлили Делагарди, что 9 ноября 1610 года он призвал новгородских воевод Одоевского и Долгорукого «закончить с неблагородными и постыдными писаниями, если только вы не хотите, чтобы посольный с очередным письмом не закачался на виселице».

Вероятно, осенью 1610 года Делагарди решил для себя, что к достоинствам хорошего полководца относится умение забывать не только о поражениях, но и о вынужденных обещаниях, данных в сложные моменты жизни. Иначе трудно объяснить его ответ Жолкевскому, обвинившему своего клушинского противника в нарушении данного им после разгрома обещания не вмешиваться в московские дела, что порочило его имя честного рыцаря. Делагарди вежливо отписал гетману, что он не связан никакой присягой, иначе пусть покажут ее запись. Можно представить себе печальную улыбку польского героя, жившего по законам средневекового рыцарства, когда молодой соперник преподнес ему наглядный урок формального подхода к соглашениям между людьми чести!

Делагарди переслал Карлу IX свой ответ гетману, сопроводив его посланием Жолкевского, чтобы в Стокгольме не подумали, будто на поле боя под Клушином Делагарди выторговал себе свободу в обмен на предательство шведского монарха. Однако лишь военные успехи могли укрепить его пошатнувшиеся позиции при дворе. Но войск для этого не хватало. Шведский полководец, дожидаясь, пока к нему из

Финляндии и Лифляндии подойдут достаточные для активных действий силы, повел с конца августа 1610 года пропагандистское наступление. Возможно, русские хотят видеть своим царем Владислава в силу своего глубокого провинциализма? Разве они не знают, что творят коварные агенты Папы Римского в других странах?

Вероятно, эти мысли двигали рукой Якоба Делагарди, когда он просвещал москвитов о последних европейских событиях. Паписты убили короля Франции в его собственной карете! Они пытались взорвать короля Англии вместе со всем советом! Если уж русские так хотят иностранного государя, пусть они выберут себе в цари одного из сыновей шведского короля.

Высказывая это предложение в письме московским сословиям, датированном 24 августа 1610 года, Делагарди еще не представлял, что дает старт самой захватывающей интриге своей жизни. Пока же его занимали более актуальные и приземленные задачи. Прежде всего следовало забрать у русских старый долг — крепость Кексгольм. Начатая в сентябре осада продвигалась не слишком успешно. Артиллерии у Делагарди не было, первый лихой наскок с петардами защитники крепости отбили и демонстрировали твердую решимость стоять до победы.

Стены, поднимающиеся со всех сторон, постепенно развивают у осажденных чувство одиночества и ощущение брошенности. Делагарди попытался сыграть на этом, способствуя распространению в городе слухов, будто Москва после переворота погружена в хаос, а в Або вот-вот высадится шведский наследный принц Густав Адольф с большим войском и крепостной артиллерией, чтобы покарать русских в Кексгольме.

Но тут в крепость добрался посланец Ивана Салтыкова из Новгорода, отправленный для приведения Кексгольма к присяге на имя Владислава. Вся тщательно выстроенная шведская пропаганда рухнула в один день. Осажденные, узнав, что о них помнят, воспряли духом. Они сообщили Делагарди, что признали царем Владислава, старые договоренности Шуйского со шведами потеряли силу и к ним на помощь движется большое войско. Хотя шведы отогна-

ли новгородские отряды, спешившие на лодках и ладьях по Ладоге на помощь осажденным, самим им тоже не удалось превратить это пресноводное море в путь снабжения своего осадного войска. Русские захватывали шведские лодки с припасами, пробирающиеся вдоль берега, а казаки и стрельцы, посланные из Новгорода, перехватывали отряды шведских снабженцев, рыскавших по окрестным деревням в поисках продуктов. Одних убивали, других уводили в Новгород и там беспощадно секли розгами на площади, поднимая с помощью подобных общественных экзекуций боевой дух жителей.

В локальных стычках заканчивалась осень. Пронзительные ноябрьские ветры, задувая со штормящей Ладоги, говорили о скором наступлении долгой и голодной зимы. Каменная крепость, окруженная мощными бастионами и расположенная посреди широкой и бурной Корелы — нынешней Вуоксы, — казалась неприступной. Река не замерзала даже зимой, поэтому нечего было надеяться подойти к крепости по льду через месяц-другой. Корела славилась по всей России как лучшее место ловли семги, отсюда благородную рыбу традиционно поставляли к царскому столу. Теперь артели царских рыбаков тянули неводы для защитников Кексгольма, не оставляя никаких шансов взять город голодом.

На этом фоне положение осаждающих выглядело куда хуже. Палатки и шалаши, в которых ютились тысяча двести шведских солдат, заливало ледяными дождями. Деньги, как всегда, задерживали. Наемники с тоской смотрели в серое, как их собственная жизнь, небо, провожая взглядами последние косяки отлетающих в теплые края гусей. Началось обычное явление этого периода года — массовое дезертирство. Расстреливать? Вешать? Но кого? Делагарди жаловался, что ничего не может поделать: если применять репрессии, то казнить нужно всех.

1610 год закончился без каких-либо серьезных военных достижений: в руках шведов оставалась только Ладога. Новую кампанию по захвату крепостей российского северо-запада пришлось отложить до начала следующего года.

26 января 1611 года Якоб Делагарди двинулся в свой второй поход в Россию из Выборга, откуда он почти два года

назад выступил на помощь Новгороду и Москве. На этот раз обе русские столицы — северная и центральная — были его врагами. Впрочем, полководец, по опыту прошлого русского похода знавший, как легко враги превращались в союзников, а друзья делались заклятыми врагами, не спешил с формальным объявлением войны. Он распространил в новгородских пределах письмо, в котором сообщил, что идет лишь с целью выяснить намерения русских. Кроме того, в послании содержался набор уже знакомых по прошлому году обвинений: русские не выполнили своих обязательств перед Швецией (не передали Кексгольм), часть сословий выбрала царем Владислава, а в Нотебурге задержан Меншик Боранов с товарами и документами.

С деньгами — этой кровью войны — у шведов, как всегда, было туго. Делагарди и Выборгский наместник Арвид Теннессон на вербовали солдат на свои собственные и взятые в долг средства. Часть денег собрали среди жителей Выборга.

Кампанию пришлось начать с нуля, лишившись единственного трофея прошлого года — Ладоги. Пятого февраля после полугодового сидения в осаде Пьер Делавилль вывел своих рейтар из крепости, согласившись на предложенную новгородцами почетную капитуляцию. Крепость была сдадена вместе с артиллерией в обмен на одного-единственного человека. Это был брат Делавилля, захваченный русскими во время рекогносцировки. От предложения перейти на сторону противника доблестный француз отказался, но и дружеские отношения с Делагарди, прошедшие испытание клушинской катастрофой, были навсегда испорчены. Делавилль покинул шведскую службу и вернулся на родину, обвинив в падении Ладоги короля и Делагарди, оставивших гарнизон крепости без помощи.

Первое сражение — и неудача. Казалось, бог войны после Клушина навсегда отвернулся от Делагарди. В ночь с 11 на 12 февраля наемники переправились через Неву на лодках на Ореховый остров, где располагалась крепость Нотебург. На рассвете началась атака. Петардами и таранами удалось разбить двое ворот, но защитники крепости закрыли брешь железной решеткой, которую петарды не брали, — прорыв не удался. Шведы, оставив на острове два десятка убитых,

отступили. Колокольни двух крепостных церквей, деревянной и каменной, словно два великана, охраняющие свои владения, надменно взирали на отгребающих назад наемников Делаярди. Казалось, они напоминали шведам о том, что те взялись за непосильное дело, пытаясь расколоть этот твердый Орешек. За его скорлупой скрывалось ядро, почти столь же твердое, как и оболочка: это была одна из немногих русских крепостей без мирных жителей, населенная только стрельцами и казаками гарнизона. Страдания женщин и детей не могли сломить волю защитников, а сама природа позаботилась о спасении их от многих испытаний. Река давала пищу, а ядра осадной артиллерии, даже если бы и удалось подтащить пушки по болотистым берегам Невы, не могли пробить наполненных землей, песком и глиной бастионов: стрельба с большого расстояния через водное пространство ослабляла ударную силу ядер.

Пришлось ограничиться мстью слабых — сжечь крепостные деревянные укрепления. Но противнику нельзя было позволить почувствовать бессилие шведов, и потому Делаярди дал холостой залп в сторону Новгорода: отправил городским властям письмо, из содержания которого явствовало, что шведы намеревались лишь поугадать обороняющихся в ответ на их прежние нападения: «За то зло, которое мне причинили нотебуржцы, я вывел их несколько дней назад из сладкой дремы, заставив увидеть другой сон».

Второе сражение — и новая неудача. Вслед за Нотебургом не удалось добыть Ладогу. Шотландский полковник Коброн, посланный Делаярди на штурм крепости с тысячью солдат, сумел шестого марта взорвать петардой внешние ворота, но дальше не прошел. Защитники храбро отражали атаки, а вскоре и гигантское море-озеро пришло им на помощь. Разразившийся жестокий шторм опрокидывал прислоненные к стенам штурмовые лестницы и швырял вниз на камни взобравшихся на них смельчаков. Непогода превратила мушкетеры в бесполезные железные палки: солдаты на пронзительном ледяном ветру не могли зарядить оружие скрюченными от холода пальцами.

Делаярди разыскал в Выборге шубы и валенки только на сотню наемников, остальные в своем летнем рванье мечтали

лишь поскорее добраться до натопленной крестьянской избы, их алчность не пробуждалась даже от перспективы завладеть имевшейся в крепости казной. Многие из участвовавших в безуспешной атаке отморозили конечности и навсегда распростились с военной карьерой. Лагерные брадобреи взялись за кровавую работу: ампутацию рук и ног.

Одновременно с известием о провале ладожской операции в лагерь Деллагарди пришла радостная новость, которую и он, и король ждали почти два года. Кексгольм наконец-то стал шведским. Крепость сдалась не под натиском солдат, но пала под ударами невидимого врага: в феврале здесь разразилась эпидемия цинги. Когда защитники города 28 февраля неожиданно обратились к осаждающим с просьбой назвать условия почетной капитуляции, Деллагарди понятия не имел, что творится за стенами русской твердыни. Потребовав у Выборгского наместника Арвида Тенниссона, возглавлявшего осаду крепости, добиваться жестких условий сдачи и разрешить жителям взять с собой только «носильную одежду и деревянных богов (иконы)», он просто следовал традиционной переговорной тактике, дававшей возможность постепенных уступок. Однако епископ Сильвестр, главный вдохновитель обороны Кексгольма, ответил, что в таком случае город будет стоять насмерть. Еды в крепости достаточно, одной только пшеницы имеется тысяча бочек, но, если шведам даже удастся взять Кексгольм штурмом, жители готовы взорвать его вместе с собой. Шестнадцать офицеров, командовавших шведскими отрядами под Кексгольмом, собрались на совещание. Деллагарди и король были далеко, а огрызающиеся свинцом бастионы русской крепости — в сотне метров. Конечно, соблазн разграбить город был велик после стольких осадных трудов, но что, если фанатичные москвиты действительно взорвут себя вместе со всем своим добром и знатными шведскими пленными, запертыми в подвалах? Было решено принять предложение защитников крепости. Им разрешили вывезти ценности, оставив победителям только имущество умерших и артиллерию.

Когда второго марта соглашение о капитуляции было подписано, шведы обнаружили, что против них сражалась горстка теней. Из распахнувшихся крепостных ворот вышло око-

ло сотни шатающихся от слабости защитников. Три тысячи русских — практически все население Кексгольма — умерли от цинги. Их тела грудами сваливали на телеги и вывозили за пределы города для погребения. Когда шведы вступили в город, они поняли, что русские не блефовали: новые хозяева крепости обнаружили под башнями бочки с порохом, подготовленные к взрыву. Впору было молиться обрушившейся на русских эпидемии. Запасов хлеба в городе могло хватить для долгой обороны.

Кексгольм пал, однако главной целью всех операций на северо-западе России оставался Новгород. Четырехтысячная армия Делагарди медленно приближалась к городу, стягивая вокруг него гигантскую удавку. Во все стороны рассылались небольшие отряды, перекрывавшие новгородские торговые пути, шведы захватывали обозы и брали в плен новгородских купцов. К концу марта Делагарди разбил лагерь в Сольцах, в пятидесяти километрах от Новгорода выше по течению Волхова: водный путь из внутренней России к городу был перекрыт. Обеспокоенные новгородские власти шаг за шагом отступали от своих первоначальных требований к бывшему союзнику. Их послы даже пообещали освободить Меншика Боранова со всем обозом, лишь бы Делагарди покинул пределы России. Полководец на это отвечал, что не собирается уходить до тех пор, пока не будет освобождена от поляков вся страна, а русские не выберут себе великого князя, который выполнит условия договора со шведами и вознаградит за службу Делагарди и его солдат. Это были лишь тактические отписки! В конце марта Делагарди получил инструкцию короля, подготовленную еще 28 декабря прошлого года. Карл IX требовал захватить Новгород в качестве залога и держать его до тех пор, пока русские не выполнят все шведские требования к ним. Взять город следовало немедленно, зимой, пока реки и болота оставались замерзшими, а царский престол в Москве пустовал.

Делагарди разворачивал послание короля под треск ломающегося на Волхове льда. Весна 1611 года выдалась ранней и бурной. Пришлось ответить, что с Новгородом надо подождать до лета, сейчас все дороги стоят под водой, в городе слишком много воинов, а вся область восстала против поля-

ков — мешать в этом деле русским было не в шведских интересах.

Карл IX, настаивая на военных приобретениях в России, одновременно искал союзника в борьбе с поляками. Его практический взгляд остановился на втором Лжедмитрии — единственном русском предводителе, вокруг которого после пленения Василия Шуйского и избрания в цари Владислава объединились антипольские силы. За помощь шведов против поляков Лжедмитрий должен был отдать Карлу IX Колу, Кексгольм, Ладогу, Копорье, Яму, Ивангород и Гдов — то есть всю цепь русских крепостей на границе со Швецией. Через Делагарди король послал Лжедмитрию предложение о союзе. Одновременно он просил подробнее разузнать о его личности и происхождении: союз с бродягой бросал тень на короля, но кто знает, вдруг самозванец имеет более достойную биографию, чем та, о которой сообщал когда-то в Стокгольм Василий Шуйский? Может быть, это даже тот самый человек, которого в Московии называли первым Лжедмитрием?

Парадоксальное время, полное самозванцев, делало каждого предыдущего более легитимным правителем России, чем тот, что приходил ему на смену! Русская летопись точно охарактеризовала этот феномен, назвав одного в цепи «воров», Петрушку, «ложной лжи ложью».

Едва наметились контуры нового политического и военного союза с Россией, как в Стокгольм пришло удивительное известие: самозванец, временной столицей которого считалась подмосковная Калуга, 23 марта внезапно объявился в Ивангороде, возле самой шведской границы. Он первым вступил в переговоры с губернатором Нарвы Филиппом Шедингом, прося помощи против поляков. Наконец-то у шведов появилась возможность удостовериться, тот ли это человек, за которого он себя выдает. Карл IX отправил в Ивангород Петра Петрея, несколько раз видевшего первого Лжедмитрия в Польше и в Москве, чтобы тот удостоверился в личности ивангородского самозванца. Если Петрей его опознает, следовало достичь с ним соглашения об отправке в Стокгольм посольства для заключения договора о помощи. Однако Лжедмитрий, узнав о появлении в крепости дипломата, лично его видевшего несколько лет назад,

не выразил желания встретиться со старым знакомым. Он отказался принять Петрея, отговариваясь то плохим самочувствием, то отсутствием у него достойной монарха одежды. Пришлось заключать малообязательное соглашение с советниками этой личности. Вскоре шведы узнали, что они имеют дело с беглым церковным служкой Матвеем из Москвы. Одно время тот нищенствовал и пытался торговать ножами в Новгороде, затем исчез, а вторично объявился на городском рынке уже в новом обличье — царя Дмитрия. Его опознали, высмеяли и прогнали из Новгорода, однако Матвей не отчаивался: городов, страдающих от безвластия, на Руси было хоть пруд пруди, а планка требований к претенденту на царский титул за годы Смуты настолько снизилась, что ее мог легко перескочить любой нахальный бродяга. Вместе с кучкой новгородских жителей, увидевших свой шанс в присоединении к свите нового царя, Матвей явился в Ивангород. Эта приграничная крепость готова была признать кого угодно, лишь бы не польского или шведского ставленника. Бывшего продавца ножей 23 марта 1611 года провозгласили царем и отмечали это событие трехдневной пушечной пальбой и колокольным звоном. Делгарди так объяснил королю стремительную карьеру этого прохиндея: «...Когда он обнаружил, что народ совсем растерялся, то решил, по наущению дьявола, покинуть Москву и отправиться в Ивангород, где он назвал себя царевичем Дмитрием».

Ко времени появления в Ивангороде человека, объявившего себя Дмитрием, второй Лжедмитрий, «тушинский вор», был уже четыре месяца мертв — одиннадцатого декабря 1610 года во время прогулки в окрестностях Калуги его зарубил татарин-телохранитель.

Скромные военные успехи шведов на северо-западе России в начале 1611 года полностью компенсировались неожиданным политическим успехом. Московия не превратилась в вассальное польское государство и одновременно в плацдарм для нападения на Швецию, что, казалось, стало свершившимся фактом после провозглашения царем Владислава. 17 марта 1611 года в Москве вспыхнуло восстание против поляков. Арест русского посольства под Смоленском, продолжавшаяся осада этой крепости и явное нежелание поль-

ского короля отдать сыну русскую корону, которую Сигизмунд уже примеривал на себя, привели к взрыву возмущения, эхо которого прокатилось по многим русским городам. Братья Ляпуновы из Рязани, отличавшиеся невероятной энергией, честолюбием и пламенным патриотизмом, опережавшим порой доводы разума, успели благодаря совокупности этих качеств несколько раз вознестись вверх на гребне революционной волны. Они воевали на стороне Болотникова, действовавшего от имени первого Лжедмитрия, против царя Василия Шуйского, затем стали его союзниками, но интриговали в пользу передачи престола Михаилу Скопину-Шуйскому. После несчастной смерти царского племянника Ляпуновы обвинили Василия Шуйского в убийстве и вновь перешли в стан его открытых врагов. Однако даже осуществление давней мечты — сведение с трона «шубника», — как оказалось, не принесло успокоения России. Поэтому поляки и их союзники — московские бояре — вновь стали врагами Ляпуновых. В Ярославль и Владимир, Суздаль и Кострому, в Тулу и Калугу, в десятки других городов России полетели из Рязани грамоты с призывом объединиться для изгнания поляков из столицы. Патриарх Гермоген, которого Жолкевскому удалось очаровать во время его пребывания в Москве, вновь стал непримиримым противником поляков. Убедившись, что король Сигизмунд не спешит отпускать сына в Россию и лукавит по поводу его обещанного перехода в православие, старец стал рассылать по России призывы постоять за православную веру. Земское ополчение получило моральную поддержку духовного пастыря всех русских.

Отряды ополченцев стали стекаться под стены Москвы. Это было разношерстное воинство, временно объединившее недавних врагов. Против поляков поднялась бывшая тушинская аристократия в главе с князем Дмитрием Трубецким, казацкая гольтьба атамана Ивана Заруцкого, поставившая после смерти «вора» на малолетнего сына Марины Мнишек и второго Лжедмитрия, провинциальное русское дворянство, ненавидевшее и тех, и других и признавшее своим вожаком рязанского воеводу Прокопия Ляпунова.

Слухи о том, что на изгнание поляков поднялась «вся земля», будоражили Москву, внушая мужество столичным обы-

вателям. Было решено нанести по оккупантам одновременный двойной удар: москвичи поднимут восстание, когда на штурм пойдут отряды ополчения. В Москву свозили оружие, спрятанное в телегах с товарами, в столицу просачивались ополченцы, переодетые в городское платье.

Поляки через своих лазутчиков и русских союзников хорошо знали о надвигающейся буре. Александр Гонсевский принял беспрецедентные меры предосторожности, стараясь защитить свой гарнизон от неожиданного нападения. Патрули останавливали обывателей и заставляли их распоясываться, проверяя, не вывалятся ли у них из-под рубах ножи или пистолеты. Купцам запретили продавать ножи, топоры и прочие железные изделия, которые можно было использовать как оружие, а вскоре вышел и совершенно небывалый запрет — на торговлю дровами. Польское командование посчитало, что поленья в руках разъяренной толпы могут превратиться в эффективные орудия убийства. Московские улицы, которые по ночам запирались деревянными решетками, защищавшими от грабителей и прочего воровского люда, отныне были открыты: решетки разломали, чтобы москвичи не использовали их как прикрытие во время уличных боев. Все эти меры предосторожности, особенно запрет на торговлю дровами — и это в начале марта, когда зима едва начала отпускать свою хватку, — лишь накаляли страсти в столице. Нетопленые печи заставляли даже самых равнодушных обывателей проникаться злобой к полякам и искать возможности отомстить.

«Мы... день и ночь стояли на страже, — писал польский ротмистр Самуил Маскевич, — и осматривали в городских воротах все телеги, нет ли в них оружия: в столице отдан был приказ, чтобы никто из жителей под угрозой смертной казни не скрывал в доме своем оружия и чтобы каждый отдавал его в царскую казну. Таким образом случалось находить целые телеги с длинными ружьями, засыпанными сверху каким-либо хламом; все это представляли Гонсевскому вместе с извозчиками, которых он приказывал немедленно сажать под лед».

«Мы были осторожны; везде имели лазутчиков... Лазутчики извещали нас, что с трех сторон идут многочисленные

войска к столице. Это было в Великий пост, в самую распутицу, — рассказывает тот же автор о днях, предшествовавших столкновению, — у нас бодрствует не стража, а вся рать, не расседывая коней ни днем, ни ночью... Советовали нам многие, не ожидая неприятеля в Москве, напасть на него, пока он еще не успел соединиться, и разбить по частям. Совет был принят, и мы уже решились выступить на несколько миль от столицы для предупреждения замыслов неприятельских». Однако Александр Гонсевский в последний момент отклонил этот план — у него было слишком мало сил для сражения в открытом поле и одновременного удержания столицы.

Бояре, уже связавшие свою судьбу не столько с малолетним принцем Владиславом, в приезд которого в Россию они мало верили, сколько с его отцом, королем Сигизмундом, щедро раздававшим своим русским союзникам имения и другие милости, настаивали на нанесении упреждающего удара по заговорщикам. 17 марта, в Вербное воскресенье, патриарх совершал традиционное шествие на осляти, обычно привлекавшее массу народа. Михаил Салтыков, наживший в патриархе личного врага и даже угрожавший ему ножом за отказ подписать боярское воззвание об изъявлении покорности Сигизмунду, советовал полякам убить упрямого старика и устроить избиение собравшейся на праздник безоружной толпы. Когда Гонсевский отклонил это предложение, Салтыков якобы воскликнул: «Ныне был случай, и вы Москвы не били, ну так они вас во вторник будут бить». Предсказание этого боярина сбылось с точностью до одного дня, хотя восстание началось стихийно и вспыхнуло раньше запланированного срока.

Александр Гонсевский, опасаясь, что враги отобьют артиллерию у немногочисленных польских караульных, распорядился снять пушки со стен Белого и Деревянного городов — внешних оборонительных линий столицы — и перевезти их в расположение польского гарнизона на стены Китай-города и Кремля, составлявших внутренний защитный рубеж Москвы. Извозчики, мобилизованные для этой работы, затеяли ссору с поляками, солдаты, доведенные до нервного истощения частыми — по четыре-пять раз на день — тревогами,

схватились за оружие, на помощь извозчикам бросилась толпа, и восстание, точно готовившийся к спуску на воду огромный корабль, под килем которого случайно проткнули мешки с песком, неудержимо покатилося под гору, все набирая скорость. На помощь товарищам прискакали немецкий и польский отряды, врезавшиеся в конном строю с оголенными палашами в толпу обывателей. В рубке и давке погибло около семи тысяч москвичей, народ в панике хлынул из Китай-города в Белый город. В эту часть столицы конница не прошла. Над Москвой гудел набат, призывая к схватке, которую давно ждали. Военской выучке наемников Гонсевского восставшие противопоставили свою многочисленность и тактику боя с помощью подвижных баррикад.

«Русские, — писал Самуил Маскевич, — свезли с башен полевые орудия и, расставив их по улицам, обдавали нас огнем. Мы кинемся на них с копьями, а они тотчас загородят улицу столами, лавками, дровами; мы отступим, чтобы выманить их из-за ограды, — они преследуют нас, неся в руках столы и лавки, и лишь только заметят, что мы намереваемся обратиться к бою, немедленно заваливают улицу и под защитой своих загоронок стреляют по нас из ружей, а другие, будучи в готовности, с кровель и заборов, из окон бьют по нас из самопалов, кидают камнями, дрекольем...»

Перелом в схватке принесли три роты мушкетеров, всего 400 человек, высланные из Кремля в помощь польским всадникам. Восставшие, падавшие под градом пуль, по словам командира мушкетеров Жака Маржерета, «по многу человек сразу, как воробьи, в которых стреляют дробью», стали отступать. Вот как он описывает этот эпизод сражения: «С добрый час был слышен ужасающий гул от московитского боевого клича, от гудения сотен колоколов, а также от грохота и треска мушкетов, от шума и завывания небывалой бури, так что поистине слышать и видеть это было очень страшно и жутко. Солдаты тем не менее так стремительно нападали по всей улице, что тут уж московитам стало не до крику и они, как зайцы, бросились врассыпную. Солдаты кололи их рапирами, как собак, и так как больше не слышно было мушкетных выстрелов, то в Кремле другие немцы и поляки подумали, что эти три роты совсем уничтожены, и сильный страх

напал на них. Но те вернулись, похожие на мясников: рапиры, руки, одежда были в крови, и весь вид у них был утрашающий. Они уложили много москвитов, а из своих потеряли только восемь человек».

От полного истребления восставших спасла усталость немецких мушкетеров, вынужденных несколько раз подниматься по тревоге и совершать длительные пешие марши — в панцирях и с тяжелыми ружьями — в разные концы Москвы, чтобы поддержать конные отряды поляков. Всадники не могли развернуться на тесных и перерытых московских улицах, жертвы среди гусар росли, мушкетеры же просто не поспевали повсюду. У Гонсевского было слишком мало людей, чтобы длительное время сдерживать огромные толпы бунтовщиков. Время работало на москвичей. Казалось, вот-вот сбудется предсказание какого-то холопа, пообещавшего Гонсевскому насмерть закидать его людей шапками.

Но здесь битва приняла новый неожиданный поворот. «Жестоко поражали нас из пушек со всех сторон, — вспоминал Маскевич. — По тесноте улиц мы разделились на четыре или шесть отрядов; каждому из нас было жарко; мы не могли и не умели придумать, чем пособить себе в такой беде, как вдруг кто-то закричал: “Огня, огня, жги дома!”»

«Видя, что исход битвы сомнителен, — доносил Гонсевский королю, — я велел зажечь Замоскворечье и Белый город в нескольких местах».

Отряды факельщиков принялись поджигать дома, а ветер нес огонь в направлении восставших. Вслед за огненным валом, мгновенно охватившим гигантские пространства, двигались солдаты Гонсевского, добывая не успевших скрыться горожан.

«Происходило великое убийство; плач, крик женщин и детей представляли нечто подобное дню Страшного суда; многие с женами и детьми сами бросались в огонь, и много было убитых и погоревших», — описывал гетман Жолкевский, со слов очевидцев, разразившуюся катастрофу. На некоторых улицах трупы лежали так плотно, что солдаты ходили по ним, не наступая на землю.

20 и 21 марта поджоги города продолжались. Этим занималось около трех тысяч солдат, специально назначенных Гонсевским. Ветер благоприятного направления и каменные

стены Кремля оберегали поляков от того, чтобы самим стать жертвами огня. Раскинувшаяся вширь на десятки километров деревянная столица пылала как невиданный гигантский костер, превращавший день в ночь застилавшим небо дымом и освещавший ночное небо так, что при свете пожара можно было без труда читать.

«Мы действовали в сем случае по совету доброжелательных нам бояр, которые признавали необходимым сжечь Москву до основания, чтобы отнять у неприятеля средства укрепиться... Смело могу сказать, что в Москве не осталось ни кола, ни двора», — вспоминал один из поляков, участвовавший в побоище, вошедшем в историю как «московское разорение».

«Столица московская сгорела с великим кровопролитием и убытком, который оценить нельзя. Изобилен и богат был этот город, занимавший обширное пространство; бывшие в чужих краях говорят, что ни Рим, ни Париж, ни Лиссабон величиною окружности своей не могут равняться этому городу. Кремль остался совершенно цел», — писал гетман Жолкевский в своих воспоминаниях об итогах московского восстания.

Начался исход из Москвы сотен тысяч столичных жителей, лишившихся своих домов и имущества. «В тот день мороз был великий, они же шли не прямой дорогой, а так, что с Москвы до самой Яузы не видно было снега, все люди шли», — сообщает «Новый Летописец».

Горстка москвичей, решившая остаться в городе, послала депутацию к Александру Гонсевскому с просьбой прекратить избиение. За это обыватели обещали вновь присягнуть Владиславу. Предложение было принято, и изъявивших покорность польскому королевичу обязали носить особый холщовый пояс, чтобы не спутать их с бунтовщиками. Но вскоре «холщовые пояса» смешались с обладателями неблагонамеренных перевязей в последнем всплеске восстания. Поляки жестоко расправились с коварными русскими. Москва обезлюдела. Лишь в каменных палатах Кремля шла жизнь — там разместились польский гарнизон и бояре с семьями, верность которых Сигизмунду была на этот раз проверена огнем.

«Так как в течение четырнадцати дней не видно было, чтобы московиты возвращались, воинские люди только и делали, что искали добычу, — писал Жак Маржерет. — Одежду, полотно, олово, латунь, медь, утварь, которые были выкопаны из погребов и ям и могли быть проданы за большие деньги, они ни во что не ставили. Это они оставляли, а брали только бархат, шелк, парчу, золото, серебро, драгоценные камни и жемчуг. В церквах они снимали со святых позолоченные серебряные ризы, ожерелья и вороты, пышно украшенные драгоценными камнями и жемчугом. Многим польским солдатам досталось по 10, 15, 25 фунтов серебра, содранного с идолов, и тот, кто ушел в окровавленном грязном платье, возвращался в Кремль в дорогих одеждах; на пиво и мед на этот раз и не смотрели, а отдавали предпочтение вину, которого несказанно много было в московитских погребах, — французского, венгерского и мальвазии. Кто хотел брать — брал. От этого начался столь чудовищный разгул, блуд и столь богопротивное жительство, что их не могли прекратить никакие виселицы, и только потом Ляпунов положил этому конец при помощи своих казаков».

Когда к столице подошли основные силы ополчения, глазам ратников открылось страшное зрелище: на месте столицы раскинулось огромное пепелище, откуда, точно пни выгоревшего леса, торчали тысячи печных труб. За поясом каменного леса возвышались черные закопченные стены — это была каменная стена Белого города, некогда покрытая известкой. В этой «черной крепости» заперся польский гарнизон, в пьяном угаре отмечавший свой неслыханный успех. Победители, упоенные разгромом восставших, насмехались над ними со стен и, бахвалясь обладанием несметных кремлевских богатств, палили из мушкетов крупными жемчужинами.

Однако вскоре до поляков дошел ужас положения, в котором они оказались. Имевшиеся в Москве запасы пищи сгорели, в Кремле находились только сокровища, из которых каши не сварить, а стотысячное земское ополчение перекрыло все пути подвоза продовольствия. Гарнизон Александра Гонсевского оказался в блокаде. За два месяца цена на продукты взлетела почти в тридцать раз, но и за большие деньги купить их было все труднее.

В мае осажденные сообщили Сигизмунду, что смогут продержаться не более трех месяцев, если им немедленно не окажут помощь войсками и продовольствием. В то же время Гонсевский сократил гарнизон до трех тысяч человек — остальных отослал на поиски продуктов, пока еще из Москвы можно было выбраться. Отогнать многочисленное ополчение от стен столицы он не мог даже со всеми своими солдатами, а для сидения в осаде следовало максимально сократить число едоков.

Поляки приуныли и уже не стреляли со стен драгоценными камнями (кто знает, может, за них удастся выручить хотя бы корку хлеба), а черед веселиться и упражняться в остроумии перешел к обложившему их воинству.

«Король пришлет вам подкрепление и провизию: пятьсот человек и одну кишку! — кричали подскакивавшие к стенам Белого города удалыцы-казаки, намеренно горяча своих сытых лошадей. — Радуйтесь, Конецпольский приближается!»

Так осаждавшие обыгрывали слухи о подходе посланных Сигизмундом к Москве отрядов под предводительством Кишки (*kiszka* — колбаса по-польски) и Конецпольского (*koniec Polski* — значит «конец Польши»).

С каждым новым днем осады эти каламбуры приобретали для засевшего в Москве польского гарнизона все более зловещее значение. Товарищи (польские шляхтичи) получали в месяц 20 злотых, казаки и пахолики (оруженосцы) — по 15 злотых. Но уже к середине декабря продуктов стало так мало, что установилась цена даже на городских птиц, которыми в обычных условиях пренебрегали. Польский рыцарь мог приобрести за 20 злотых 200 воробьев или 150 штук более крупных пернатых — ворон или сорок. Эту малоаппетитную пищу приходилось запивать обычной водой: кварта водки, «любой, лишь бы пахла водкой», как писал один из осажденных, обходилась в месячное жалованье. У кого не было денег, питался падалью. Приближался голод.

Падение Новгорода

Волны московских событий, расходясь по российским окраинам, поднимали против поляков и их русских союзников многие города. Стала клониться к закату и звезда Дмитрия, кто бы из самозванцев ни выступал в его обличье. Само это имя, из-за связанных с ним страданий и хаоса, теряло свою популярность в русских сердцах. Страна ждала перемен, и подошедшее к стенам столицы земское ополчение внушало смутные надежды на появление новой власти, которая успокоит и примирит Россию. Не стал исключением и северо-запад. Здешние города и крепости, прежде признававшие царем Владислава, Шуйского или Лжедмитрия, объявляли о переходе под покровительство правительства Всея Земли, созданного ополчением в мае 1611 года. Лишь Псков, Ивангород, Ям и Копорье сохраняли верность иллюзорному Дмитрию, но и там шли шатания, готовые в любой день перерасти в бунт. Новгород, еще недавно посылавший войска для приведения к присяге на имя Владислава окружающие крепости, превратился в центр антипольского восстания. Городская чернь устроила самосуд над Иваном Салтыковым, олицетворявшим в ее глазах тип боярина-предателя, продавшегося полякам. Вое-

воду жестоко пытали, а затем посадили на кол. Новым первым человеком в северной русской столице стал Василий Бутурлин, хороший знакомый Делагарди еще по московским временам, присланный сюда ополчением для борьбы с поляками. Бутурлин сражался при Клушине плечом к плечу с Делагарди, был ранен пулей навылет, попал в плен, где подвергся мучениям и издевательствам, и — освобожденный после присяги Москвы польскому принцу Владиславу — стал заклятым врагом поляков.

Новгород встретил Бутурлина разгулом анархии, которую едва удавалось сдерживать уступками и обещаниями. Чернь, пролив кровь Ивана Салтыкова, требовала новых жертв. Вот-вот мог случиться бунт, благо горючего материала было предостаточно: двадцатитысячное население города возросло в пять раз за счет беженцев из окрестных крепостей и деревень. На площади, где когда-то висел вечевой колокол — символ новгородской независимости, увезенный царем Иваном Грозным после устроенного им новгородского разорения, — собирались толпы обозленных оборванцев, которым было нечем заняться и нечего терять. Лазутчики из соседнего Пскова, где установили власть террора стрельцы, призывали новгородцев последовать их примеру, бить бояр и купцов-толстосумов. У кого оставался хоть грош за душой — нес его в кабак. Новгород жил в пьяном угаре, от последнего нищего до лучших людей. Старый хозяин города воевода Иван Одовский скрепя сердце уступил власть Василию Бутурлину, но примириться с этим не мог. Не было единства и среди прочих представителей городской верхушки. Одни оставались тайными приверженцами Владислава, другие мечтали о возвращении на престол Василия Шуйского, третьи обращали свои взгляды в сторону Швеции, надеясь получить царя из этой страны. К последним относился и Василий Бутурлин, убежденный, что приглашение на русский престол одного из сыновей короля Карла IX — Густава Адольфа или его младшего брата принца Карла Филиппа — спасет страну от католической опасности и прекратит схватку между боярами за власть. Руководители ополчения разделяли эти взгляды, надеясь, что новгородские силы, соединясь с Делагарди, смогут помочь в освобождении Москвы от поляков.

Четырехтысячное войско шведского полководца, медленно двигавшееся к Новгороду, могло оказаться и врагом, и союзником. В первых числах июня, когда шведы разбили лагерь в двадцати километрах от города, Бутурлин получил новые инструкции от ополчения: следовало уговорить шведов помочь против поляков, а за это, пока услуга не будет оплачена, можно обещать отдать в залог одну из пограничных крепостей. Бутурлин в частной беседе доверительно сообщил Деллагарди, что и Новгород, и Москва хотят одного из королевских сыновей в цари, лишь бы было обещано сохранить православие. Со своими великими князьями, как считают русские, удачи у них нет.

Это предложение открывало заманчивые политические перспективы, однако камнем преткновения были инструкции Карла IX. Король, отличавшийся узким практицизмом, желал лишь увеличения своих земель и удаления России от Балтийского моря. В таком случае Швеция могла обогатиться на посредничестве в русской торговле с Европой. Деллагарди передал Бутурлину королевские требования: Швеция хотела получить за свою помощь не только крепости, прикрывавшие подходы к Балтийскому морю — Ладогу, Нотебург, Ям, Копорье, Гдов и Ивангород, — но и Колахус на Кольском полуострове, что отсекало Россию от морской торговли с Англией на севере.

«Отдать половину земли! Русские лучше умрут!» — воскликнул Бутурлин, ознакомившись со списком шведских территориальных претензий.

Деллагарди и сам считал, что чрезмерные аппетиты короля могут похоронить важное дело. На свой страх и риск он пообещал убедить Карла IX снизить требования. Пока можно ограничиться передачей в залог в счет оплаты за военную помощь Ладоги и Нотебурга. Король, как заверил полководец, благосклонно отнесется к русским просьбам, узнав, что одного из его сыновей москвиты хотят видеть своим царем.

Переговоры закончились целованием креста о четырнадцатидневном перемирии. Русские обязались продавать шведам припасы по приемлемым ценам и не нападать на них. В стан ополчения под Москвой поскакал гонец за новыми инструкциями.

Ян Сапега, наступавший на Москву, в помощь укрывшемуся за стенами Белого города польскому гарнизону делал вождей ополчения — Трубецкого, Заруцкого и Ляпунова — все более сговорчивыми. Сапега, сделавший карьеру в России в качестве одного из военачальников «тушинского вора», после его смерти с несколькими тысячами искателей приключений, среди которых были и польские шляхтичи, и русские казаки, занимался грабежами, выбирая, кому бы подороже продать свою саблю. Поначалу он держал нейтралитет в борьбе ополчения с поляками, и лишь обещание короля Сигизмунда заплатить ему из московских сокровищ за поддержку гарнизона Гонсевского заставило его прийти на помощь запертым в кремле соотечественникам.

16 июня 1611 года, через несколько дней после того, как Сапега разбил лагерь под Москвой, ополчение направило в Новгород письмо с согласием передать Ладогу и Нотебург в залог шведам в обмен на срочную помощь. Возможность приглашения шведского принца на русский престол вожди ополчения обсудят с Делгарди, когда он прибудет под стены Москвы. Но уже 23 июня, после первых стычек с Сапегой, лидеры ополчения направили в Новгород другой, совершенно неожиданный документ, скрепленный гербовой печатью Земского правительства. В послании руководителей ополчения Дмитрия Трубецкого, Ивана Заруцкого и Прокопия Ляпунова сообщалось следующее: «Все писанное чашником и воеводой Василием Бутурлиным, как и грамоты светлейшего короля и Якоба Понтуса, в переводе на наш язык, мы велели публично и всенародно прочитать; затем, взвесив все обстоятельства не наскоро и не кое-как, а заботливо, с обсуждением в течение нескольких дней, решили так: соизволением Всевышнего совершилось, что все сословия Московитского государства признали старшего сына короля Карла IX, юношу, обладающего исключительной ласковостью, благородием и авторитетом, достойным избрания великим князем и государем московитских людей. Это единодушное наше решение мы, вельможи и граждане здешнего княжества, утвердили, обозначив свои имена»... В состав Совета Всея Земли входили, как гласит один из документов того времени «Московского государства разных земель царевичи, и бояре

и окольные, и чашники и стольники, и дворяне и стряпчие, и жильцы и приказные люди, и князи, и мурзы, и дворяне из городов, и дети боярские всех городов, и атаманы, и казаки». Хотя в составе этого своеобразного парламента не было знатнейших бояр — они или сидели с поляками в осаде в Кремле, или были пленены Сигизмундом под Смоленском, отправившись туда в составе посольства, — впервые после смерти Бориса Годунова решение об избрании царя принималось столь представительным собранием.

Ополчение, как сообщалось в письме, назначило по этому поводу посольство в Швецию, которое уже находилось по пути в Новгород. Шведскому королю вместе со старшим сыном, после проведения переговоров, следовало прибыть в Выборг, чтобы быть ближе к России. Посольству поручалось заключить договор с Делагарди о залоге, однако лидеры ополчения призывали полководца уговорить короля отказаться от территориальных претензий — это могло вызвать возмущение черни и помешать принцу взойти на престол.

Делагарди, получив это послание, пошел на большие уступки. Он согласился двинуться на Москву, пусть только новгородцы прежде передадут в залог Нотебург. Однако, как выяснилось, решение ополчения не было указом для новгородцев. В рассыпающейся без центральной власти стране бывшие удельные княжества вновь вспомнили о своей былой независимости, и Новгородское государство не было в этом отношении исключением. Нотебург входил в его подчинение, и жители Новгорода, главным образом чернь, не собирались отдавать шведам свою территорию по распоряжению странной власти, именовавшей себя Земским правительством. В стан Делагарди из Новгорода поехали новые делегации, снаряжавшиеся с одной-единственной целью: убедить шведов идти на Москву, не давая им ничего взамен. Делагарди просил заплатить войску, снизив свои требования до смешотворной суммы в 300 рублей, — но и этих денег город не выдал.

Новгородские квасники, роившиеся в лагере наемников, вызвали о силе шведского войска и уговаривали солдат уходить в Новгород, где их служба будет оценена куда лучше. У шведов, несмотря на лето, начинался голод, поскольку вся округа была разорена, в обозе скопилось много больных

дизентерией, от которой умерли уже десятки солдат. Деньги для платы наемникам, как всегда, задерживали. В этих условиях соблазнительные речи квасников оказывались особенно убедительными: солдаты стали перебегать к новгородцам.

Фуражиры, отправлявшиеся в дальние рейды по деревням в поисках продуктов, все чаще не возвращались в лагерь. Одних потом находили убитыми, других, как сообщали доброжелатели, приводили в Новгород, где их на потеху черни пороли розгами, всячески унижали, а затем бросали в темницу.

Делагарди и его офицеры решили, что их обманывают: новгородцы хотели разложить войско, дотянув дело до осени, когда холод и болезни победят шведов без единого выстрела. На военном совете решили брать Новгород штурмом. Солдатам Делагарди предстояло преодолеть два ряда внешних укреплений, так называемые Окольный и Земляной города, но самым твердым орешком был каменный кремль в центре города, представлявший собой крепость в крепости. Внешняя деревянная стена Новгорода была окружена заболоченным рвом и земляными валами, а кремль, кроме того, защищали еще и бастионы. Эти последние достижения фортификационного искусства сильно осложняли использование осадной артиллерии. Впрочем, пушек у шведов не было, оставалось полагаться на петарды, а это значило, что штурм следовало предварить тщательно спланированными ложными атаками на разных участках, чтобы защитники города не догадались, где ожидать подрыва ворот.

Опыт прошлогодней кампании заставил шведов скептически относиться к умению русских сражаться в открытом поле, но осаду в укреплениях они держали превосходно: даже совсем небольшие крепостицы стояли до последнего. Кексгольм, павший в марте 1611 года, помогла взять эпидемия цинги, уничтожившая почти все население города. Но на что можно было рассчитывать летом, когда в Новгороде было полно свежих запасов, а временем на длительную осаду Делагарди не располагал?

Оставалось полагаться на самонадеянность новгородцев, которые не могли поверить, что муха отважится напасть на слона. Ведь сколько раз они, помня о былой новгородской

славе, хвастливо повторяли на съездах известную на всем европейском Севере поговорку: «А кто может стояти против Бога да Велика Новгорода!» Шведы, однако, знали, что это пустая бравада: перебежчики и пленные доносили, что дух обороняющихся ослаблен внутренними сварами. О царившей в городе атмосфере рассказывает Третья Новгородская летопись: «В воеводах не бысть радения, а ратным людям с посадскими не бысть совету, иные же воеводы пили беспрестанно, а воевода Василий Бутурлин с немецкими людьми ссылался, а торговые люди возили к ним всякие товары».

К началу июня 1611 года конфликт враждовавших между собой новгородских партий дошел до такого ожесточения, что воевода Василий Бутурлин вступил в тайные переговоры с Якобом Делагарди, предложив тому план захвата города. Шведам, по мысли Бутурлина, следовало сделать вид, что они уходят на Копорье, новгородцы, решив, что опасность миновала, отправили бы войско на помощь ополчению под Москву, тут-то следовало повернуть назад и ударить по городу. Делагарди отклонил этот план как слишком рискованный, однако на самом деле он с подозрением относился к затеянной его старым московским знакомцем игре, не зная, где Бутурлин настоящий — когда он патриотично выговаривал Делагарди за вторжение в Новгородскую землю, или когда предлагал тайное сотрудничество. Это была изощренная византийская дипломатия, в которой Делагарди боялся запутаться. «Бутурлин меня все обманывает, присылает с угрозами, хочет меня от Новгорода проводить, так пусть же знает, что я за такие речи буду у него в Новгороде!» — так, по свидетельству современника, воскликнул Делагарди, раздосадованный темной бутурлинской интригой.

Продолжавшиеся между Делагарди и новгородцами переговоры теперь даже отдаленно не напоминали встречи возможных союзников. Один из последних перед открытием боевых действий съездов перерос в форменное сражение. Глава новгородской делегации дьяк Афиноген Голенищев, быстро исчерпав запас дипломатической сдержанности, вступил в яростную перепалку с Якобом Делагарди, а эскорты двух государственных мужей, вдохновленные примером своих господ, схватились врукопашную. Еще через несколь-

ко минут поднялась стрельба. Посольства разъехались, уезжая десятки убитых с обеих сторон.

Шведы и русские принялись жечь окрестные деревни и монастыри, стремясь лишить противника жилья и пищи. Армия Делагарди переправилась через Волхов и встала в виду города. Сомневаться в дальнейшем развитии событий новгородцам не приходилось. За несколько дней до этого Делагарди отправил в Новгород письмо, адресованное его жителям. Он сообщал, что впредь будет наносить им всяческий вред грабежом, огнем и мечом, поступая с ними как с вероломными и обманчивыми варварами, и пойдет приступом.

Однако сам величественный вид северной русской столицы испытывал решимость полководца на прочность. Перед шведами открывался огромный город, раскинувшийся на широкой лесистой равнине. Иван Грозный в письме шведскому королю Юхану Третьему в 1557 году, требуя сохранить давний обычай дипломатических сношений Швеции не с Москвой напрямую, а через Новгород, издевательски указывал на то, что монарху из крошечного Стокгольма не следует обижаться на новгородское посредничество: «Если сам король не знает, то пусть купцов своих спросит: новгородские пригороды — Псков, Устюг — чай, знают, сколько каждый из них больше Стекольны».

Волхов разделял Новгород на две части, или стороны, — Торговую, где жили купцы и располагались их лавки, и Софийскую, названную так из-за главного городского храма, церкви Святой Софии, располагавшейся в кремле, резиденции воеводы Ивана Одоевского и духовного вождя русского Севера митрополита Исидора.

Остатки разрушенных монастырей и других каменных построек на большом пространстве за внешней стеной города свидетельствовали о том, что когда-то Новгород был еще больше, но так и не смог оправиться после погрома, устроенного Иваном Грозным в 1569 году. Царь, заподозривший город в измене, сжег более 150 одних лишь монастырей.

Защитники города добавили к старым ранам новые, вырубив обширные сады, мешавшие стрелять со стен. Черные закопченные трубы сожженного новгородцами посада придавали подступам к городу мрачный кладбищенский вид. Мерт-

вая засыпанная пеплом земля дальше от города переходила в ровные черно-зеленые полосы: это тянулись обширные репища. Морозоустойчивая репа спасала горожан в тяжелые времена, когда холод убивал рожь и пшеницу.

Днем восьмого июля шведы пошли на приступ. Атака провалилась. Петардист был убит, не успев донести свой снаряд до ворот, и ободренные этим успехом новгородцы вышли из города для сечи в открытом поле. Со стен по нападавшим били пушки, мешая шведам использовать свое главное оружие — умение сражаться в строю.

Успех окончательно убедил защитников города в своей непобедимости. В Новгороде празднично гудели колокола, под звон которых процессия горожан и монахов во главе с митрополитом Исидором, державшим в руках икону «Знамение пресвятой Богородицы», обошла с крестным ходом городские стены. В церквях весь день до поздней ночи шли молебны. Все последующие дни на стены лазили пьяные и издевательски кричали шведам, приглашая их в гости, на блюда из свинца и пороха.

В шведском лагере между тем шли приготовления к новому сражению. Ниже по реке Волхов, там, где в него впадала речка Гзень, питающая ров перед Окольным городом на Софийской стороне, шведы собрали лодочную флотилию, показывая, что удар будет нанесен по воде, с выходом на Торговую сторону. На Волхове при его истоке из города новгородцы соорудили плавучую башню, а к прибрежной части Софийской и Торговой сторон стянули войска, готовясь к отражению атаки в этом уязвимом месте. Торговую сторону, раскинувшуюся на восточном берегу Волхова, можно было взять с меньшей кровью, чем Софийскую, с ее каменными храмами и кремлем, и при этом получить богатую добычу, хранившуюся почти в двух тысячах лавок и амбаров этого купеческого рая.

Так до последнего думали и солдаты Делгарди: стремясь сохранить дело в тайне, офицеры объявили им о плане сражения только к полуночи 15 июля, когда роты уже выстроились для наступления на город. Наемники узнали, что лодочная флотилия предназначалась лишь для отвлекающей атаки. Главный удар Делгарди хотел нанести с западного берега

Волхова, по средней, хорошо укрепленной части Софийской стороны, где нападения никто не ждал. «Бог накарает Великий Новгород за вероломство, и скоро в нем не будет ничего великого! Необходимость толкает к штурму, перед глазами — добыча, слава и смерть. Добыча достается храбрецам, смерть настигает труса», — говорил Делгарди командирам полков и рот, собравшимся в его палатке накануне сражения.

Офицеры, звеня шпагами, вышли из палатки в сумрак теплой летней ночи, к своим ротам, ждавшим сигнала к выступлению. Новгород спал пьяным сном победителей. Движение в шведском лагере заставило подняться на валы и стены только отряды, собранные по обеим сторонам Волхова в районе плавучей башни, откуда ждали нападения. На всех остальных многокилометровых стенах лишь вскинули головы, встрепенувшись от дремы, немногочисленные сторожа: вызывать подкрепления необходимости не было. «Святая София защитит нас своей железной рукой от немцев», — успокаивали друг друга новгородцы.

Солдаты в лодках, назначенные для ложной атаки на Торговую сторону, шумно заплескали веслами и закричали, подкрепляя уверенность жителей города, что враги двинулись на грабеж заречных купеческих кладовых. Колонны шведов, выстроившиеся для штурма, однако, не направились в помощь лодочной флотилии, а — левое плечо вперед — стали выдвигаться вправо, на позиции в западной части Новгорода, концентрируясь возле Чудинцевских и Прусских ворот. Блестя медью своих страшных орудий, встал напротив ворот отряд петардистов. Кто-то из них дойдет под градом пуль и ядер до ворот — и успеет прикрепить и поджечь свою петарду. Подкатили деревянный таран, удары которого должны были довершить разрушения, причиненные порохом зарядом.

Раздался грохот, ночное небо озарилось заревом: петарда взорвалась с такой неожиданной силой, что разнесла не только Прусские ворота, но и примыкавшую к ним часть стены. Чудинцевские ворота выбивать не пришлось. Они открылись сами. Перед рассветом, незадолго до атаки, под нижние створки Чудинцевских ворот проскользнул ужом новгородский житель, дворовый человек дворянина Луто-

хина Иван Шваль, и распахнул их. Плененный шведами и представленный Якобу Деллагарди, Шваль предложил свою помощь: он впустит их в город, открыв ворота, а за это ему дадут вольную. Услуга предателя не была забыта: через год после оккупации Новгорода шведы дали ему хлебный паек — большая ценность в те голодные годы — и назначили надзирать за сбором урожая в окрестных селах. Иван Шваль стал одним из самых активных представителей «шведской партии» в городе, призывавших население перейти в шведское подданство.

Однако вернемся к штурму, так успешно начавшемуся благодаря взятию сразу двух ворот. Защитники города были застигнуты врасплох, не сумев организовать серьезной обороны. Там и здесь вспыхивало очаговое сопротивление небольших групп казаков и стрельцов, но эти смельчаки не могли помешать вступлению в Новгород новых и новых шведских рот. Офицеры Деллагарди не путались в переплетении городских улиц, ведя свои отряды в направлении второй линии обороны — Земляному городу и возвышавшемуся за ним кремлю. Накануне штурма русские сообщники передали Деллагарди чертеж города, выполненный в 1584 году, — самый подробный из существовавших на тот период.

Немец Матвей Шаум, состоявший священником в армии Деллагарди, так рассказывает о развитии событий после вступления передовых отрядов наемников в Новгород: «И хотя русские еще долго стреляли с башен, но конница беспрестанно более и более входила, наполняя улицы и ворота замка, так что ни один из казаков или стрельцов не мог показаться. Между тем немцы сбивали русских с валу и от одного зубца к другому, от одного места к другому, даже до белой площади у воды, где, во-первых, не обошлось без шума и без сильного сопротивления, ибо тут главнокомандующий русских, Бутурлин, на пространной площади раскинул шатер свой и расположился под открытым небом, как в поле, и теперь, как думают, сам убежал на упомянутую площадь, откуда русские, быв вытеснены силою, бросились в воду, иные в лодках, другие без лодок, и друг друга топили вместе с лодками. Мост, который ведет через реку к другому городу, тотчас занят был нашими, так что никто не мог через него перейти».

Еще можно было спасти положение, если бы воевода Бутурлин со своими казаками и стрельцами, приведенными в помощь Новгороду, решил продолжать сражение. Но его личными врагами были поляки, а не шведы. Он не собирался проливать кровь за новгородцев, которые своей неуступчивостью сорвали переговоры с Делгарди, оставив ополчение под Москвой без шведской помощи! Бутурлин, огрызаясь свинцом пищалей от нападающих шведов, успел перевести свое войско по мосту, еще не захваченному противником, на другую сторону Волхова. Там, на Торговой стороне, русское воинство приступило к куда более приятному сражению — с замками и засовами купеческих закрюмов, нагружая себя хранившимся там добром. «Бери, ребята, все ваше! Не оставлять же врагу эту добычу!» — поощряли друг друга мародеры.

«На Торговой же стране немцев не было, но русские ратные люди лавки ломали и грабили», — сухо информирует летопись о «подвиге» войска, присланного ополчением для защиты Новгорода. Ограбив Торговую сторону, Бутурлин увел свое войско в Ярославль, оставив Новгород на произвол судьбы.

Новгородские летописи донесли до нас имена отдельных героев, которые предпочли смерть пленению. Одним из них был протопоп собора Святой Софии Аммос. Накануне он повздорил из-за религиозных несогласий с митрополитом Исидором и был им наказан. Но в пылу битвы оба священника помирились, Исидор, стоявший на городской стене и распевавший молебны, успел благословить своего недавнего врага на подвиг. Аммос, отказываясь от предложений сдаться, бился на своем дворе до конца, вместе со слугами и товарищами. Нападавшие в конце концов подожгли крепость упрямого попа, Аммос и его крошечная армия погибли в огне.

Однако десятки героев оказались лишь щепками в море паники, не способными изменить ход сражения. Обезумевшие от ужаса горожане, покинутые войском, становились легкой добычей озверевших наемников. Софийская сторона на несколько часов превратилась в гигантскую живодерню, объятую пламенем подожженных домов.

Сотни людей погибли в церквях, где они искали спасения в молитвах перед животворными иконами. Надеясь на поживу, туда врвались солдаты и прокладывали себе палашами кровавые дороги к алтарям с церковным золотом и серебром. Разноязыкий сброд, собранный под знаменами Делагарди, быстро понял, как извлекать прибыль из пристрастия русских к их «деревянным богам» — так презрительно назывались иконы в шведских отчетах. Солдаты не тратили времени на поиски спрятанного горожанами добра. Над воротами каждого дома были прикреплены иконы, литые или писанные, с изображениями святых, покровительствовавших семье. Наемники срывали иконы и требовали за них выкупа: деньги у «идолопоклонников» тут же находились.

Новгородский наместник Иван Одоевский и митрополит Исидор скрывшиеся в кремле, к вечеру 16 июля выслали парламентаря с предложением перемирия. Они сообщили, что готовы сдаться шведам, признать покровительство короля Карла IX и просить в цари одного из его сыновей по выбору — Густава Адольфа или его младшего брата Карла Филиппа. На следующий день соглашение было заключено и Якоб Делагарди, поклявшись на Евангелии в том, что города разорять не станет, во главе полка своей лейб-гвардии вступил в кремль.

Разработка подробного договора заняла еще неделю, и 25 июля этот объемистый документ, состоявший из тринадцати статей, был наконец готов. Главными пунктами соглашения было торжественное обещание продолжения войны с поляками и отказ от покровительства польского короля и его наследников мужского пола, а также постановление об избрании шведского короля Карла IX покровителем государства Московского, а одного из его сыновей — царем Московским, по поводу чего в скорейшем времени в Швецию отправится посольство.

Составители договора понимали, что не могут просить на русский престол шведского принца от имени всей страны, а потому сделали приписку о том, что Княжество Новгородское будет стремиться к согласию с Московским государством по этому вопросу. Тяжелое время раскола страны и трудная ситуация, в которой оказался Новгород после его

падения, заставили сформулировать договор таким образом, что Новгород представлялся практически независимым государством, как то было более двухсот лет назад.

Этот невольный провал во времени подчеркивался пунктом договора, в котором Новгород обязался привести к присяге сыну его королевского величества города и уезды, относившиеся к Новгородскому княжеству. Новгород, кроме того, объявил о своей готовности содержать шведское войско и открыто сообщать о доходах.

Делагарди, в свою очередь, обещал, что города, согласившиеся просить сына шведского короля на русский престол, не будут присоединены к Королевству Шведскому, «исключая Кексгольм с его уездом и границами и то, что народ Московский, по праву, должен державнейшему Королю моему за издержки, употребляемые Его Величеством на посылание в Россию, при жизни Великого Князя Василия Шуйского, вспомогательных войск и на жалованье оным за продолжавшуюся там службу, о чем Его Королевское Величество, по отпуске в Россию сына своего и по освобождении оной от мятежей, учинит с боярами и российским народом подробное и праведное постановление». Делагарди также обязался не притеснять греческую веру, не вывозить в Швецию пушек, колоколов, порох, свинец и другие товары без согласия на то россиян, а жителей не выводить в Швецию. В судах должно было заседать равное количество русских и шведов, «если же случится, что кто-либо из шведов обидит россиянина и причинит ему вред, то шведы не должны защищать виновного, но по мере преступления наказывать». Еще один пункт договора открывал для Делагарди и его офицеров широкие возможности для карьеры в Русском государстве: «Шведские воины, природные или чужестранные, ознаменовавшие себя успехами и мужеством в России, с согласия воевод и прочих вельмож российских, получают за свои заслуги достойные награды: имения, большое жалованье, поместья».

Шведам отводились места для постоя на Софийской стороне. Могущественное новгородское купечество выговорило в качестве одного из условий капитуляции запрет на посещение иностранными солдатами Торговой стороны, опасаясь грабежей и буйства наемников, мешавших коммерции.

В целом договор скорее соответствовал интересам Новгорода, получавшего защиту шведского войска от поляков и многочисленных лжедмитриев, и самого Деллагарди, увидевшего в новом повороте стремительного потока русских событий грандиозные перспективы для себя (ясно, что именно он станет главным человеком в России при юном шведском принце, взошедшем на престол в чужой варварской стране!), чем планам короля Карла IX, стремившегося на востоке лишь к расширению своих владений.

Деллагарди прекрасно понимал, что текст этого лукавого соглашения, присланный в Стокгольм, может отравить Карлу IX радость по поводу взятия Новгорода, и потому поспешил оправдаться в письме своему монарху от 28 августа 1611 года тем, что было крайне рискованно пытаться взять новгородский кремль силой оружия: «Поскольку ворота были завалены землей и гравием, а мосты подняты, подобраться к воротам можно было лишь с большими людскими потерями. Поэтому я решил предложить им сдаться на аккорд и этим избежать дальнейшего разрушения и кровопролития».

Еще дымились развалины сожженных домов и церквей, еще висел в воздухе сладковатый запах горелой плоти и вились над золотыми куполами черные вороны стаи, слетевшиеся пировать на необрунных трупах, а недавние враги уже братались под аккомпанемент торжественного колокольного звона. Деллагарди, его полковники и ротмистры сидели за длинными столами в хорах новгородского наместника Ивана Одоевского вместе с новгородскими боярами и богатыми купцами, поднимая кубки в честь сражения, так удачно завершившегося для обеих сторон.

Но солдаты Деллагарди не разделяли радости офицеров. Они чувствовали себя обманутыми, им опять пришлось таскать каштаны из огня для других. Хотя огромный город и удалось взять малой кровью — при штурме пало менее двух сотен наемников, — награда оказалась куда меньше обещанной. Самое приятное занятие на войне — ограбление поверженного врага — пришлось прервать, даже не начав толком потрошить кладовые новгородских обывателей: начальники заключили перемирие для выработки мирного договора. Офицеры обещали, что Новгород добровольно возместит

деньгами, товарами и продуктами все их кровавые усилия, но и эти слова сбылись лишь отчасти. Слухи о несметных богатствах Новгорода не подтвердились, когда шведы добрались до городской казны. Сундуки были вычерпаны до дна, в хранилище оказалось только пятьсот рублей. Товары, которые можно было обратить в деньги, забрали с собой, убегая в Ярославль, предприимчивые воины Бутурлина. Город мог предложить победителям лишь большой пушечный и мушкетный арсенал, но и от этой добычи было мало пользы, поскольку пороха и свинца в Новгороде почти не осталось.

Армия начала шуметь, требуя Делагарди к ответу. Вот-вот мог вспыхнуть мятеж. Новгородцы собрали по домам деньги, но их хватило лишь на выплату месячного жалования войску. Распределение тощей казны по полкам и ротам вызвало новые волнения. Взбунтовался конный Вестергетландский полк, набранный из природных шведов, вдруг обнаруживших, что их обманули при заключении контрактов. «Мы сражались и проливали свою кровь наравне с немцами и французами, так почему им платят больше!» — кричали зачинщики, призывая земляков оставить негостеприимную Россию, где вдоволь только смертей и болезней, а богатствами и не пахнет. С родины шли известия о бесчинствах фогдов — сборщиков налогов, отнимающих у семей воинов последнее, в то время как кормильцы кладут свои жизни за короля в далеких краях. Призывы агитаторов пали на заранее подготовленную почву.

С той же решимостью, с какой несколько дней назад они шли на приступ Новгорода, вестергетландцы двинулись в обратном направлении, сминая конями ротмистров, пытавшихся остановить бегство. Когда часть полка уже вышла в поле, у городских ворот завязалась потасовка между одним из бунтовщиков и знаменосцем, пытавшимся отбить стяг у бывшего товарища. Офицеры воспользовались заминкой, чтобы закрыть ворота. Были вызваны подкрепления из числа оставшихся верными Делагарди наемников. Большая часть колонны вестергетландцев с развернутыми знаменами ушла на запад, в Финляндию, а «хвост», прищемленный закрытыми воротами, ожидала жестокая расправа. Зачинщиков беспорядков приговорили к смерти.

Новгородцы, привлеченные на главную городскую площадь барабанным боем, со скрытым злорадством наблюдали, как недавних победителей одного за другим вздергивали на виселицах их собственные товарищи. Трупы казненных оказались хорошим аргументом для остальных недовольных: мятеж удалось погасить.

Вслед ушедшим из Новгорода солдатам полетели письма Делаярди к комендантам приграничных крепостей с предписанием задержать беглецов. Ниеншанц, однако, пропустил вестергетландцев без боя: там почти не было гарнизона. Только выборгскому коменданту Йоахиму Берендту удалось справиться с бунтовщиками. Им не хотелось уходить с хорошей дороги, ведущей в Тавастию, но для этого нужно было пройти через Выборг. Знают ли в крепости о том, что случилось в Новгороде? На разведку было выслано двое. Комендант дал успокаивающий ответ: если Делаярди отпустил вестергетландцев, а они, проходя по шведским землям, не запятнали себя грабежами, путь через Выборг им открыт. Это известие усыпило подозрения остальных. Выстроившись, как подобает дисциплинированной войска, с развернутыми знаменами дезертиры подошли к гостеприимно распахнутым городским воротам. Однако что-то их все же насторожило: колонна простояла перед опущенным крепостным мостом несколько часов, не решаясь войти внутрь. Лишь ультиматум коменданта — заходить в город или искать другую дорогу в Финляндию — заставил беглецов направить своих коней в створ ворот. Вестергетландцы втянулись на замковый двор, и ворота захлопнулись. Это была ловушка. Со всех сторон на них смотрели жерла пушек, двор оказался оцеплен войсками. Дезертиров разоружили, их командиров казнили, а остальных направили на принудительные работы по починке крепостного вала.

«Денег! Провианта! Пополнений!» — молил короля, сидя в Новгородском кремле, Делаярди. Он понимал, что удержать в повиновении собравшийся под его знаменами сброд без помощи из Стокгольма не удастся. Новгород за своими впечатляющими стенами оказался пустым, как орех со сгнившей сердцевинкой, а вся сельская местность на сотни кило-

метров вокруг была истощена бесконечными поборами войск и разбойничьих шаек.

Пока новые завоевания на востоке оборачивались для шведской короны сплошными убытками. Новгород и еще несколько крепостей на северо-западе России были в руках шведов, но без возобновления дружеских отношений с ополчением, осаждавшим Москву, шансы на удержание захваченного, как и на возведение на московский престол шведского принца, сильно снижались. В таборы ополчения отправился Йоран Брунно, посланный Делагарди с сообщением о взятии Новгорода и со списком с договора, заключенного шведами с новгородцами. Это соглашение могло стать образцом для всех русских городов и земель, пожелай они объединить свои усилия со шведами по изгнанию из Московии поляков. Однако гонец прибыл слишком поздно. В ополчении произошел раскол. Разношерстное воинство, собравшееся под стенами Москвы, было готово схватиться между собой.

Казачи, объединившиеся вокруг атамана Ивана Заруцко-го, подозрительно относились к своим временным союзникам — дворянам, чьим предводителем был рязанский воевода Прокопий Ляпунов. Казаками называли всех — от беглых крепостных, разбойничавших по дорогам Центральной России, до вольных жителей южных донских степей, пришедших к Москве в поисках славы и денег. Грамоты ополчения, рассылаемые с гонцами по всей стране, были полны щедрых обещаний. Всем, независимо от прошлого, гарантировалось прощение прежних преступлений, воля, деньги и питание. Тысячи бродяг, которым было нечего терять, стекались отовсюду под Москву, но действительность оказывалась не столь привлекательной, как соблазнительные тексты грамот. Платить добровольцам было нечем, продукты поступали скудно, а дворяне откровенно насмехались над мечтами бывших холопов о вольной жизни. Все эти новые «казаки» снова встанут к сохе, как только поляков выгонят из Кремля! Гольтьба, разочарованная в своих ожиданиях, сколачивала ватаги по 200—300 человек и отъезжала из таборов, отправляясь на вольный промысел. Шайки разбойников убивали и грабили население, нападали на обозы торговых людей, направлявшиеся к Москве. Прокопий Ляпунов жесткими мерами

пытался наладить дисциплину, распространив по городам грамоту о том, что казаков, пойманных на разбое, следует хватать и казнить. Один из воевод, Матвей Плещеев, поймал 28 таких воров и «посажал» их в реку, то есть утопил. Тела казненных привезли под Москву, выставив их на всеобщее обозрение. Обстановка нагнеталась. Казачество бурлило, угрожая Ляпунову смертью. Видя, что добиться повиновения не удастся, Ляпунов объявил, что складывает свои полномочия и уезжает к себе домой в Рязань. Однако дворяне уговорили его остаться, убедив, что иначе начатое большое дело рассыплется.

Осажденные в Кремле поляки через своих лазутчиков хорошо знали о настроениях, царивших в русском лагере, и решили подтолкнуть недовольных к бунту. Соперник Ляпунова в борьбе за власть, атаман Иван Заруцкий только искал повода, чтобы избавиться от дворянского предводителя. Он тайно сговорился с гетманом Гонсевским, возглавлявшим польский гарнизон в Москве, предложив тому план, выводящий Ляпунова из игры.

По распоряжению Гонсевского московские дьяки составили от имени Ляпунова грамоту, в которой тот призывал российские власти «бить и топить» всех казаков. Документ украшала умело подделанная подпись рязанского воеводы. Затем дело устроили так, что грамота попала в руки казаков. 22 июля Ляпунова вызвали на казачий круг якобы по земскому делу. Зная, как его ненавидят казаки, Ляпунов заколебался, опасаясь ловушки, но атаманы поклялись, что ничего плохого ему не сделают.

Ляпунов отправился на встречу и вскоре очутился в центре бушующего людского моря, из которого в его адрес летели оскорбления и проклятия. «Отвечай, твоя грамота?» — подступали к дворянскому лидеру разъяренные казаки, показывая польскую фальшивку. «Подпись вроде моя, но грамоту эту я не писал», — сообщил Ляпунов, сохраняя присутствие духа.

Эти слова были расценены как частичное признание «казачьего палача». В круг выскочил атаман Сергей Карамышев и начал сечь Ляпунова саблей. В толпе нашелся честный человек, Иван Ржевский. Хотя он и был недругом Ляпунова,

но попытался остановить расправу, закричав, что губят человека неповинно. Казаки и его зарубили.

После гибели вождя дворяне растерялись и испугались. Их было куда меньше, чем казаков, оказавшихся не менее страшными врагами, чем поляки. Власть в ополчении взял Иван Заруцкий, поощрявший нападки казаков на дворян. Идти на приступ Кремля, чтобы расходившиеся холопы ударили в спину?

Дворяне стали покидать лагерь, разъезжаясь по своим имениям. Под знаменами Заруцкого остались главным образом откровенные искатели наживы, считавшие своим главным делом не борьбу с поляками, а грабежи по дорогам и сбор доходов с областей, подчиненных ополчению. Активные боевые действия прекратились. Заруцкий предпочитал просто стоять под Москвой, вступая в сражения с поляками лишь в случае прямых атак на его таборы. С гибелью Ляпунова и уходом из лагеря служилого дворянства была похоронена и популярная в этом кругу идея приглашения на русский престол шведского принца. Казаки бросили Йорана Брунно в тюрьму, где он провел около полутора лет. Ответа на свое обращение Делагарди так и не получил.

Иван Заруцкий, давний любовник Марины — вдовы двух лжедмитриев — и, по слухам, истинный отец ее малолетнего сына Ивана, рожденного по официальной версии от второго Лжедмитрия, мечтал провозгласить царем Ивана и оказаться при нем регентом. Марина с сыном ожидала развязки в недалекой Коломне, надеясь, что волна штормового моря российской жизни вновь вознесет ее на самую вершину власти. Казаки, единственная реальная военная сила, противостоявшая полякам, по-прежнему считали ее царицей и обещали добыть русский престол для ее сына.

Земство, подавленное бесчинствами казаков и убийством Прокопия Ляпунова, потеряло надежду на спасение страны. Упаднические настроения среди служилого дворянства и купечества лишь укрепились, когда по стране распространились новости о двух тяжелых поражениях на окраинах России. В июне после длительной осады польский король взял Смоленск, а месяц спустя шведы захватили Новгород. Казалось, все российское государство, гордо называвшее

себя Третьим Римом, скоро постигнет участь второго Рима, Византии, навечно покорившейся захватчикам.

Бодрость угнетенной духом пастве пытался внушить патриарх Гермоген, содержащийся в Кремле под стражей за отказ признать царем Владислава до его перехода в православие. Старец в рассылаемых из заточения грамотах наставлял соотечественников, что испытания еще не кончились, как не иссякла и надежда на возрождение. Одну из так называемых учительских грамот Гермоген направил в Нижний Новгород с призывом встать против планов возведения на престол сына Марины Мнишек: «И на Вологду ко властям пишете, и к Рязанскому (владыке) пишете, да и во все города пишете, чтобы отовсюду писали в полки к бояром и атаманье, что отнюдь Маринкин на царство не надобен: проклят от Св. Собора и от нас».

Войско Ивана Заруцкого оказалось в изоляции, по всей России под влиянием посланий патриарха и рассказов бежавших из ополчения дворян зрело убеждение, что собравшиеся под Москвой казаки бьются за чуждые земству интересы. Помощи казакам ждать было неоткуда. Деморализованное, ослабленное войско, привыкшее больше грабить, чем сражаться, стало уступать инициативу полякам. В середине августа в Москву пробился с хлебным обозом Ян Сапега, а еще через два месяца, после заключения Польшей перемирия со Швецией, к Москве подошел знаменитый воин, победитель шведов под Киркхольмом гетман Ян Карл Ходкевич. Он привел с собой из Ливонии всего две тысячи человек, но даже это крошечное войско, ослабленное долгим походом и голодом, вызвало у Ивана Заруцкого панику. Под его диктовку (сам атаман был неграмотен) дьяки принялись строчить просьбы о помощи. Заруцкий требовал подкреплений, пороха и шуб, уверяя, что страдает под Москвой за общее дело. Но призывы из разбойничьего стана в большинстве русских городов были встречены прохладно. Дворяне, купцы и простые обыватели не собирались седлать коней или выскребать свои последние запасы, чтобы спасти Заруцко-го от поляков.

Ходкевич сумел провести к осажденным в Кремле большой обоз продуктов, однако у него не было сил, чтобы рас-

сеять казачьи отряды, обложившие столицу. Он отступил и встал лагерем в монастыре у Рогачева, в районе Ржева.

Несмотря на определенные военные успехи последнего времени, как польский гарнизон в Москве, так и русское боярское правительство, сделавшее ставку на королеви́ча Владислава, пребывали в унынии. Посольства к королю Сигизмунду возвращались ни с чем. Польский король, потративший последние средства на осаду Смоленска, вместо обещанных денег по повышенной ставке, так называемых «стенных», выплачиваемых за сидение в осаде, решил московскому гарнизону лишь взять в залог, в счет будущих выплат, несколько царских регалий из кремлевских кладовых.

Из своей резиденции в Новгородском кремле Делагарди пытался следить за происходящим вокруг. Информации поступало много, но события менялись с такой быстротой, что трудно было что-то планировать заранее. Союзы складывались и распадались, города и области присягали то одному, то другому мимолетному властителю, из допросов пленных, докладов лазутчиков, рассказов купцов, проскочивших со своими обозами по опасным дорогам объятой войной страны, складывалась картина хаоса, бушевавшего за пределами новгородских стен. Лишь в непосредственной близости от Новгорода действовали четыре силы, враждовавшие друг с другом. Где-то неподалеку бродил изгнанный из Польши за различные преступления шляхтич Лисовский со своими казаками, называемыми «лисовчиками». Действия предводителя этой конной партизанской армии, способной за день преодолевать сотни километров, вполне соответствовали изображению на его фамильном гербе, где красовался ошестинившийся иголками еж: Лисовский готов был колоть всех, кто к нему притронется. В районе Печор оставались части войска гетмана Ходкевича, ушедшего с основными силами к Москве, а под Великими Луками действовал русский воевода Григорий Волушев, до распада ополчения выполнявший указания его предводителей. И все же главную угрозу шведским интересам в новгородских пределах представлял третий Лжедмитрий, временной столицей которого стал Ивангород. Его власть признали Копорье, Ям и Гдов — приграничные

крепости, на которые претендовал шведский король, вот-вот в его руки готов был попасть и главный после Новгорода приз на северо-западе — Псков. Пока этот мощный город-крепость, с пятнадцатитысячным населением и еще не забытыми традициями самоуправления, держал свои ворота закрытыми для всех, кто мечтал навязать ему свою власть, однако Псков мог склониться перед призывами Лжедмитрия сдаться «истинному государю», радеющему о спасении православия. В начале июля он уже попытался захватить Псков, подойдя к нему с полуторатысячным войском и артиллерией и призывая горожан подчиниться ему добровольно, иначе здесь будут шведы, оскорбляющие православные святыни. Свои аргументы самозванец подкреплял огненными ядрами, которыми он забрасывал город. Однако долго простоять у Пскова Лжедмитрию не пришлось. Узнав о приближении шведских отрядов под предводительством Эверта Горна, он бросил пушки и спешно ретировался в Гдов.

С бывшим дьячком то ли Матвеем, то ли Сидоркой, пустившимся в масштабную авантюру, шведы поначалу попытались договориться, но из этого ничего не вышло. Напрасно от имени короля ему обещали земли и почет в Швеции или должность Псковского воеводы, если он согласится передать присягнувшие ему русские крепости, напрасно напоминали о том, что лучше довольствоваться малым, но верным, чем стремиться к иллюзорному величию и закончить свою жизнь на плахе. Мошенник, еще недавно нищенствовавший в Новгороде, кажется, искренне поверил в возможность стать русским царем!

Решив не расходовать силы и время на уничтожение Лисовского и Волушева, занятых борьбой друг с другом и грабежами, Деллагарди вступил в схватку с Лжедмитрием. В основном она носила пропагандистский характер: оба противника посылали отряды своих сторонников в разные концы Новгородского княжества, предлагая присягнуть Дмитрию или шведскому принцу. Преимущество в этом соревновании оказалось на стороне Деллагарди. Давняя традиция подчинения Новгороду, подкрепленная угрозой шведского штурма, заставила открыть свои ворота Ладогу, Тихвин, Старую Руссу, Порхов и Торжок. Ярославское княжество и города Севе-

ра — Каргополь, Белозерск, Вологда и Холмогоры — объявили, что присоединятся к договору, как только шведский принц вступит в пределы Московии, а до того просят поддерживать с ними дружеские отношения. Богатые купцы русского Севера, не тронутого войной, объявили о готовности собрать деньги, необходимые шведскому принцу для найма войска и очищения от поляков Москвы. Купеческое сообщество было полно энтузиазма по поводу открывшейся перспективы династического союза России со Швецией. Ведь в этом случае для торговли открывалось Балтийское море, находившееся под шведским контролем!

Псков и Нотебург сообщили, что подчинятся шведскому принцу, но только после его приезда в Россию. Однако эти города были слишком важны для Швеции, чтобы Делагарди мог поставить их сдачу в зависимость от изменчивых политических конъюнктур. Псков и Нотебург было решено принудить к подчинению силой оружия. В конце августа из Новгорода к Пскову вышло соединенное русско-шведское войско под командованием фельдмаршала Эверта Горна. Главную ударную силу представляли два полка — финский кавалерийский Ханса Бойе и пехотный шотландца Коброна, составленный из английских и шотландских наемников, — всего около двух тысяч человек.

«В городе и за городом построено много прекрасных монастырей и церквей из кирпича, с высокими колокольнями и шпицами: они обиты листовою медью, прекрасно позолочены, посеребрены и при солнце придают своим блеском такой великолепный вид городу как будто блещет золото и серебром», — так описывал внешний вид этой сильнейшей на русском северо-западе крепости Петр Петрей, видевший Псков в описываемый период. Город располагался в месте слияния двух рек — Великой и Псковы, — представляя собой мощное инженерное сооружение. Он был одним из трех русских городов, так же как Москва и Смоленск, окруженных каменной стеной с башнями. Даже взятие внешней линии укреплений не означало захвата города. Внутри Псков разделялся стенами на три автономные части, а в центре помещался кремль, представлявший собой практически неприступную крепость. С появлением мощной артиллерии в конце XVI века псков-

ские оборонительные сооружения были модернизированы. Внешнюю стену на некоторых участках усилили надежными земляными насыпями в опалубке из толстых бревен. К каменным башням, которые могли разрушиться, если бы с них стали бить тяжелые орудия, пристроили башни из толстых бревен. Там и была установлена крепостная артиллерия.

Подступившим к городу шведам открылись следы сильных разрушений, однако они не были связаны со сражениями. В 1609 году из-за неосторожности людей, варивших в больших чанах кисель, вспыхнул ужасный пожар. Выгорели весь средний город и кремль, а от взрыва порохового склада опрокинулись обе внешние стены по рекам Великой и Пскове. Места проломов были заложены свежей кирпичной кладкой.

Как взять с небольшими силами крепость, устоявшую тридцать лет назад против стотысячной армии польского короля Стефана Батория? У шведов не было артиллерии, не хватало свинца и пороха. Наемники отказывались копаться в земле, чтобы вести подкопы для подвода мин: почва была каменистая, плохо поддающаяся кирке и лопате, солдаты, по обыкновению, жаловались на задержку жалованья и митинговали. Горн попытался пригнать на земляные работы крестьян из Порхова, но те разбежались по дороге.

Впрочем, Эверт Горн рассчитывал, что души жителей Пскова окажутся слабее фортификационных сооружений. Вот уже несколько лет в Пскове, как и во многих других русских городах, шла борьба городской верхушки — бояр и богатых купцов — с так называемыми «меньшими людьми», беднотой, которую поддерживал стрелецкий гарнизон. В 1607 году Псков под давлением черни присягнул второму Лжедмитрию, а когда войска Василия Шуйского два года спустя безуспешно попытались штурмом взять Псков, именитых людей обвинили в сношениях с врагом. У дворян и боярских детей отняли боевых коней и передали их стрельцам для вылазок, у тех, кто бежал в Новгород, боясь расправы толпы, описали имения, а их жен бросили в тюрьму. Летом 1609 года в Пскове события приняли еще более радикальный характер. Стража заметила священника и дьякона, пытавшихся перелезть через стену и убежать в Новгород. Дьякону удалось спастись, а попа поймали. Под пытками он оговорил многих

именитых людей, и с этого момента началась настоящая вакханалия насилия.

Розыском занялся стрелец Кудекуша Трепец, выдвинувшийся в вожди городской черни. По малейшему подозрению в стремлении отложиться от самозванца именитых людей хватали и после жутких пыток тащили на казнь. В конце августа от бесчинств этого предводителя толпы устали даже его сторонники. Чернь прогнала Кудекушу Трещца и стрельцов в их слободу, расположенную на другом берегу реки Великой. Однако мир так и не установился. Городская верхушка ненавидела и боялась толпу: для нее подошедшее к Пскову шведское войско казалось спасением от будущего террора.

Но расчет Эверта Горна на «пятую колонну» не оправдался. Лучшие люди оказались слишком запуганы, чтобы решиться действовать. Парламентера, предложившего Пскову сдаться и присоединиться к новгородскому договору, избили и вытолкали в поле. Чернь готовилась к драке.

Шведский фельдмаршал решил идти на штурм. Пока ожидали приезда из Новгорода француза-петардиста, провели рекогносцировку укреплений. Оказалось, что все ворота были заложены изнутри за исключением одних, использовавшихся жителями для выхода из города. На них Горн и нацелил атаку ночью 8 сентября. Взрыв двух петард выбил ворота, в пролом устремились три роты из полка Коброна. Атака была полной неожиданностью для защитников города: нападающие не встретили ни малейшего сопротивления. Но штурм провалился самым постыдным образом. Передняя рота неожиданно повернула назад и увлекла за собой остальных. Неизвестно, то ли солдат охватила необъяснимая паника, то ли прав был Эверт Горн, считавший виновником струсившего Гарри Эльфингума, возглавлявшего наступление, а может, причина неудачи заключалась в том, что солдаты, как это объясняет шведский историк Видекинд, неправильно истолковали предупреждающий крик петардиста «Retirez-vous!» (Отступите!) перед взрывом второй мины. Как бы то ни было, Псков на этот раз устоял. На следующий день солдаты Коброна, устыдившись ночного позора, сами потребовали повторить атаку. Они пошли на приступ со штурмовыми лестницами, но были сбиты со стен и отступили. Защитни-

ки Пскова успели подготовиться к обороне и не собирались дарить свой город шведам без боя, как это едва не произошло накануне.

Эверт Горн завяз под Псковом на целый месяц, а седьмого октября был вынужден снять осаду. Накануне в городе произошел очередной переворот: чернь при поддержке 300 пришедших из Изборска казаков захватила власть, бросила в тюрьму людей, склонных к переговорам со шведами, и провозгласила царем Дмитрия. К нему отправили делегацию с просьбой прибыть в Псков. Надежда на то, что в городе возьмет верх «шведская партия», окончательно исчезла.

Горн по пути в Новгород попытался захватить Гдов, но и здесь без артиллерии ничего сделать не смог. Приближалась зима в голодном и опустошенном войнами краю. Часть финских войск пришлось распустить до весны по домам, остальные вернулись в Новгород. Держался Псков, отдалялись и перспективы взятия другой важной крепости — Нотебурга. Шведы смогли лишь установить ее блокаду, надеясь сломить защитников измором и уговорами. Но русские лишь немного смягчили свои прежние условия. Если поначалу они обещали передать крепость только из рук в руки прибывшему шведскому принцу, выбранному на русский престол, то теперь соглашались открыть ворота при его подъезде к границе. Однако и то, и другое затягивалось.

Еще в августе в Швецию из Новгорода, до отправления большого посольства, был послан гонец Иван Якушкин с изложением произошедших в Новгороде событий, сообщением об избрании царем одного из сыновей Карла IX и просьбой отпустить будущего царя в Россию. Делаягарди, в свою очередь, также просил короля поддержать договор и срочно прислать к границе одного из принцев. В нескольких пространных посланиях он излагал неисчислимые выгоды для обеих стран, которые они получают при вступлении на русский престол Густава Адольфа или Карла Филиппа. Чего только стоила возможность морской торговли с Англией и другими странами Европы на русском Севере! Швеции наконец-то не нужно будет платить пошлины датчанам за проход кораблей через Зундские проливы на Балтике.

Но 61-летний король так и не успел ознакомиться с династическим проектом Делагарди. В октябре у Карла IX случился удар, и он, полупарализованный, потерявший дар речи, лежал при смерти в Нючепингском замке. 30 октября король умер, и Швеция на два месяца осталась без главы государства. Наиболее неотложными делами занимались его вдова королева Кристина и герцог Эстерготландский Юхан, но им было не до событий на востоке. Жизненно необходимой для страны задачей стало срочное избрание нового монарха. Следующим королем по закону становился старший сын Карла IX, но лишь по достижении зрелости, то есть 24-летнего возраста.

Густаву Адольфу в декабре должно было исполниться 17 лет. Под Рождество на созванном в Нючепинге риксдаге Густава Адольфа, ввиду чрезвычайных обстоятельств, решили признать зрелым и провозгласили королем. Однако и теперь дела в Московии представлялись слишком отдаленными и не требующими срочного решения. Датчане собирались вторгнуться в Швецию в районе Кальмара, на границе обе стороны лихорадочно готовились к сражениям. Нужно было тушить пожар на западе, прежде чем заниматься востоком. Именно обсуждением предстоящей войны с Данией занимались в основном собравшиеся на риксдаг сословия. Когда временное правительство проинформировало депутатов о событиях в Московии на основании докладов Делагарди, ему лишь поручили поступать по собственному усмотрению. Дискуссия о делах на востоке была на этом свернута.

Швеция все еще скорбела о смерти старого монарха, новый король уже принял присягу, и лишь только русские подданные пока еще неизвестно какого царя — Густава Адольфа или Карла Филиппа — пребывали в полном неведении. Делагарди приказал хранить в тайне сообщение об уходе из жизни Карла IX, которое он получил 30 ноября 1611 года. Он опасался, что грандиозное династическое предприятие, сближающее двух исконных соперников, может рассыпаться.

Между тем новгородцы с русской неторопливостью и обстоятельностью готовили большое, в сто человек, посольство в Швецию, которое пустилось в путь на Выборг лишь в конце января 1612 года. Возглавил делегацию архимандрит Юрьевского монастыря Никанор. Воевода Одоев-

ский, первый человек в Новгороде, порывался лично поехать в Стокгольм, но Делгарди не решился с ним расстаться, боясь запутаться в сложном городском управлении. В приговоре новгородских сословий, врученном посольству для передачи королю Швеции, приглашение одного из принцев на русский престол подкреплялось решением ополчения от 23 июня 1611 года и объяснялось исторической традицией: «...А прежние государи наши, и корень их царский от их же варяжского княжения, от Рюрика».

После переезда границы и на протяжении всего пути через Финляндию посольство оберегали от неприятной новости о том, что король скончался три месяца назад. Русским не разрешали на стоянках выходить из отведенных для них помещений, а круг общения их переводчиков ограничили только специально проинструктированными лицами. Важно было, чтобы никто из посольства не услышал траурного колокольного звона в церквях. Задача была выполнена. За время всего пути по Финляндии посольство не узнало о трагическом событии и не повернуло назад, в Новгород, для получения новых инструкций. Обгоняя медленно двигавшийся по заснеженным финским лесам санный поезд с русскими посланцами, в Швецию мчались курьеры Делгарди с письмами, которые он в последних числах декабря 1611 года написал Густаву Адольфу, королеве Кристине, канцлеру Акселю Оксеншерне, члену королевского совета Хенрику Горну и двум влиятельным чиновникам королевской канцелярии — Нильсу Чеснекоперусу и Эрику Эльфсону. Делгарди убеждал своих адресатов незамедлительно послать в Выборг принца Карла Филиппа, чтобы он своей близостью к границе внушил русским веру в добрые намерения Швеции. В крайнем случае следовало послать в Новгород комиссаров, уполномоченных подтвердить договор об избрании шведского принца в цари. Русские не должны были подумать, что шведы, подобно полякам, обманут их в данных обещаниях.

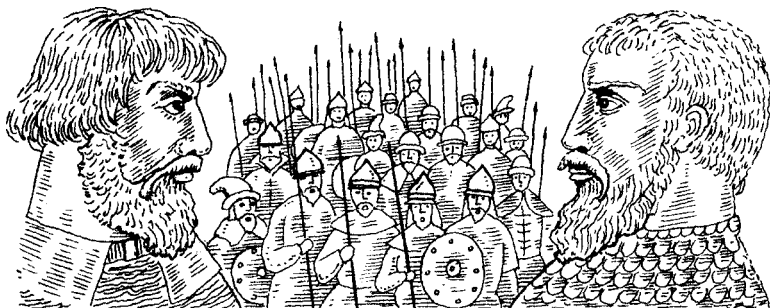
Но сколько больших дел рассыпалось из-за мелких недоразумений! Неотесанные новгородские послы со своими грубыми манерами наверняка произведут неблагоприятное впечатление при дворе, и королева Кристина может побояться

отпустить сына править этими варварами. Увы, Делагарди не оставалось ничего другого, как заранее подготовить Стокгольм к грубости русских и понадеяться на снисходительность своих адресатов. В послании Чеснекоперусу и Эльфссону он просит оказывать честь всем членам посольства, включая входящих в него двух гостей (богатых купцов, которым было разрешено вести зарубежную торговлю), и простить русским их непривычное для европейцев поведение, поскольку они «невоспитанный народ и незнакомы с традициями и обычаями чужих стран, как и с порядком ведения дипломатических переговоров»...

Латто Яакко — Ленивый Яакко, — как прозвали Делагарди финские солдаты за его склонность к сибаритству, проявил накануне отправки посольства невиданную для себя работоспособность, бомбардируя Швецию письмами. Можно представить, в каком возбуждении пребывал основатель новой царской династии, если пошел на невиданный для себя административный подвиг, написав шесть писем за неделю! Пятнадцать лет спустя, уже занимая престижную должность генерал-губернатора Лифляндии, Делагарди мог молчать по нескольку месяцев, неоднократно вызывая нарекания короля. «Граф Якоб в своем делопроизводстве и переписке несколько замедлен», — раздраженно писал Густав Адольф канцлеру Акселю Оксеншерне, другу и покровителю Делагарди.

Впрочем, понять нерадивого чиновника было можно: в России он делал историю, а в Лифляндии речь шла всего лишь о карьере.

Карл Филипп против Михаила Романова

Было бы большим преувеличением утверждать, что династические планы, которые шлифовал в далеком Новгороде Делагарди, были встречены в Стокгольме с энтузиазмом. И члены Государственного совета, и сам Густав Адольф питали множество сомнений по поводу перспективы восшествия на русский престол Карла Филиппа. Новгородские послы уже называли одиннадцатилетнего принца на русский манер Карлом Филиппом Карловичем и высказывали уверенность, что он перейдет в «истинную греческую веру». Однако это было совершенно исключено для Швеции, где православие считали фальшивой религией и пасторское сословие надеялось когда-нибудь привести заблудших овец — русских язычников — в свой загон. Это убеждение было распространено и среди шведских военачальников, занимавшихся по долгу службы русскими делами. Один из них, комендант Кексгольма Тонне Йорансон, сообщал с солдатской прямотой в 1612 году в одном из писем, что в его задачу входило научить язычников верности шведским господам.

Шведская религиозная нетерпимость была ничуть не меньше московитской. Незадолго до описываемых событий, на риксдаге 1604 года в Нючепинге, сословия постановили, что в королевстве не может быть места ни для какой другой веры, кроме лютеранской, а тот, кто от нее отпадет, будет наказан лишением поместий и ссылкой, «чтобы у него не появилась возможность изливать свой яд». Совершенно очевидно, что переход Карла Филиппа в православие мог вызвать внутренние потрясения в Швеции с непредсказуемыми последствиями.

Но даже если бы удалось воспользоваться бедственным положением Московии и добиться сохранения Карлом Филиппом лютеранского вероисповедания, риск предприятия, в глазах Густава Адольфа и его советников, от этого не исчезал. Младший брат Густава Адольфа на русском престоле мог со временем стать вторым Сигизмундом, оспаривавшим его права если не на шведскую корону, то на часть территории страны. Герцог Карл Филипп владел Сёдерманландом, Нэрке и Вермландом и значительными территориями Вестергётланда, являвшимися, по сути дела, государством в государстве. Суд там вершил герцог, он же собирал налоги, которыми не могла воспользоваться корона. Стань Карл Филипп русским царем, и в сердце Швеции окажутся опасные плацдармы Московии, используя которые можно добиваться завоевания всей страны. Династические планы Делагарди дали новую жизнь слухам, которые едва не погубили его на суде в 1606 году. Тогда могущественный королевский секретарь Эрик Тегель обвинил Делагарди в попытке устроить брак между военным героем Нидерландов Морицем Оранским и своей дальней родственницей принцессой Анной, дочерью Юхана Третьего, с целью посадить Морица на шведский престол. Что, если Тегель был прав в своей оценке личности Делагарди и этот авантюрист, опьянев от данной ему власти, говорит о России, но мечтает о Швеции?

Поэтому, на взгляд государственных мужей, обсуждавших в Стокгольме предложения Делагарди, куда перспективнее и безопаснее было продолжить приземленную политику Карла IX, стремившегося к территориальным приобретениям в России. В своем первом ответе новгородцам, датированном

10 января 1612 года, Густав Адольф дал понять, что намерен сам распорядиться открывающимися в России возможностями. 18-летний монарх милостиво сообщал, что готов принять русскую корону, если Московское и Владимирское княжества пожелают соединиться с Новгородом и признают его царем и великим князем. В ближайшем будущем он собирался лично посетить Новгород. В Стокгольме были даже разработаны формуляр клятвы для будущих русских подданных и процедура крестного целования на имя Густава Адольфа. Зная о решительности и предприимчивости этого выдающегося монарха, нельзя исключать, что призывы Делагарди срочно прислать в Выборг «по зимней дороге» Карла Филиппа могли иметь неожиданные последствия — приезд в Новгород шведского короля. Но в начале 1612 года в Швецию вторглись датчане, и Густав Адольф во главе наспех собранного трехтысячного войска отправился в карательный поход на юг, в Сконе. Чуть позднее в датскую губернию Халланд вторглась другая шведская армия, ее командующий получил приказ «грабить, жечь и убивать повсюду, где только можно».

Сражения и опустошительные набеги противников друг на друга продолжались целый год, и все это время королю приходилось метаться по стране во главе войска, отражая атаки датчан и самому нападая на их земли. Нечего было и думать о том, чтобы покинуть Швецию в это тяжелое время и отправиться хотя бы на границу в Финляндию, чтобы подтолкнуть русских к присяге на свое имя. Посылку Делагарди войск, денег и пищевых припасов тоже пришлось отложить на неопределенное время. Швеция сама была обессилена и бедна, а впереди ждали еще худшие испытания. Когда в январе 1613 года был заключен мир с датчанами, Эльвсборг, единственная шведская крепость на западном побережье, находилась в руках противника. Чтобы вновь появилась возможность прямой морской торговли с англичанами и голландцами, Швеция обязалась выплатить огромный выкуп за возвращение Эльвсборга — миллион риксдалеров серебром. Эта сумма соответствовала стоимости всего урожая страны за четыре года. Канцлер Аксель Оксеншерна писал вдовствующей королеве, характеризуя ситуацию в стране: «Ливония (Эстляндия) опустошена, Финляндия обескровлена и во

многих местах обезлюдела, Смоленд, Эланд и Вестергётланд частично выжжены врагом, частично находятся в его руках. Другие районы, которые еще пощадила война, ежедневно ожидают нападения».

Густав Адольф не мог отправиться вместо брата на восток, но русские и не хотели его видеть. «Мы хорошо представляем себе как велики заботы, легшие на твое величество вместе со Шведской Коронай. Их столько, что одному человеку оказывается не по силам управлять двумя государствами и прежде всего умиротворить множество смут, до сих пор потрясающих Московию. Обширность владений требует в обоих случаях своего государя для установления порядка», — сообщалось в письме воеводы Одоевского и митрополита Исидора, отправленном в апреле 1612 года Густаву Адольфу.

Уклончивые ответы из Стокгольма остудили энтузиазм Деллагарди. Недавний подъем сменился депрессией. В опустошенной стране не осталось возможностей для личного обогащения, а планы возведения на престол Карла Филиппа грозили рассыпаться из-за очевидного сопротивления Густава Адольфа. Наемники грозили мятежом, вот-вот могла подняться и новгородская чернь, роптавшая на площадях, что «лучшие люди» вместе с Деллагарди обманули православных: шведский король сам хотел сесть на русский трон, следуя по лукавому пути своего польского родственника Сигизмунда.

«Дай Бог, чтобы мы могли с честью выкарабкаться отсюда и спасти свои шкуры», — жаловался в апреле Деллагарди другу детства Акселю Оксеншерне — «брату», как он обращался к нему в переписке, — прося ходатайствовать о своем отзыве из России.

Впрочем, все еще может измениться к лучшему, и Стокгольм будет вынужден прислушаться к доводам в пользу установления в Московии дружественного Швеции правления под скипетром Карла Филиппа. Дальнейшая судьба династического проекта Деллагарди решалась на этот раз в глубинах России, в Нижнем Новгороде — втором после Москвы торговом центре страны, расположенном на Волге, на пути из Персии в Европу.

В октябре 1611 года в приказной избе Нижнего Новгорода собрался народ: обсуждали послание патриарха Гермогена из

польского заточения в Москве, призывавшего не дать казакам возвести на престол «воренка» — сына Марины и второго Лжедмитрия. Еще недавно в душах нижегородцев царило уныние; земское ополчение распалось из-за террора разбойников-казаков, Смоленск был в руках поляков, Новгород — у шведов, семибоярское правительство в Москве плясало под польскую дудку, убеждая в своих грамотах подчиниться королю Сигизмунду.

Ткань российской государственности истлела, рассыпаясь от малейшего прикосновения. Не только боярское правительство в Москве, но и воеводы провинциальных городов, и церковные иерархи, и простые обыватели «изворовались», как говорили тогда, забыв — кто в погоне за выгодой, кто из страха за жизнь — о достоинстве и чести. Сегодня они целовали крест на верность одному властителю России, а завтра предавали его ради столь же ненадежного соперника. «Там мужику присягнуть — все равно что ягоду проглотить», — изумленно писал один из польских дворян, наблюдавший российскую жизнь периода Смуты. Но куда страшнее было, что народ позволил пробудиться в себе зверю. Вчерашние крестьяне и дворовые холопы, дьячки и ремесленники, опьяненные вседозволенностью и запахом крови, пришедшие в отчаяние от свалившихся на них бед, стали убийцами и насильниками, по многу раз на дню преступая христианские заповеди, внушаемые им с детства с церковных амвонов.

И все же, даже творя самые страшные преступления, люди того времени соразмеряли свою жизнь с Небом, ожидая его заслуженной кары. Поэтому, когда бедствия, обрушившиеся на Россию, пробудили наконец в нации, подошедшей к краю пропасти, чувство самосохранения, реализовалось оно удивительным образом. Неизвестно, где и когда, но вдруг в народе родилась идея очиститься от грехов, от которых и происходили все напасти. Осенью 1611 года в грамотах, которыми города сообщались друг с другом по поводу творившихся под Москвой событий, вдруг появились призывы объединиться в покаянии и добровольно наложить на себя суровый пост. Решено было три дня — в понедельник, вторник и среду — вообще ничего не есть и не пить, а в четверг и пятницу есть «сухо». Охвативший всех религиозный порыв был так велик,

что, как гласит летопись, по окончании поста «иные померли, не только младенцы, но и старые, и скотове». Ведь поститься заставили всякую «живую тварь», в том числе и не способную принять самостоятельное решение, от коров в хлеву до грудных младенцев в люльках.

Нижегородцы, очищенные постом и заслужившие симпатию Бога, были полны решимости продолжить свой духовный подвиг, однако не знали, что нужно предпринять. Слово взял мясоторговец Кузьма Минин, недавно избранный земским старостой. Этот пост говорил о высоком доверии к нему купечества, ведь земской староста разбирал все споры, в том числе финансовые, возникавшие в этой среде. Минин объявил, что ему ночами трижды являлся преподобный Сергей, указав путь служения родине. Святой, отличившийся в Куликовском сражении против татар, устами земского старосты сообщал, что нижегородцы должны снарядить новое ополчение для похода на Москву и не жалеть для этого своих сбережений. Минин подал пример жертвенности, отдав в общую казну часть своих денег, драгоценные оклады икон и украшения жены.

Решение собрания закрепили приговором ополчения, в котором говорилось следующее: «Стоять за истину всем безыменно, к начальникам быть во всем послушными и покорливыми и не противиться им ни в чем; на жалованье ратным людям деньги давать, а денег не достанет — отбирать не только имущество, а и дворы, и жен, и детей закладывать, продавать, а ратным людям давать, чтоб ратным людям скудости не было».

Впрочем, не будем думать, что духовный порыв ополчения привел к таким же драмам, как недавний пост, от которого прежде всего пострадали невинные коровы и младенцы. Жен и детей, как свидетельствуют исследования историков, нижегородцы на этот раз пощадили, сильные слова приговора несли главным образом художественную нагрузку, призывая народ к напряжению всех сил.

На практике в казну брали примерно третью часть доходов каждого. У Минина он составлял 300 рублей — он и отдал денег и ценностей на сто рублей. Тем не менее купечеству и мелкому посадскому люду вскоре удалось собрать огром-

ный капитал, позволивший к концу весны 1612 года снарядить и вооружить десятитысячную армию. Добровольцы, узнавшие о золотом дожде, излившемся на ратников в Нижнем Новгороде, стекались со всей страны. Воинов разделили на четыре разряда, в зависимости от их подготовки и боевого опыта, дав всем жалованье и пищу. Хорошее снаряжение ополченцев стало впоследствии одной из причин возмущения стоявших под Москвой казаков, говоривших, по словам летописца: «Они и одеты, и обуты, и накормлены, а мы и голы, и босы, и холодны».

Кузьму Минина нижегородцы называли «Выборным всею землею человеком», назначив его отвечать за казну ополчения. Так в России была впервые введена должность, соответствовавшая военным комиссарам европейских монархов. Прежде деньги находились в руках воевод, способствуя коррупции, а порой приводя и к военным поражениям, имевшим финансовые причины. Не всякий военачальник мог устоять перед соблазном послать армию на верную смерть, чтобы присвоить после сражения жалованье погибших.

Возглавить ополчение предложили князю Дмитрию Пожарскому. Этот 30-летний воевода лечился в своем суздальском имении от сабельных ран, полученных в сражениях за Москву в составе ляпуновского ополчения. Он не отличался выдающимися полководческими талантами, но его знали как честного человека, сохранявшего верность последнему великому князю Шуйскому в самые драматические моменты его короткого царствования.

К весне 1612 года нижегородское ополчение было готово двинуться на Москву, но эти планы пришлось отложить. Заруцкий и Трубецкой, хозяйничавшие в казацких таборах под Москвой, увидели в собиравшейся в Нижнем Новгороде силе угрозу своей власти. Нужно было консолидировать малоуправляемое казачье войско и по возможности привлечь на свою сторону русские города, склонявшиеся к Совету всей земли — правительству, учрежденному ополчением Минина и Пожарского. Выход был очевидным и традиционным: следовало найти нового царя. Взгляды казачьих атаманов обратились к Пскову, пригласившему царствовать «Сидорку» — третьего Лжедмитрия. Каждый новый Дмитрий

был хуже предыдущего, но даже такой пародийный персонаж, как бывший мелкий торговец ножами, битый и изгнанный когда-то из Новгорода, мог пригодиться в схватке за умы и души соотечественников. Казачья делегация из трехсот человек прибыла из-под Москвы в Псков, чтобы убедиться в очередном воскрешении Дмитрия. Соратники «тушинского вора», находившиеся в составе посольства, увидели в «псковском царе» чужака, но так ли это было важно! В таборы под Москву прислали грамоту с подтверждением истинности Дмитрия, и 2 марта 1612 года казачий круг провозгласил его царем. С сильным козырем в руках — воскресшим Димитрием — Заруцкий мог играть против вождей нижегородского ополчения дальше. Прежде всего следовало отрезать Пожарского от не тронутых междоусобицей северных поморских городов, откуда ополчение пополнялось деньгами, одеждой и оружием. Тот, кто владел Ярославлем, контролировал сообщение Центральной России с Севером. Заруцкий направил отряд для захвата этого города. Казакам не удалось взять Ярославль с налета, а 1 апреля, понимая его стратегическую важность, Пожарский привел туда свое войско. Ярославль на четыре месяца стал временной русской столицей, там работали приказы, чеканилась своя монета с именем последнего царя династии Рюриковичей — Федора Иоанновича, «ожившего», таким образом, спустя четырнадцать лет после своей смерти, отсюда по всей стране рассылались грамоты Совета всей земли. Правительство даже учредило новый государственный герб, на котором был изображен лев, отказавшись от прежней символики, запятнанной самозванцами, — двуглавого орла.

Российские историки объясняют длительное «ярославское сидение» главным образом необходимостью укрепления войска перед схваткой с засевшими в Москве поляками и стоявшими у стен столицы подданными «Сидорки». Однако главной причиной, как свидетельствуют документы ополчения, было общее желание идти на Москву со своим царем. Заседавший в Ярославле Совет всей земли хотел противопоставить новому казачьему ставленнику своего великого князя, избранного волеизъявлением представителей всех русских городов. Вожди второго ополчения были политическими пре-

емниками своих предшественников из ляпуновского ополчения. Год назад в Ярославле избрали на русский трон одного из шведских принцев, Пожарский и его окружение решили довершить начатое дело. Совет всей земли хотел видеть во главе России или Густава Адольфа, или Карла Филиппа.

Уже через неделю после вступления в Ярославль ополчение стало рассылать по городам грамоты с приглашением прислать по два-три представителя для избрания государя. Временное русское правительство Пожарского сообщало, чьи имена сразу исключаются из списка кандидатов: «А мы всякие люди Нижнего Новгорода, утвердились на том и к Москве к боярам и ко всей земле писали, что Маринки и сына ее и того вора, который стоит под Псковом, до смерти своей в Государя на Московское государство не хотим, также что и Литовского короля».

Быстрого отклика на призывы из Ярославля не последовало — многие города выжидали развития событий, и в июне 1612 года Временное правительство перешло от угроз к угрозам: «А будет, господа, вы к нам на совет вскоре не пришлете, и от вора и от Марины и от сына ее не отстанете, и с нами и со всею землею не соединитесь, и общим советом на Московское Государство Государя не учнете с нами выбирать, и нам, господа, с сердечными слезами с вами ростався, всемирным советом с Поморскими и с Понизовыми и с Замосковными города выбирать Государя, кого нам Бог даст». А «Бог», по мнению руководителей ополчения, уже предложил свою кандидатуру, которую оставалось лишь провести на избирательном соборе.

Земское ополчение хотело знать «подлинно, по статьям» содержание договора Делагарди с новгородцами и для этого отправило в мае в Новгород своего представителя Татищева, который оставался там неделю и вернулся с благоприятными впечатлениями о шведах. Он сообщил, что «в Великом Новгороде от Немецких людей Христианской вере никакой нарухи и православным Крестьянам разорения никакого нет, а живут по-прежнему безо всякой скорби». В конце июня в Ярославль прибыло новгородское посольство, представившее Совету всей земли список с договора Новгорода с Делагарди.

Начались торжественные переговоры с участием делегатов многих российских городов, проходившие по процедуре, обычной для встреч с представителями иностранных держав. Дмитрий Пожарский, отвечая на приветствие послов «Новгородского государства», не выдержал и, отступив от протокола, с горечью проронил: «При прежних великих государях послы и посланники прихаживали из иных государств, а ныне из Великого Новгорода вы послы».

Новгородцы постарались представить дело в максимально благоприятном для них свете, чтобы, как они говорили, русские были «с Немецкими людьми вместе заодин». По их словам, Густав Адольф и королева-мать согласились отпустить в Россию Карла Филиппа в ближайшее время, и нет никаких сомнений, что он перейдет в православие.

Пожарский писал в Новгород: «Ныне изо всех городов при ваших посланниках были многие всяких чинов люди и то слово по вашему письму слышали, что королевич Карло Филип Карлович будет в Великий Новгород ныне, по летнему пути вскоре». Грамоты, которые Совет всей земли рассылал по городам, проникнуты уверенностью в скором и счастливом окончании дела. «Карл Филип будет в Новгороде на государство вскоре, и дается на всю волю Новгородского государства людей, и хочет креститься в нашу православную христианскую веру греческого закона, — писал Пожарский в Путивль накануне приезда новгородского посольства и, желая укрепить уверенность своих адресатов, добавлял: — О том мы к вам пишем по христианскому своему обету не ложно, по их письму».

Впоследствии усилиями многих русских историков князя Дмитрия Пожарского сделали удобным национальным героем, у которого и в мыслях не было сажать на престол иноземного принца. Многие документы периода ярославского стояния ополчения не вписывались в образ этого человека, вылепленный по готовому образцу, предложенному официальной историографией. И об этих свидетельствах попросту «забыли». Однако патриоты бывают разными. В Ярославле вокруг Дмитрия Пожарского собрались люди, убежденные, что спасти Российское государство от разорения и междоусобиц сможет лишь шведский принц на Московском престоле.

В планы ополчения входило заключение соглашения с новгородским посольством о присоединении «земли» к договору Делгарди с Новгородом. Затем, на Соборе в последних числах июня, можно было провозгласить Карла Филиппа государем всея Руси. Но речь новгородских посланцев заставила Временное правительство насторожиться и, возможно, пожалеть о своих преждевременных оптимистичных посланиях в города.

«На Ноугородское государство Карлус король благословил сына своего, князя Карла Филиппа, и от матери и от брата отпущен совсем, ныне в дороге, а чаяли его Государя вборзь, сего Петрова говейна к Ивану дни, или кончая к Петрову дни, а в Выборе мешкати не учнет, пойдет к Ноугороду, и чаем будет вскоре», — заявили посланные.

Прошел почти год со времени оккупации шведами Новгорода и приглашения принца на русское царство, а Карл Филипп, оказывается, не только не прибыл в Россию, но даже неизвестно, явился ли в Выборг! Не повторилась бы история с приглашением на московский престол польского принца Владислава! Если новгородцы обманулись сами, то что заставляло их вселять неоправданные надежды в лидеров ополчения? Эти опасения высказал в своем ответном слове новгородским послам Дмитрий Пожарский: «Толко уже мы искусились: не так бы ныне учинилось, как Полского и Литовского короля. Полский Жигимонт король хотел дати на Российское государство сына своего королевича, да через крестное целованье гетмана Польского Станислава Желковского и через свой лист, за рукою своею и печатью, манил с год, и не дал; а над Московским государством что Польские и Литовские люди учинили, то вам и самим ведомо. А Свейский Карлус король также на Новгородское государство хотел сына своего отпустить вскоре, да по ся места, уже близко году, королевич в Новгород не бывал».

Новгородцы почувствовали себя задетыми и, желая оправдаться, начали врать и изворачиваться. Карл Филипп-де уже был отпущен из Швеции «после договору с Новгородскими людьми вскоре» и находился в пути, но тут пришла весть о смерти отца, «и он для того с дороги ворачался и по своей вере для погребанья мешкал». Только управился Карл

Филипп Карлович с похоронами и вступил на престо его брат Густав Адольф, как началась война с датчанами: «королевич Карло Филип затем позамешкал, вместе с братом своим с Густавом королем промышлял, против Датского ратью ходил». Теперь же все препятствия устранены, мать и брат Карла Филиппа отпустили, и «чаем подлинно что он пришел на Иванов день в Выборг, или кончае на Петров день будет».

Можно представить, как потели на этом допросе в своих парчовых кафтанах и шубах новгородские делегаты, придумывая неуклюжие отговорки! Послы испытывали тем большую неловкость, что многие месяцы они сами допытывались у Делагарди, отчего не едет будущий русский царь, и с сомнением выслушивали его версию о походе против датчан одиннадцатилетнего воина. Шведский полководец с полным основанием жаловался в Стокгольм, что ему все труднее находить оправдания задержки принца в разговорах с нетерпеливыми и подозрительными москвитями.

Хотя сумбурная речь новгородских посланцев и разочаровала руководителей ополчения, но не заставила их отказаться от идеи приглашения на русский престол Карла Филиппа. Было решено лишь настаивать на принятии королевичем православия, поскольку пункт о его вероисповедании в договоре Новгорода с Делагарди отсутствовал, и воздержаться с отправкой большой делегации в Швецию. Боялись, что посланных постигнет судьба боярина Голицына с товарищами, которых король Сигизмунд, презрев их дипломатический статус, задержал у себя на положении пленников.

«А как королевич придет в Новгород и будет в нашей православной крестьянской вере Греческого закона, и мы тотчас ото всего Российского государства с радостью выбрав честных людей, которые к тому великому делу будут годны, и дадим им полный наказ о государственных и о земских о добрых делах говорити и становити, как государствам (то есть Новгородскому и Московскому. — А. С.) быть в соединении», — заявил Пожарский.

Несколько раз во время своей речи вождь ополчения возвращался к вопросу о вероисповедании будущего российского монарха, заставляя новгородских посланцев ежиться под взглядами своих партнеров по переговорам. В словах Пожар-

ского сквозил скрытый упрек соотечественникам, которые выбрали себе государя, не позаботившись о его вере.

Делагарди писал королю, что, хотя часть русских требует крещения Карла Филиппа в их собственную веру, представители русской верхушки в частных разговорах с ним заверяли, что согласны на любую религию государя, лишь бы он их собственную веру не трогал. Вполне возможно, беседы на эту тему действительно велись, и часть бояр, успевших сблизиться с поляками за годы Смуты, не исключала превращения России в подобие Речи Посполитой, с большими правами аристократии и с мирным сосуществованием трех религий — католической, лютеранской и православной, — смертельно враждовавших между собой вне польских границ.

В Ярославле обсуждение вероисповедания Карла Филиппа развития не имело. Что толку было ломать копыя понапрасну, если претендент на престол до сих пор не явился на границу? Без Карла Филиппа Временное правительство предпочло другие кандидатуры не рассматривать.

Почти две тысячи делегатов из разных городов России, собравшиеся к концу июня в Ярославле на Собор, стали разъезжаться по домам в растерянных чувствах. Все опять складывалось не так, как обещали в своих грамотах вожди ополчения. Видно, грехов у русских людей накопилось столько, что Бог не был готов смилостивиться над избранным народом. Новгородское посольство также отправилось домой, заверив Временное правительство, что станет добиваться приезда Карла Филиппа по летнему пути.

Дольше мешкать в Ярославле не имело смысла. В августе ополчение выступило на Москву, сделав остановку у Троице-Сергиевского монастыря для торжественного богослужения у гроба преподобного Сергия. Войску важно было заручиться поддержкой Бога, и потому — в нарушение всех западных теорий о правилах построения армии в походе — впереди шло не боевое охранение, а монахи с хоругвями и церковными песнопениями.

Выкуривание из Кремля опытных бойцов-поляков было делом долгим и непредсказуемым, король Густав Адольф и его советники в любом случае получили еще несколько месяцев для размышлений. Делагарди отправил в августе сво-

ему монарху подробный отчет о проходивших в Ярославле переговорах, прося, чтобы Карл Филипп приехал на границу до наступления зимы, и уверяя в неизменном желании русских видеть его царем: «И князь Дмитрий Пожарский, равно как некоторые другие знатные бояре, написал мне особенно и доверительно, что знатнейшие бояре, которые теперь находятся по всей стране, все друг с другом соединились и согласились, что они не пожелают никакого другого Государя...»

Воин, привыкший к открытым сражениям, Деллагарди понимал, что терпит поражение в бесшумной канцелярской битве, разыгрывавшейся в Стокгольме и шедшей по незнакомым ему правилам. Неужели в Швеции не понимают огромных перспектив, открывающихся в случае династического союза с Россией? Если у государственных мужей есть какие-либо аргументы, объясняющие задержку Карла Филиппа, то почему бы их не разъяснить? До Деллагарди доходили слухи о том, что его враги в Швеции внушали королю, будто он вынудил Совет всей земли первого ополчения выбрать Карла Филиппа великим князем, но русские приняли свое решение совершенно добровольно! Возможно, королева-мать просто боится отпустить малолетнего сына в Россию, но ведь Карлу Филиппу пока нужно добраться только до Выборга, ему не придется покидать пределов королевства!

Может быть, полководец вспоминал себя в возрасте герцога, и в его душе невольно поднималось раздражение: его, сироту, родственники перебрасывали как мячик между Стокгольмом, Або и Ревелем, а Карла Филиппа оберегают даже от небольшого безопасного приключения. Отчаяние Деллагарди прорывается в письме Акселю Оксеншерне, написанном одновременно с посланием Густаву Адольфу: «Его Королевское Высочество должно прибыть в Финляндию осенью, это легкое путешествие ЕКВ может совершить без всякой опасности для жизни, приняв и выиграв обширную страну, которую другие властители не могли взять с большой военной силой. Подобная возможность не всякий раз представляется. ЕКВ следует прибыть в Финляндию осенью или по крайней мере заблаговременно сообщить мне причины отсрочки, чтобы я был подготовлен и не был застигнут врасплох этим неустойчивым народом».

Действительно, с государственной точки зрения не было никакого риска в отъезде Карла Филиппа в Выборг. Даже в случае провала переговоров, сам факт прибытия герцога на границу наносил удар по польскому королю Сигизмунду и его сторонникам в России. Но «нет» королевы Кристины было непреодолимо. Ее приводила в ужас перспектива отправки сына на корабле в Финляндию, да еще в период страшных осенних штормов. В 1601 году в штормовом море едва не погибла вся семья герцога Карла, включая полугодовалого Карла Филиппа. Высокое семейство на двенадцати кораблях отбыло из Ревеля через Финский залив в Финляндию, но дистанция в какую-то сотню километров превратилась в ад. По свидетельству современника, «когда они вошли в финские шхеры, суда были затерты во льдах, не позволявших им продвигаться к берегу. Князь с четырьмя судами повернул в море. Восемь других кораблей пропали с людьми и всем, что на них было. Два суденышка три дня спустя вернулись, на них оставалась лишь половина народа. Куда подевались остальные, никто не знал». Парусник с семьей герцога спасся от гибели. 20 ноября в полной темноте судно, пробившись через льды, подошло к суше. Однако воспоминания об этом страшном путешествии заставили королеву отвергнуть всякие разговоры о поездке сына в Выборг. Он был еще слишком мал для таких испытаний!

Между тем события в России развивались по своему сценарию, в который никак не удавалось включить Карла Филиппа в качестве активного персонажа. Нижегородскому ополчению не удалось выйти в поход с избранным царем, но и казачье войско Заруцкого и Трубецкого также лишилось своего формального предводителя. Менее трех месяцев царствовал в казачьих подмосковных таборах призрак Дмитрия. В конце мая жители Пскова, доведенные до крайности бесчинствами Сидорки, компенсировавшего свои хронические военные неудачи постельными подвигами с женами и дочерьми подданных, решились на переворот. Бывший дьячок узнал об угрозе в последнюю минуту и, как гласит летопись, бежал из Пскова на неоседланном коне, забыв даже шапку. За ним была отправлена погоня, раненного стрелой царя схватили и, привязав к седлу железными путами,

отправили под конвоем в подмосковные таборы. До Москвы «псковский царь» не доехал, его удушили казаки эскорта, накинув сзади веревку.

Вскоре после устранения с политической сцены Сидорки в Ярославль явились посланные Заруцкого и Трубецкого с предложением соединиться с нижегородским ополчением в борьбе с поляками. Казаки сообщали, что Марину и ее сына на царство они более не желают, а в своем недавнем выборе Дмитрия раскаиваются, с наивной простотой признав, что это был «прямой вор», не тот, который сидел в Тушине и в Калуге: «Мы про того вора сыскали и от него отстали, и крестным целованием меж собой укрепились, что нам тому вору не служить, и иного никакого вора не затевать, а выбрати на Московское Государство Государя, соединяясь всем Московским Государством».

Временное правительство согласилось принять помощь казаков, но провинциальное дворянство, составлявшее костяк сил Пожарского, все равно не испытывало к ним доверия. Передовым отрядам ополчения, пришедшим к Москве в первых числах августа, было приказано строить острожки отдельно от казачьих таборов и опасаться казаков так же, как и поляков. Заруцкий понимал, что над ним сгущаются тучи. В конце июня в Ярославле поймали двух казаков, неудачно покушавшихся на жизнь Пожарского. На допросе они показали, что были подсланы Заруцким. Когда основные силы ополчения подойдут к Москве, Заруцкому могли припомнить и организацию этого покушения, и смерть Прокопия Ляпунова. Растаяли надежды на возведение на трон сына Марины Мнишек — большинство казачьих атаманов стало склоняться к мысли, что эта карта отыграна и нужно искать другого кандидата. Нужно было начинать все сначала. И Заруцкий с двумя тысячами сторонников покинул лагерь, уйдя в Коломну, где ожидала развязки его любовница Марина Мнишек с «воренком». Затем за сыном царицы прислали астраханцы, и Заруцкий увел свою маленькую армию на юг, в Астрахань, надеясь вскоре вновь подняться на очередной волне Смуты. Но его звезда клонилась к закату. Заруцкого выдали царским войскам его товарищи-казаки, и Марина Мнишек в очередной раз стала вдовой. Ее невенчаного супруга

в августе 1614 года посадили на кол в Москве. Еще бесчеловечнее обошлись с ее четырехлетним сыном, которого в столице называли «Ивашкой-Воренком». В октябре того же года ребенка обманом забрали у Марины, сидевшей в башне кремля в Коломне, и привезли в Москву.

Было холодно, ребенок мерз в одной рубашке, которая была на нем во время заточения в каменном мешке. Палач завернул дрожащего «воренка» в шубу и на руках отнес на Лобное место — традиционное место публичных казней, где он и был повешен. Вскоре ушла в мир иной и Марина — ее то ли отравили, то ли она покончила с собой, разбив голову о железные плиты камеры. По официальной версии «Маринка на Москве от болезни и тоски о своем выбледке умерла». Современники считали такую жестокость вполне оправданной — именем Марины и «воренка» уже были убиты тысячи людей, и потому следовало любой ценой избавиться от риска возобновления гражданской войны...

С бегством Заруцкого из подмосковных таборов второе ополчение избавилось от угрозы вооруженной конфронтации с казаками. Боярин Дмитрий Трубещкой, формально возглавлявший казачьи отряды, был готов на союз, собственных политических планов он не имел, а заботился лишь о соблюдении «чести». Теперь можно было брать Москву.

Обычным оружием для взятия крепостей был голод, и ополчение лишь заботилось о том, чтобы его призрак смог материализоваться во всеокрушающего великана. В первых числах сентября на помощь осажденным с четырьмя сотнями возов продовольствия в очередной раз пришел гетман Великого княжества Литовского Карл Ходкевич, но его двухтысячное войско завязло в выкопанных русскими рвах и ямах, окружавших Китай-город. Несколько дней шли сражения. Поляки выпрягли из телег лошадей, которые не могли пройти через завалы, устроенные вокруг стен Китай-города, и принялись толкать возы сами, подходя то с одной, то с другой стороны к крепости, но каждый раз были вынуждены отступать. Одну из атак армии Ходкевича попытались поддержать своей вылазкой осажденные, но они к сентябрю уже не представляли опасности для Пожарского. «Русские, наевшись хлеба, были сильнее наших, которые шатались

от дуновения ветра. Только шляхетное благородство могло побудить их решиться на эту вылазку, чтобы показать своему вождю гетману и своему государю королю, что для блага отечества они готовы умереть. В то время несчастные осажденные понесли такой урон, как никогда. Когда они ели хлеб, русские никогда не были для них так страшны и сильны; всегда они на вылазках поражали русских, вгоняли их в таборы и, устроив засады, хватали русских из таборов, как грибы; но когда не стало хлеба и голод усиливался, в то время не только ноги, но и руки отказывались служить; тогда русским легко было бить поляка, совсем обессилившего, не могущего ходить, бессильного даже уходить», — писал в своем дневнике полковник Осип Будило, сидевший со своим полком в осаде.

Ходкевич, обескровленный бесплодными атаками, объявил осажденным, что на три недели покинет Москву, чтобы вернуться с новыми силами из Смоленска. Но этим обещаниям не суждено было исполниться. В Польшу вторглись турки, королю Сигизмунду стало не до осажденного в Москве гарнизона.

В конце сентября князь Пожарский направил полякам письменное предложение о сдаче, сообщив, что помощь не придет: «Королю теперь нужно думать о себе, — он рад будет, если его избавят от турок... Ваши головы и жизнь будут сохранены вам. Я возьму это на свою душу и упрошу согласиться на это всех ратных людей. Которые из вас пожелают возвратиться в свою землю, тех пустят без всякой зацепки, а которые пожелают служить Московскому государю, тех мы пожалуем по достоинству. Если некоторые из вас от голоду не в состоянии будут идти, а ехать им не на чем, то, когда вы выйдете из крепости, мы вышлем подводы». Надежды поляков на столкновение ополчения с казаками Трубецкого были беспочвенны: «Если бы даже у нас и была рознь с казаками, то и против них у нас есть силы и они достаточны, чтобы нам стать против них».

Ответ осажденных был проникнут высокомерием и полон оскорблений. Поляки называли Пожарского и его воинов бунтовщиками, забывшими о том, что они целовали крест царю Владиславу, утверждения о печальном положении

польского государства считали ложью и насмеялись над неумением ополченцев — людей мирных профессий — сражаться в открытом бою. «Мужеством вы подобны ослу или байбаку, который, не имея никакой защиты, принужден держаться норы, — писали осажденные. — Ваше мужество, как это мы хорошо знаем и видим, сказывается в вас только в оврагах и в лесу; ведь мы хорошо видели собственными глазами, как страшен был вам гетман Великого княжества Литовского с малою горстью людей. Мы не умрем с голоду, дожидаясь счастливого прибытия нашего государя — короля с сыном, светлейшим Владиславом, а счастливо дождавшись его, с верными его подданными, которые честно сохранили ему верность, утвержденную присягой, возложим на голову царя Владислава венец... Ложью вы ничего не возьмете и не выманите. Мы не закрываем от вас стен; добывайте их, если они вам нужны, а напрасно царской земли шпынями и блинниками не пустошите; лучше ты, Пожарский, отпусти к сохам своих людей. Пусть хлоп по-прежнему возделывает землю, поп пусть знает церковь, Кузьмы пусть занимаются своей торговлей, — царству тогда лучше будет, нежели при твоём управлении, которое ты направляешь к последней гибели царства».

Однако уже спустя месяц после этого дерзкого ответа осажденные направили к гетману Литовскому двух послов с просьбой немедленно, в течение недели, прийти на помощь, иначе Москва падет. Гордые польские рыцари, кичившиеся перед русскими своим благородством и верностью долгу, клявшиеся, что готовы умереть за короля, в борьбе за жизнь превратились в зверей. Страшный голод пришел рука об руку с морозом и снегом, под которым исчезла жухлая трава, которой питались люди. В нетопленных и темных кремлевских палатах, наполненных бесценными сокровищами, бродили скелеты с вывалившимися от цинги зубами, покрытые лохмотьями легкой одежды, с ногами, обмотанными суконными тряпками, которые заменяли съеденную кожаную обувь. Их глаза горели безумием, а иссохшие руки хватили саблю при каждом шорохе: в любой темной нише мог таиться такой же призрак, вышедший на охоту за человеком. Давно пустовала страшная пыточная башня с узкими лавками вдоль стен

и крюками, косами и пиками, воткнутыми в пол. Уснувший узник, неловко повернувшись на своем ложе, падал на пол и оказывался пронзен этим страшным железом. Но несчастных избавили от долгих мук, съев уже в первые дни голода.

Вот как повествует о преисподней, точно поднявшейся в Кремль, чтобы покарать поляков, перевозносивших свои добродетели перед «низкими» русскими, дневник полковника Будилы: «Ни в каких летописях, ни в каких историях нет известий, чтобы кто-либо, сидящий в осаде, терпел такой голод, чтобы был где-либо такой голод, потому что когда настал этот голод и когда не стало травы, корней, мышей, собак, кошек, падали, то осажденные съели пленных, съели умершие тела, вырывая их из земли; пехота сама себя съела и ела других, ловя людей. Пехотный поручик Трусковский съел двоих своих сыновей; один гайдук тоже съел своего сына, другой съел свою мать; один товарищ съел своего слугу; словом, отец сына, сын отца не щадил; господин не был уверен в слуге, слуга в господине; кто кого мог, кто был здоровее другого, тот того и ел. Об умершем родственнике или товарище, если кто другой съедал такового, судились, как о наследстве, и доказывали, что его съесть следовало ближайшему родственнику, а не кому другому. Такое судное дело случилось во взводе г. Леницкого, у которого гайдук съели умершего гайдуга их взвода. Родственник покойника — гайдук из другого десятка жаловался на это перед ротмистром и доказывал, что он имел больше права съесть его, как родственник; а те возражали, что они имели на это ближайшее право, потому что он был с ними в одном ряду, строю и десятке. Ротмистр... не знал, какой сделать приговор, и опасаясь, как бы недовольная сторона не съела самого судью, бежал с судейского места. Во время этого страшного голода появились разные болезни, и такие страшные случаи смерти, что нельзя было смотреть без плача и ужаса на умирающего человека. Я много насмотрелся на таких. Иной пожирал землю под собою, грыз свои руки, ноги, свое тело и что всего хуже, — желал умереть поскорее и не мог, — грыз камень или кирпич, умоляя Бога превратить в хлеб, но не мог откусить. Вздохи: ах, ах — слышны были по всей крепости, а вне крепости — плен и смерть. Тяжкая это была оса-

да, тяжкое терпение! Многие добровольно шли на смерть и давались неприятелю: счастье, если кто попадется доброму врагу, — он сохранял ему жизнь; но больше было таких несчастных, которые попадали на таких мучителей, что прежде, нежели сдавшийся спускался со стены, был рассекаем на части».

Седьмого ноября 1612 года голод открыл ворота крепости. Полумертвые от истощения поляки, выбитые за четыре дня до этого из Китай-города, согласились сдать. Они выговорили себе лишь одно условие — сохранение жизней. Те, кого взяло ополчение Пожарского, выжили, но почти всех пленников, оказавшихся в казачьих руках, ждала смерть. В таборах Трубецкого царили разбойничьи нравы, и что значили клятвы о сохранении жизни сдавшимся врагам перед возможностью отомстить им за гибель товарищей!

Бояре, сидевшие с поляками в осаде и до последнего сохранявшие преданность королю Сигизмунду и его сыну, отделались испугом. Казаки требовали перебить бояр за измену, а их имущество разделить на войско, но дворяне из земского ополчения встали на их защиту. Слишком велико было у них почтение к боярскому сану, чтобы поднять руку на представителей древних княжеских родов, хотя бы и сотрудничавших с врагом. Впрочем, члены семибоярского правительства представили дело так, что они находились в Кремле на положении пленников и потому заслуживают благодарности за перенесенные страдания. Ради успокоения страны вожди земского ополчения предпочли поверить в эту версию.

Кремль, переживший полуторагодовую осаду, был разорен и осквернен. Ополченцев поразило зрелище чанов с засоленным мясом, стоявших в подвалах. Это была человечина — останки родственников и друзей обезумевших польских рыцарей, ставших каннибалами. Церкви были поруганы, наполнены нечистотами, иконы обезображены. В кремлевских дворцах остались лишь каменные стены — спасаясь от холода, осажденные сожгли не только кровлю помещений, но и двери, оконные рамы и лавки. Исчезла драгоценная коллекция древних византийских манускриптов: поляки пытались утолить голод, вываривая пергамент и добывая из него растительный клей.

Колокола Успенского собора в Кремле и других переживших пожар 1611 года московских церквей звонили по случаю освобождения столицы, когда пришла весть о приближении короля Сигизмунда с сыном. Королю удалось собрать только двухтысячное войско — Польша была разорена, наемники отказывались воевать в долг, — однако он надеялся, что одним своим появлением в окрестностях Москвы придаст мужества «польской партии» в России и непостоянные подданные царя Владислава вновь склонят перед ним головы. Безуспешно попытавшись взять Волоколамск, король отступил от его стен и решил, что русские крепости сами распахнут свои ворота, стоит лишь договориться с вождями ополчения в Москве. К князьям Трубецкому и Пожарскому были посланы двое русских парламентаров в сопровождении сильного отряда. Но надежды Сигизмунда, что его ждут в столице, не оправдались. Послов избили и прогнали, хотя те и принесли утешительные вести о том, что сторонники Владислава все еще оставались в столице, несмотря на отъезд в свои вотчины многих бояр, запуганных чернью: «На Москве у бояр, которые вам, великим государям служили, и у лучших людей хотение есть, чтобы просити на господарство вас, великого государя королевича Владислава Жигимонтовича». Однако всем заправляют казаки, которые «делают все, что хотят».

Некоторое время король в нерешительности стоял под Волоколамском, взвешивая свои шансы на взятие Москвы: послы сообщили, что ополчение рассеялось, в столице осталось едва две тысячи дворян и примерно четыре тысячи казаков, остальные разъехались кто куда. Дворяне отправились по своим поместьям, а казачьи отряды — искать добычи в менее разоренных областях страны. Серьезной военной опасности оставшиеся в Москве осколки ополчения не представляли, и все же король повернул назад. Его испугала перспектива зимовки в глубине чужой голодной страны с ненадежной армией, жаловавшейся на скудную оплату. Поход за русской короной пришлось отложить до лучших времен.

Польская опасность исчезла, и победители стали деятельно готовиться к избранию царя. Уже в первых числах ноября по городам и областям России были разосланы повестки с призывом отправить в Москву к шестому декабря по

десять «лучших, разумных и постоянных» людей от каждого города, чтобы им «о государственном деле говорить». Однако первые делегаты появились в Москве только в январе 1613 года, когда подтвердились новости о возвращении Сигизмунда в Польшу. Постепенно количество выборщиков, представителей всех сословий — от посадских людей до духовенства, — достигло полутысячи, они съехались из пятидесяти городов России, откликнувшись на приглашение участвовать в царских выборах.

В Москве их ждал хаос политической борьбы, с угрозами, подкупами и подтасовками. Кандидатов на русский трон было много, и депутатов разрывали между собой сторонники различных партий. Но вскоре выкристаллизовались две главные силы, боровшиеся за умы и души выборщиков. Первую представляли казаки и близкое им по социальному происхождению и взглядам низшее духовенство, в основном монахи. Они отвергали иностранных кандидатов на престол, призывая выбрать «Маринку с сыном» или 16-летнего Михаила Романова, сына митрополита Филарета Романова. С ними у казаков, большинство которых когда-то сражалось на стороне «тушинского вора», было общее прошлое — из него они надеялись извлечь практические выгоды: получить жалованье за службу и возможность продолжать грабить под снисходительным взглядом государя «из своих». Филарет Романов, кроме того, что в тушинском лагере исполнял обязанности патриарха, привлекал патриотов своими страданиями в польском плену, куда он попал, отправившись к королю Сигизмунду в составе посольства. Вспоминали о том, что боярин Романов когда-то сам мог стать царем, об этом, мол, говорилось в завещании последнего из Рюриковичей — Федора Иоанновича, но коварный Борис Годунов перехватил у него царский посох, а опасного соперника и его жену вынудил принять монашество, чтобы навсегда удалить их из светской жизни.

Казаки, куда более многочисленные, чем провинциальное дворянство, оставшееся в Москве после роспуска земского ополчения, пытались добиться своего, терроризируя противников. Но князь Дмитрий Пожарский не собирался уступать давлению крикливой и скорой на расправу голыть-

бы. В освобожденной Москве он последовательно продолжал политическую линию, выбранную еще в Ярославле, добиваясь воцарения шведского принца Карла Филиппа. Страшнее казачьего буйства было промедление с приездом ставленника земского ополчения к русской границе.

В ноябре 1612 года Деллагарди отправил в Москву из Новгорода дворянина Богдана Дубровского, который уверил вождей ополчения в скором появлении принца в Выборге и, в свою очередь, убедился в неизменности взглядов Совета всей земли на будущее московского трона. Князь Дмитрий Пожарский сообщил, что уже обсуждается состав посольства, которое должно встретить будущего великого князя на границе для сопровождения его в Москву. Наконец-то лед тронулся и в Стокгольме. В декабре Деллагарди получил долгожданное известие от короля Густава Адольфа, что принц в сопровождении комиссаров, уполномоченных заключить договор с русскими, прибудет в Выборг до конца февраля 1613 года. Король, правда, не отказался от своих претензий на русские приграничные крепости, но эти строки его письма, способные сорвать дело, так и не стали известны вождям земского ополчения. Копия королевского послания, с которой отправился в Москву из Новгорода очередной гонец, содержала только приятные новости о скором прибытии принца. Деллагарди по совету новгородских властей приказал вычеркнуть при переводе абзацы, свидетельствующие о неумеренном аппетите шведской короны.

С приездом в Москву новгородского гонца позиции дворянской партии во главе с Дмитрием Пожарским еще более усилились. Вождю ополчения удалось перетянуть на свою сторону казачьего предводителя боярина Дмитрия Трубецкого, отказавшегося от поддержки кандидатуры Михаила Романова. Нельзя было забывать и о традиционном авторитете в народе представителей родовитых боярских фамилий. Пусть многие бояре и запятнали себя сотрудничеством с поляками, но обаяние их громких фамилий было куда сильнее, чем негодование по поводу их поступков. И Дмитрий Пожарский распорядился вызвать в Москву укrywшихся по вотчинам «изменников», обещав им защиту от казачьего произвола. «Польская партия», поняв, что принц Владислав на

выборах не пройдет, влилась в ряды «шведов»: Карл Филипп был все же лучше, чем отечественный кандидат, победа которого могла означать продолжение анархии и соперничество за власть различных кланов.

Казачи, видя усиление противников, попытались заставить избирательный Собор ответить на принципиальный вопрос: выбирать царя из русских или из иностранцев? Ставка была на то, что непопулярный к тому моменту принц Владислав, точно гиря, потянет за собой на дно еще не отыгранного Карла Филиппа. Но сторонники Михаила Романова проиграли. Дмитрий Пожарский выступил с убедительной речью, напомнив выборщикам о бедах, которые повлечет за собой избрание царя из «своих». Недавний опыт показывал, что с соотечественниками на престоле русская земля пережила много бед и только шведский принц сможет спасти страну от анархии и объединить народ перед угрозой нового польского вторжения. Если же выберут царя из урожденных русских, не только Польша, но и Швеция станет врагом. Кроме того, оккупированный шведами Новгород с прилегающими территориями будет безвозвратно потерян.

7 февраля 1613 года выборщики, заседавшие в Большом Кремлевском дворце, высказались в пользу иноземного принца, то есть Карла Филиппа. Его коронацию запланировали на конец месяца. Это принципиальное решение, проведенное национальным героем Дмитрием Пожарским, почти на четыре столетия стало одной из самых больших тайн русской историографии. Профессионалы, поначалу выполнявшие заказ правящего дома Романовых, а затем следуя традиции, вышли из неудобного положения с исключительной простотой. За решение Собора была принята непрошедшая резолюция «казачьей партии», гласившая: «а Литовского и Свийского короля и их детей, за их многие неправды, и иных некоторых земель людей на московское государства не обирать, и Маринки с сыном не хотеть».

Шли дни, Пожарский и его сторонники с надеждой ждали новостей из Новгорода о прибытии Карла Филиппа в Выборг. Обстановка в столице между тем накалялась. Казачи всеми силами пытались разрушить формальный ход выборной процедуры. Видя, что проигрывают, они предложили бросить

жребий, чтобы Бог указал, кому из кандидатов на престол править на Руси, а когда эта идея была отвергнута, стали готовить переворот. Толпы вооруженных оборванцев, предводительствуемые кликушами-священниками, собирались у дворов Пожарского и Трубецкого, перешедших на осадное положение. Чернь вопила, что хочет только Михаила Романова, который вознаградит ее за лишения и страдания при освобождении Москвы от поляков. Шведский король обманывает русских, как это уже сделал Сигизмунд, он хочет приобрести Россию для себя!

Запуганные выборщики стали колебаться. У всех на памяти была расправа казаков с предводителем первого земского ополчения Прокопием Ляпуновым. Жизнь дороже, чем принципиальный спор о том, кто окажется лучшим царем для России. К тому же аргументы казачьих вождей начинали действовать. Королевич все не ехал, и — кто знает, — может, шведский король Густав Адольф вовсе и не думает отпускать брата на царство, а лишь пытается извлечь из этой истории собственные выгоды. Пожарский пытался тянуть время, говоря, что Михаил Романов слишком молод, ему нельзя садиться на престол в такое трудное время. Казачья партия восприняла эту новую тактику как проявление слабости и лишь усилила нажим.

Среди бояр, чутко следивших за расстановкой сил в Москве, тоже появились сторонники Михаила Романова. В конце концов, юность и слабость монарха тоже могут быть полезны — больше власти перейдет к боярской думе. Федор Шереметьев, объясняя причину своей активной поддержки этого кандидата, писал боярину Василию Голицыну, находившемуся в польском плену: «Мы выберем Мишу Романова, он молод и еще незрел умом, и нам с ним будет повадно».

Страсти достигли пика, когда выборщики собрались на очередное заседание 21 февраля 1613 года. Во дворец ворвались разъяренные казаки с криками, что никто отсюда не уйдет, пока не выберут Михаила Романова. В русской историографии, на протяжении столетий лепившей из лоскутов приемлемую канву событий, об этом форменном парламентском перевороте ничего не говорится. Лишь вскользь упоминается, что права Михаила Романова на престол популярно

объяснил Собору некий «славного Дону атаман». Однако для современников обстоятельства воцарения основоположника династии Романовых не были тайной. В Швеции и Польше даже годы спустя после этих событий Михаила Романова презрительно называли «казачьим царем».

Мы не знаем, что происходило в тот день с Дмитрием Пожарским и его сторонниками, возможно, их попросту не пустили на заседание Собора. В поспешно разосланной 25 февраля по городам грамоте говорится о единодушном избрании на престол Михаила Романова. Польского и шведского принцев Собор отверг, поскольку отец первого разорял Россию и угнетал православных, а шведский король обманом захватил Новгород. Среди лиц, подписавших этот документ, нет имен вождей земского ополчения Пожарского и Трубецкого, как и имени знатнейшего из бояр, возглавлявшего семибоярское правительство, князя Мстиславского. Казачий переворот удался, теперь оставалось убедить робкого и болезненного юношу принять скипетр из рук разбойников, уже вознесших за последние годы к власти череду самозванцев.

Никто точно не знал, где находятся Михаил Романов и его мать, инокиня Марфа, выехавшие из бурной и голодной Москвы сразу после освобождения столицы от поляков. Была сформирована делегация — нетрудно догадаться, что в ее составе не было ни Дмитрия Пожарского, ни Кузьмы Минина, ни Дмитрия Трубецкого, находившихся под домашним арестом, — которой поручили «искать царя». Его нашли тринадцатого марта в Ипатьевском монастыре возле Костромы.

Торжественная церемония приглашения Михаила на царство состоялась на следующий день. Посольство, взяв для поддержки костромское духовенство, направилось к монастырю с иконами и хоругвями. Инокиню Марфу с сыном пригласили прошествовать в соборную церковь, где послы и сообщили о цели своего визита: Московское государство просит Михаила принять скипетр, а мать — благословить сына на царство. Эта новость не вызвала радости у монастырских затворников. Марфа ответила послам: «Сын мой еще не в совершенных летах, да притом Московского государства люди измалодушествовались — давали свои души прежним

московским государям и не прямо служили им». Перечислив всех погубленных московских царей — от убитого сына Бориса Годунова до Василия Шуйского, постриженного в монахи и отправленного в Польшу, — Марфа заключила: «Как же можно быть на Московском государстве государю, видя такое непостоянство и крестопреступления, и убийства, и поругания над прежними государями?» Ее беспокоило и разорение государства, из-за чего царь не мог выполнять своих обязанностей — платить войску и чиновникам, — и судьба находившегося в польском плену митрополита Филарета, которого поляки могли убить из мести после избрания на престол его сына. Кроме того, без благословения отца нечего было и думать о принятии Михаилом царского посоха.

Надо сказать, что Филарет из плена поддерживал переписку со своей семьей и друзьями и, зная о планах возведения на престол его сына, никак эти проекты не поощрял. Он выгодным образом отличался от прочей русской знати — исключительно косной по европейским меркам — своим интересом к наукам, моде и иностранным языкам, был человеком волевым, крепким и честолюбивым. Хилый и недалекий сын, не получивший даже минимального образования в годы потрясений, обрушившихся на Россию, вряд ли мог справиться со вздыбившейся страной и удержать в руках царский скипетр. Когда-то отец Михаила и сам мечтал о царском венце. В середине девятнадцатого века в запасниках музея в Коломне был найден портрет Филарета в патриаршем облачении — работа художника XVIII века. На холсте проступала корона, явно относившаяся к какой-то другой работе. Верхний слой краски сняли, и под портретом священника оказалось изображение того же человека, но со скипетром в руках и с порфирой на плечах. Надпись на этом более старом полотне гласила: «Федор, царь всяя Руси».

После принудительного пострижения в монахи отец Михаила закрыл для себя возможности светской карьеры, но при этом и не переносил свои несбывшиеся мечты на сына. В письмах из плена в Москву он предлагал выбрать царем кого-либо из бояр, ограничив его права. Филарет явно проникся обаянием польской конституции, запрещавшей королям принимать важные решения — от объявления войны

до изменений законов — без согласия сейма. И все же судьба распорядилась так, что корону собирались вручить сыну Филарета, менее многих пригодному по своим качествам для вывода России из кризиса.

Робкий семнадцатилетний юноша с безвольным лицом, нетвердо стоявший на больных ногах, с надеждой и страхом смотрел на мать, ожидая ее решения. Ему протягивали посох — он его с ужасом отталкивал, точно это была змея, которая могла ужалить. Послы клялись, что Михаил не повторит судьбу своих предшественников на троне, что все русские люди соединились в желании избрать его царем, а отказ приведет к исчезновению Московского государства и гибели православной веры: «За души православных христиан взыщет Бог на тебе, государь Михаил Федорович, и на тебе, на великой старице иноке Марфе Ивановне!»

Вообще-то русская традиция требовала, чтобы народ умолял будущего царя принять царство, а тот отказывался. Подобные спектакли с заранее известным концом разыгрывались по нескольку дней, и чем сильнее кипели страсти, тем почетнее считалось для обеих сторон. Но в данном случае, судя по отрывочным свидетельствам современников, сопротивление Михаила и его матери было искренним. Четыре царя, свергнутых с престола за последние десять лет — Федор Годунов, два Лжедмитрия и Василий Шуйский, — из которых троих убили, а четвертый томился в плену, могли заставить задуматься даже зрелого честолюбца, не говоря уже о тихом юноше.

И все же миссия послов удалась. Уговоры тронули Марфу, и она благословила Михаила на царство. Молодой человек принял посох из рога волшебного зверя Единорога, спасенный от польских солдат в Кремле.

Недалекий, всего в триста километров путь Михаила Романова из Костромы в Москву занял два месяца. Царь со свитой ехал с длительными остановками, и земля на его пути казалась одной сплошной раной, по которой брели куда глаза глядят искалеченные и обожженные странники. Подходя к царскому поезду, они рассказывали о зверствах казачьих шаек, мучивших и убивавших людей, сжигавших их дома, чтобы выбить из населения деньги и пожитки. Летописи рассказывают, что Михаил был так поражен представшей перед

ним картиной, что хотел вернуться назад, обратившись к послам с упреком: те, мол, обманули его, уверяя, что государство успокоилось.

Длительное путешествие было связано не только с душевными колебаниями Михаила, которые приходилось преодолевать долгими молебнами в святых местах, и весенним половодьем, затруднявшим поездку, но и необходимостью войти в соглашение с противниками царя. Родовая аристократия и вожди земского ополчения, хотя и вынужденные уступить казакам, были все еще грозными противниками, которым следовало дать гарантии их личной безопасности и привлечь на свою сторону. По ряду сведений, в марте и апреле стороны договаривались об ограничительных условиях царского правления, которые были заранее подготовлены для иностранных принцев в случае избрания кого-либо из них на московский престол — польского Владислава или шведского Карла Филиппа. В конце концов была составлена избирательная грамота, по которой Михаил — впервые в русской истории — обязывался не менять законов без согласия Собора или боярской думы, а также обещал объявлять войну и заключать мир с их одобрения. Это была форма правления, принятая в то время в Польше и Швеции. До нашего времени дошли лишь глухие упоминания о таком соглашении, следы которого были тщательно уничтожены через несколько лет, когда царская власть достаточно окрепла и Михаил Романов, подержанный своим энергичным отцом, вернувшимся из польского плена, посчитал себя свободным от взятых некогда обязательств.

Земское правительство князей Трубецкого и Пожарского, потерпев поражение в продвижении своего кандидата на престол, уходило с исторической сцены, уступая права вновь собравшейся в Москве боярской думе, где первенствовал Федор Мстиславский. Писец Земского собора, отправляя царю очередную грамоту, по инерции вывел: «...Мы, холопи твои, Дмитрий Трубецкой да Дмитрий Пожарский», но, вспомнив, что времена изменились, вычеркнул эти имена и заменил их на «Федора Мстиславского с товарищами». Символическая ошибка пережила века, чтобы дать потомкам

представление о хаосе переходного периода в марте — апреле 1613 года.

Кортеж Михаила прибыл в Москву 2 мая, и 10 июля он торжественно венчался на царство. К этому времени его противники окончательно примирились с поражением и смиренно просили царя о милости, позволив им предстать перед его очами. Однако упорные усилия князя Пожарского по возведению на престол шведского принца не были прощены и забыты. Освободителю Москвы Михаил Романов присвоил боярское звание, но это было минимально возможное признание его заслуг. Награды землями и должностями посыпались как из рога изобилия на куда менее достойных людей, Пожарский же был обойден. Составители избирательного манифеста в мае 1613 года не могли отказать себе в удовольствии шелкнуть по носу «шведскую партию», упомянув среди причин избрания Михаила пожелание короля Карла IX, когда-то призывавшего русских не приглашать царем иностранца, а остановить свой выбор на соотечественнике.

Царствование Михаила началось скромно. У него были трон, скипетр и облачение для торжественных выходов, но не хватало повседневной одежды. За годы гражданской войны исчезли сотни пышных одеяний, хранившихся в кремлевских кладовых. Семнадцатилетнему юноше, поселившемуся в небольшом полуразрушенном тереме, носили на примерку вещи казенного в 1606 году боярина Богдана Бельского. Запас одежд этого модника чудом уцелел в разоренной Москве, и предприимчивая мать царя устроила в своих покоях швейную мастерскую, пристально наблюдая за девками, пополнявшими царский гардероб. Одни спарывали богатые пуговицы с нарядов Бельского и перешивали их на царские кафтаны, другие подгоняли под субтильную фигуру нового властителя России красивые сорочки казенного. Хоть в чем-то сын должен был походить на щеголя-отца, любившего и умевшего одеваться. Про модников когда-то на Москве даже говорили: «Он точно Федор Никитич!»

С треском отлетали пуговицы от старых парчовых кафтанов — отныне Россия должна была равняться на Михаила Романова.

Опоздание ценою в царство

И все же невозможное случилось. 9 июля 1613 года, уже после торжественного венчания на царство в Москве Михаила Романова, в Выборг прибыл принц Карл Филипп.

Всю зиму и весну вдовствующая королева сопротивлялась уговорам придворных, к которым в конце концов присоединился и король Густав Адольф, убеждавший ее в государственной необходимости поездки своего младшего брата на восток. Необычно мягкая зима, сделавшая непроезжей сухопутную дорогу из Швеции в Финляндию вокруг Ботнического залива и крайне опасным морской путь через свободное ото льда штормовое Аландское море, помогли матери задержать сына возле себя на полгода, но с наступлением лета серьезных аргументов против этого путешествия у нее не осталось. «Принцу нужно время, чтобы получить образование, достойное его будущих высоких обязанностей!» — все еще пыталась остановить совместное наступление приближенных королева, однако она и сама понимала, что этот довод выглядит крайне неубедительно в глазах ее оппонентов. Учиться можно сколь угодно дол-

го, а вот москвиты, устав от пустых шведских обещаний, в любой момент могли договориться с Польшей. В конце концов королева сдалась, выдвинув единственное условие: Карл Филипп доедет только до Выборга «и никоим образом не дальше».

Продолжение поездки в Новгород и, возможно, далее в Москву могло состояться лишь после заключения договора на избрание Карла Филиппа с уполномоченными всех областей России, а не только находившегося под шведским контролем Новгородского государства. В таком случае принц должен был вступить в Россию с восьмьютысячным войском и постоянно находиться в окружении двух тысяч телохранителей.

Принца сопровождала внушительная эскадра из пяти кораблей со свитой и охраной: мальчик по крайней мере находился в относительной безопасности во время этого первого большого приключения в своей жизни. Впрочем, дурные предчувствия матери едва не сбылись. Путешествие принца из Стокгольма в Выборг заняло целых двадцать два дня и едва не обернулось трагедией. Неподалеку от пролива Фурусунд в северных стокгольмских шхерах корабль Карла Филиппа, шедший при сильном попутном ветре, налетел на песчаную мель. К счастью, корпус выдержал удар, и парусник удалось стащить на глубину. Но к этому времени ветер переменился, и эскадре пришлось встать на якорь в ожидании благоприятной погоды. Наконец Балтика была пересечена, однако в конце путешествия ожидали новые трудности: два корабля эскорта имели глубокую осадку, и долго не могли войти в узкий и извилистый фарватер который вел в финских шхерах на восток, к Выборгу. Когда из-за лесистых островов выросла главная башня Выборгского замка, точно волнолом, о серые валуны которого столетиями разбивались накатывавшие с востока волны вражеских полчищ, юный принц не мог сдержать волнения: до Стокгольма отныне было так же далеко, как и до русской столицы.

Новости о том, что в Москве уже избрали великого князя, некоего Михаила Романова, достигли Стокгольма уже после отплытия Карла Филиппа, но даже тогда предпри-

тие не казалось безнадежным. Делгарди писал королю, что Михаила избрали казаки против воли бояр и своих военачальников Дмитрия Трубецкого и Дмитрия Пожарского, которых осадили в их домах и принудили принять кандидатуру Романова. Положение царя не было прочным, так как лучшие люди и бояре против этого избрания и по-прежнему ждут Карла Филиппа, надеясь найти в нем спасение от поляков. Даже сам Михаил не хочет быть царем, поскольку и он, и вся его родня понимают, какую опасность это несет. Пусть принц немедленно отправляется в Выборг и «откроет мешок, пока свинья еще сидит там» — что на современном языке означает «кует железо, пока горячо». «Московиты при известии о прибытии Карла Филиппа в Выборг будут униженно ползать перед ним», — самоуверенно рассуждал Делгарди в июле 1613 года.

Представители Новгорода не участвовали в избирательном Соборе в Москве, и его жители по-прежнему считали себя подданными «Карлуса Филиппа Карлусовича». Прибытие королевича на границу Новгород отмечал пушечными салютами, трехдневным колокольным звоном и благодарственной службой в Софийском соборе.

Слухи об очередном казачьем перевороте, поднявшем наверх Михаила Романова, доходили до новгородцев, но за годы Смуты чего только не происходило вокруг, каких только небылиц не рассказывали люди, сумевшие преодолеть кишасшие разбойниками дороги между городами! В Новгороде твердо знали лишь о решении Земского правительства выбрать на престол шведского принца, как только тот прибудет в Россию. Последний раз князя Дмитрий Пожарский и Дмитрий Трубецкой подтвердили это в своей грамоте, посланной в Новгород в ноябре 1612 года.

Митрополит Исидор и воевода Одоевский решили действовать согласно прежней договоренности с руководителем ополчения и потому спешно снарядили в Москву посольство во главе с архимандритом Дионисием, отправившееся в путь в августе. Еще раньше, как только стало известно о прибытии в Выборг Карла Филиппа, новгородцы отправили в Москву с этой вестью боярина Якова Боборыкина.

Новгородская верхушка была искренна в своем желании видеть на русском престоле шведского принца. Два года шведской оккупации не разочаровали горожан в заключении соглашения с Делаярди, который честно выполнял условия договора. Православная церковь не притеснялась и даже сумела построить несколько новых церквей и монастырь — невиданное явление для страны, охваченной гражданской войной, — лучшие люди от имени Карла Филиппа получали новые земельные угодья, иностранных наемников удавалось держать в узде. Шведы сохранили также низовое городское самоуправление, основу которого составляли пятиконецкие старосты, которых каждый год выбирало посадское население. Старосты заседали в Земской избе, назначали чиновников в различные городские службы — от мельниц и бань до винокурен и тюрем — и следили за их работой. Чиновничество стало главной опорой шведской администрации в Новгороде. Эта прослойка сильно разрослась в годы оккупации, подьячие и дьячки вместо прежних денежных окладов получали поместья, крепостных и дворянский статус. Бывшие «иваны» и «петры», отчества которых прежде писались с простым окончанием «сын», например Иван Самсонов сын, могли отныне пользоваться почетным окончанием «вич», подобно их главному благодетелю — «великому боярину Якову Пунтусовичу Делаярди», как шведского полководца величали в Новгороде.

Впрочем, новгородцев привлекали в шведах не столько достоинства их администрации, сколько мушкеты, защищавшие от ужасов казачьего разгула. По землям Новгородского государства бродили бесчисленные казачьи отряды, главным образом запорожцы, формально состоявшие на службе у польского короля. Этот «рыцарский военный народ польской национальности», как гордо называли себя запорожцы, отличался в своих рейдах такими немислимыми жестокостями, что перед ними меркли походжения шведских наемников, набранных по всей Европе. Казачьи «полковники», возглавлявшие армии головорезов по тысяче и две тысячи человек, соревновались между собой в изощренной изобретательности, с которой они мучили свои жертвы. Запорожцы, к при-

меру, развлекались следующим образом: насыпали во рты и уши своим русским братьям по веревке порох и поджигали его. Абстрактная угроза насаждения шведами лютеранства меркла на фоне подобных зверств единоверцев.

Пик запорожского нашествия на русский северо-запад пришелся на 1611 год, но постепенно шведам удалось вытеснить самые крупные отряды чубатых «лыцарей» со значительной части Новгородского государства.

Шведскими военными операциями в России после захвата Новгорода руководил фельдмаршал Эверт Горн, в то время как Якоб Делагарди вместе с воеводой Иваном Одоевским занимался административной рутинной. Прошения, челобитчики, резолюции... Все решения скреплялись подписями и печатями двух человек — Делагарди и Одоевского. Так называемый Новгородский оккупационный архив, вывезенный в Стокгольм после возвращения Новгорода России в 1617 году в сундуке, обитом красным бархатом, содержит более 30 тысяч страниц документов, которые дают представление о быте этого города при шведах. Сутки напролет работали три городских кабака, были открыты общественные бани, действовала таможня, проверявшая английские и голландские товары, поступающие через Архангельск. Даже в эти тяжелые годы в Новгороде не переводились модницы, заказывавшие из-за рубежа западноевропейские и восточные ткани, гребни слоновой кости, зеркала, мыло «гречское» и иглы «шпанские», а их мужья не могли отказать себе в удовольствии приобрести новые игральные карты и шахматы. Последние, по наблюдениям иностранцев, побывавших в Московии, были излюбленным развлечением русских.

Каких только дел не приходилось разбирать Делагарди и Одоевскому! Вот некий Федор жалуется на шантажиста, совратившего его в детстве, а теперь вымогающего деньги за то, что не раскроет эту интимную тайну его отцу. Макарко Гаврилов умоляет заплатить ему за изготовление 22 прикладов к мушкетам, иначе он умрет с голоду. Плавильщик с монетного двора требует наказать троих шведских солдат, которые помогли попу избить его во время кабацкой пота-

совки. Нищий старик помещик не смог выехать из Новгорода в свое псковское имение из-за новых границ между городами и просит дать ему один рубль на пострижение в монахи и похороны.

Среди челобитных, составляющих значительную часть документов «Новгородского архива», большинство касается так называемых «измен». Шведы запретили населению покидать оккупированную территорию без особого на то разрешения, опасаясь, что это приведет к падению сбора налогов. Одним из инструментов удержания дворян в новгородских границах стала круговая порука: помещики были вынуждены давать так называемые «поручные записи» друг на друга, ручаясь своей собственностью и свободой, что такой-то человек не отъедет за новгородский рубеж, а, проживая в указанных ему пределах, «в мире никаких смутных речей никому» не станет говорить. За неисполнение этих обещаний «порутчики» несли наказание: «и на нас порутчиках пеня пресветлейшего и высокорожденного государя королевича и великого князя Карлуса Филиппа Карлусовича, и наши порутчиковы головы в их головы место».

Новый закон открыл самые темные стороны человеческих душ. Начались повальные доносы. Одни «сигнализировали» властям из страха, боясь, что, придется расплачиваться по своим «поручным записям», другие — из личной неприязни, третьи — желая получить имущество беглеца. Сын наушничал на отца, сестра — на брата. Вот типичные примеры доносов, которые в 1613 году пришлось разбирать Делагарди и Одоевскому. Князь Семен Афанасьевич Мещерский «информировал» новгородские власти о своем двоюродном брате Богдане, метавшемся в годы Смуты, подобно тысячам его соплеменников, между различными властителями России: «А сын, государи, княж Кудеяров, князь Богдан, был в измене у вора во Пскове, отъехал от нас из Орешка, изменил и крест поцеловал на Ивангород к вору, а преж, государи, тот князь Богдан изменил, с Москвы отъехал к вору в табары, и от вора отъехал к королю в Литву, и из Литвы к Москве, и нынеча, государи, тот князь Богдан приехал изо Пскова к вам, великим бояром в Новго-

род». Родной брат дьяка Филиппа Арцыбашева, отъехавшего в Псков, также проявил бдительность, мечтая получить поместье их отца Матвея Арцыбашева: «Служил с его Матфеева поместья сын его Филип, и сын его Филип своровал, отъехал во Псков, да и потому ж, как шол королевского величества ратной воевода Иверн Горн Карлусович с ратными людьми, и тот Матфеев сын Филип своровал, Иверн Горна Карлусовича на двор стояти не пустил, и говорил непригожие слова».

Разбор челобитных с утра и до полудня шел под мерные звуки ударов батогов и истошные вопли, доносившиеся с крепостного двора. Недельщики, назначенные на семь дней выполнять поручения суда, трудились над выколачиванием долгов с неплательщиков. Одних по утрам доставляли из тюрьмы к судейской избе, другие, побогаче — кто мог представить за себя залог, — являлись из дома самостоятельно. Эта пытка называлась правежом, и задолжавшего каждый день били в течение часа по икрам ног. Дольше человек не выдерживал. Подвергшихся мукам увозили с места наказания на телегах, сами они идти не могли. В прежние времена, дав взятку недельщику, можно было вложить в сапоги тонкие железные пластинки, облегчавшие страдания, но в смутные бедные годы у большинства должников не было денег не то что на взятку, но даже на сапоги, чтобы спрятать в них железную защиту. Некоторых бедняг мучили на правехах по году и, не добившись выплаты положенного, продавали в рабство самих или их детей. С каждым месяцем на правеж ставили все больше народу: Новгород беднел, а налоги на содержание шведского войска росли.

«И жителей Новгородских тирански мучил без пощады, разные им приискивая муки, на площадях на правеже бил, немощных и старых людей, вывозя на тележках, и по ногам их приказывал даже до крови, и протчая», — обвиняет Делагарди в пытках Новгородская летопись, составленная вскоре после снятия шведской оккупации. Но на самом деле выколачиванием податей занимались русские, Делагарди лишь назначал сумму поборов. Новгородская верхушка из последних сил старалась оправдать такое доверие: альтер-

нативой мог стать безудержный грабеж, поджоги и убийства, к которым в любую минуту могли прибегнуть наемники. Лучше было не рисковать и самим выжимать из народа последнее.

Единственным выходом, остававшимся у отчаявшихся налогоплательщиков, было бегство. Спасаясь сами, эти люди обычно ставили под удар своих родных и товарищей. Среди документов «Новгородского архива» в Стокгольме есть записи розыска по делам беглецов. Вот, например, история Парфения Нарбекова, скрывшегося из Новгорода в 1613 году. По приказу Делагарди и Одоевского подьячий вместе с тремя пятиконецкими старостами учинил розыск. Четверка пришла в дом к матери Нарбекова Настасье, и та рассказала, как было дело. Нарбеков ушел один, оставив двух своих малолетних детей — Григория и Степана — на произвол судьбы. Ребятишки пришли в Новгород к своей тетке, где их и задержали дознаватели. О дальнейшей их судьбе можно лишь догадываться. Скорее всего, Григория и Степана отдали кому-либо в рабство за пять рублей в год — обычную цену для мальчика по тем временам.

Шведская администрация собирала подати изготовленными в Новгороде копейками с именем последнего царя Василия Шуйского. Деньги были облегченными — из трехсот прежних копеек шведы чеканили триста шестьдесят. «Порча» монеты велась во имя высокой государственной цели — финансирования захвата российского северо-запада. Король Густав Адольф, сообщая в октябре 1612 года Делагарди о предстоящем приезде Карла Филиппа в Выборг, требовал, чтобы Швеция «приросла территориями и крепостями, которые должны отойти ей в награду за большие расходы и продемонстрированную добрую волю».

С тех пор пушки Выборгской крепости много раз салютовали шведским победам на востоке. Эверт Горн, непосредственно руководивший военными операциями в России, одну за другой приводил к присяге на имя Карла Филиппа русские крепости, пользуясь перемирием, заключенным с гетманом Ходкевичем. Король Сигизмунд был вынужден временно забыть о своих интересах на востоке: в начале 1612 года на

Речь Посполитую из России накатила волна польских дезертиров, разъяренных невыполнением финансовых обещаний короля перед ними. В обнищавшей России брать было нечего, и восставшие солдаты приступили к грабежу королевских владений.

В апреле 1612 года сдался Нотебург, когда цинга скосила почти всех защитников крепости. Шведский дипломат и знаток России Петр Петрей, вообще-то крайне презрительно отзывавшийся о русских, не мог сдержать восхищения защитниками Нотебурга, посвятив им следующие строки: «Осажденным не нужно ни пороху, ни ядер для обороны и изгнания неприятеля: нужны только камни, бревна, копья и секиры. Если уже необходимо овладеть этой крепостью, то это можно сделать только голодом, или с помощью болезни, когда защищают эту крепость храбрые и неустрашимые люди, а не пугливые и малодушные бабы. Когда шведы осадили Нотебург, Москвитян сначала было в нем 3000: каждый день они делали вылазки и сражались со шведами на галерах и лодках; когда же дороги и проходы были затруднены и захвачены, а реки заняты войском, так что осажденным нельзя стало выходить из ворот, все они в крепости занемогли, умирали от скорбута и голода, и в живых осталось не больше 30 человек, от того и должны были уступить и сдать крепость фельдмаршалу Эберту Горну из Канкаса».

Отзвуком этой трагедии стало поверье, бытовавшее среди шведов, занявших крепость, еще в середине XVII века. Бабочек-поденок, появляющихся летом из личинок и живущих всего один день, в этих краях называли «русскими душами».

В июне 1612 года перед трехтысячным войском Эверта Горна капитулировали после короткой осады еще две русские крепости — Копорье и Яма, а в следующем месяце пал Гдов. Однако вновь устоял Псков, отказавшийся сдать на почетных условиях, предложенных Эвертом Горном. Осада шла вяло, иностранные наемники целыми отрядами бросали позиции и уходили в Финляндию, недовольные полугодовой задержкой жалованья, а к началу августа в шведском лагере разразилась тяжелая эпидемия некоей загадочной болезни, которую Эверт Горн называл «сильным жаром».

с потом». Петардированию городские ворота не поддавались: они были забраны железом, а с тыльной стороны завалены землей. В обороне Пскова, вероятно, имелись слабые места, и какие-то из ворот, использовавшиеся горожанами для вылазок, были укреплены не столь тщательно, но фельдмаршал упустил единственную возможность, предоставленную ему судьбой. В шведский плен попал больной псковитянин, который под пыткой мог рассказать о незащищенных воротах, но он производил впечатление смертельно больного, и ему позволили умереть без дополнительных мучений. А на следующий день умирающий сбежал. Тайны псковских ворот не открылись перед фельдмаршалом и в следующем, 1613 году, когда он решил выведать о них с помощью военной хитрости. Во время переговоров с русским воеводой Осипом Кокоревым генерал завел в его присутствии «диспут» со шведским полковником Робертом Мууром, обсуждая конструкцию и защиту городских ворот. Встреча, по традиции того времени, вероятно, сопровождалась обильными возлияниями, что может стать единственным разумным объяснением примененной тактики. Но коварный расчет на то, что разгоряченный Кокорев бросится поправлять собеседников, понятия не имеющих об особенностях русского фортификационного искусства, не оправдались. Псков не удалось взять ни в 1612, ни в 1613 годах.

Псковская неудача в какой-то мере компенсировалась взятием не менее мощной Ивангородской крепости, которая капитулировала 4 декабря 1612 года. Эверт Горн приступил к осаде Ивангорода в августе, постепенно перерезая пути снабжения русских. Для этого вблизи города было выстроено три шанца, а пространство между ними патрулировали отряды кавалерии. Блокада становилась все плотнее, вскоре горожан отрезали от реки, из которой они вылавливали рыбу. Начался голод, жители толпами побежали из города. Но на пути несчастных встали шведские заградотряды, гнавшие беглецов назад. Они должны были, по словам Эверта Горна, «помочь остальным подъесть» запасы продуктов.

Однако Ивангород не думал сдаваться. 15 октября глазам шведов предстало неожиданное зрелище. Защитники

Ивангорода сделали вылазку, они едва переставляли ноги и с трудом удерживали в руках сабли и мушкеты. «Мужчины и женщины, все, кто мог, выползли наружу», — сообщал пораженный мужеством ивангородцев Эверт Горн. Атаку отбили, русских вновь загнали в крепость. Они были слишком ослаблены, чтобы на равных сражаться в открытом поле. Нападавшие были «распухшими как огромные древесные стволы», с явными признаками «нотебургской болезни», то есть цинги, констатировал фельдмаршал. Эверт Горн решил, что русские продержатся еще максимум месяц. Но город простоял значительно дольше.

Оборона Ивангорода произвела большое впечатление на шведских военачальников. Губернатор Нарвы Филипп Шейдинг писал канцлеру Акселю Оксеншерне 18 декабря 1612 года, восхищаясь защитниками русской крепости, которые «вели себя мужественно до последнего, на зависть любому народу, сильно страдая от нужды и голода». Эверт Горн, докладывая Делагарди об успешном завершении блокады Ивангорода, рекомендовал перейти от насилия к убеждению, добиваясь подчинения русских шведской короне: «Хотя нам и удалось вытащить их наружу из-за страшного голода, подумалось мне, что поскольку мы не можем овладеть этой страной без большой военной силы, следует расположить их к себе добрыми делами и хорошим отношением. Надо показать москвитам, что мы не стремимся уничтожить их страну, а хотим лишь ее объединения».

К завершению 1612 года огромная территория на северо-западе России была «объединена». Большинство городов и крепостей — одни добровольно, другие силой — присоединились к договору Новгорода с Делагарди, принеся присягу на имя Карла Филиппа. Оставался лишь один очаг сопротивления — Псков. Но к середине 1613 года из-под шведской власти вышли две уже захваченные крепости, Тихвин и Гдов, показывая пример неповиновения остальным городам. Толчком к восстанию стало появление в мае 1613 года в новгородских пределах шеститысячного русского войска, в основном казаков, посланного правительством Михаила Романова для изгнания шведов. В истории

тихвинского переворота и последующей обороны крепости от шведов смешались мужество и предательство, религиозная мистика и безудержный разгул, характерные для всего периода российской Смуты.

Тихвин в начале семнадцатого века представлял собой два укрепленных монастыря, мужской и женский, разделенных рекой, и посад, расположенный на стороне мужского монастыря. Город был окружен рвом и земляным валом с деревянной стеной. Оборонительные сооружения Тихвина позволяли шведскому гарнизону из ста двадцати солдат чувствовать себя в безопасности и не бояться набегов казачьих шаек, рыскавших в округе. Но враг ударил изнутри! В конце мая тихвинские жители, до сих пор клявшиеся в преданности королевичу Карлу Филиппу, подняли восстание. Часть солдат перебили по постам, остальные сдались. Вскоре в крепость вступили обещанные подкрепления — четыреста казаков, — о чем горожане заранее договорились с царскими воеводами. Последний очаг сопротивления — дом тихвинского воеводы Ивана Лакумбова, где ставленник Делагарди заперся с несколькими шведами и упорно отбивал атаки, — пал после обстрела из пушек и затинных пищалей (тяжелых крепостных ружей). Воевода с женой пытались бежать, выбросившись из окна светлицы на крышу конюшни, но там их схватили и посадили в тюрьму. Над крепостью подняли флаг, грубо сшитый из кусков некрашеного льна: красный крест на белом поле. Похожие хоругви, правда куда более изящные, были у непобедимых польских гусар, так почему бы не попытаться снискать расположение Неба с помощью такой уловки? Горожане стали готовиться к осаде, углубляя рвы и изготавливая тарасы — деревянные клетки, в которые насыпалась земля. Шведские отряды, находившиеся поблизости от Тихвина, попытались с ходу взять крепость, но после нескольких безуспешных приступов отступили.

План московитов был для Делагарди ясен: они хотели перерезать главную линию снабжения Новгорода, шедшую из Ладоги по реке Волхов. Шведский наместник отправил под Тихвин все имевшиеся в его распоряжении силы, свободные от гарнизонной службы по крепостям. Своих

наемников не хватало, и пришлось нанять полторы тысячи запорожских казаков полковника Сидора, прежде служивших у гетмана Ходкевича. Общие силы шведов составили три с половиной тысячи человек. Впрочем, что это были за воины — оборванные, полуголодные, озлобленные очередной задержкой денежного довольствия! Они могли поднять мятеж и перейти на сторону врага в любой момент. Наибольшие сомнения вызывала тысяча солдат из полка голландца Юхана Монихофена, только что прибывшего из Финляндии. Эти головорезы, набранные по притонам Европы, еще не успели прославиться в сражениях с врагом, но зато смогли навести ужас на население шведских городов своими пьяными загулами и грабительскими рейдами по домам обывателей. В Нючепинге они убили бургомистра и нескольких слуг герцога Юхана, а в Стокгольме вызывающие вели себя в присутствии самого короля. Их следовало повесить, но войск не хватало: полк Монихофена спешно отрядили в Россию.

Возглавлявшие осаду полковники Роберт Муур и Дэниэль Хепберн решились на штурм. Часть сил они расположили возле женского монастыря, несколько отрядов поставили против мужского монастыря, на другой стороне реки Тихвины. Осада пошла по всем правилам военного искусства. Артиллерийские батареи прикрыли плетеными корзинами с землей, солдаты взяли в руки топоры и лопаты. Одни вели к стенам ходы для закладки мин, другие принялись изготавливать деревянные башни, поставленные на колеса, — туры, которые можно было придвигать к стенам для штурма. Позже, возвратясь домой, ветераны красочно описывали землякам огромные «турусы на колесах», участвовавшие в сражениях. Эти снаряды выглядели в глазах мирных обывателей столь неправдоподобно, что соответствующее выражение даже вошло в русский язык как синоним беспардонной лжи.

Ежедневно обе части города обстреливали калеными ядрами в надежде вызвать там большой пожар. 17 августа после сильной артподготовки шведы пошли на штурм женского монастыря. Со стен на нападавших лилась известь,

слепившая глаза, опрокидывались чаны с калом, летели бревна и камни. Но монастырь не устоял. Некий Гаврилка Смольянин перешел в разгар сражения со своими людьми на сторону шведов, остальных защитников женского монастыря охватила паника, люди побежали в поле, становясь легкой добычей противника. Основные силы осажденных — 700 казаков — были изрублены, лишь несколькими десяткам удалось бежать на другую сторону реки, под защиту стен мужского монастыря. Но паника перекинулась и в этот последний оплот обороны. Часть казаков принялась седлать коней, чтобы покинуть крепость, но другие встали на их пути, рассекая саблями седла и грабя своих недавних товарищей. Потасовка едва не перешла в кровавое побоище, но воеводам удалось примирить стороны и внушить мужество трусам. Обороняющиеся поклялись стоять до конца, а к царским войскам послали гонцов с просьбой о помощи. В конце августа подошло около полутора тысяч казаков, которые начали строить острог — крепость из вбитых в землю кольев — неподалеку от Тихвина.

Но укрепление так и не было достроено. Благодаря еще одному перебежчику с русской стороны, Федьке Переславцу, шведское командование своевременно узнало об этом вспомогательном отряде и нанесло неожиданный удар по острогу. Его защитники бежали. Тихвин остался один. Пытаясь удушить город, наемники прибегли даже к такому трудоемкому и вместе с тем хитроумному способу, как строительство земляного вала, который они постепенно подкатывали к стенам, так называемой «тихой сапе».

Борьба шла на нескольких высотных уровнях — в том числе и подземная. Шведские минеры вели тоннели к стенам, а защитники крепости копали вертикальные штреки — слухи, в которые спускались дежурить «слухачи» с бубнами, усиливавшими любой подземный шорох. Установив, в каком направлении движется подкоп, тихвинцы вели в его направлении ров, укрепляя его вбитыми в землю кольями. В этом направлении враг подобраться к стене уже не мог. Силы небесные играли важную роль в сражениях того времени, и без них уж никак нельзя было обойтись при защите

Тихвина, с двумя его монастырями и большим количеством монахов, находившихся в рядах защитников. Периодически устраивались крестные ходы вокруг стен с чудотворными иконами, проводились молебны, священники поддерживали дух православных, рассказывая о чудесах, помогавших избавиться от захватчиков. Бог показал свою силу, к примеру, в монастыре Святого Мины неподалеку от Новгорода. Въехали туда шведы на конях и тут же ослепли. В ужасе бежали злодеи из святой обители, а те, что оставались снаружи, так и не решились войти внутрь.

В Тихвине Господь пока отказывался вступить за православных, но объяснение такой немилости Божьей вскоре нашлось. Простой женщине по имени Иулиания явились сразу два небесных посланца — Богородица со святым Николаем, — которые потребовали очистить монастырскую церковь «от многого блужения и поганства», как гласит Новгородская летопись. Вся территория монастыря, в том числе даже церковная паперть, превратилась за время обороны Тихвина в место свального греха. Вокруг, в довершение картины упадка и разложения, лежали горы навоза и прочих нечистот, подступавшие к самой церкви. Воеводы, руководившие обороной, выслушали пророчество Иулиании и приняли ее слова как руководство к действию. Город вышел на уборку авгиевых конюшен. Бездельников и блудниц из монастыря изгнали, а все загаженное пространство вычистили. С этого момента воинская удача была на стороне осажденных. Вскоре запорожцы полковника Сидора переругались с другими шведскими наемниками и встали отдельным лагерем. А в середине сентября защитники крепости неожиданной удачной вылазкой окончательно сломили боевой дух оборванцев Монихофена, и без того низкий из-за начавшихся холодов и задержки оплаты их кровавых усилий. 200 солдат было убито, а остальные подняли мятеж и ушли от стен Тихвина, надеясь найти себе одежду и пропитание в окрестных селах.

Следом пришлось отпустить казаков Сидора, которым нечем было платить. Осада провалилась, и Делагарди отозвал остатки деморализованного войска в Новгород, на зимние квартиры. Объясняя провал осады Тихвина в письмах

канцлеру Оксеншерне, он жаловался на обнищание новгородского края, где невозможно достать ни еды, ни одежды для солдат, совершенно раздетых и разутых. Если из Швеции не пришлют снабжения, иностранные наемники закусят удила, предупреждал Деллагарди. В октябре 1613 года он писал канцлеру: «Воинов надо хоть как-то снабдить деньгами и одеждой. В противном случае я опасаюсь, что русские, согласно своей старой привычке, зашевелятся зимой, и мы ничем не сможем им ответить. Солдаты раздеты и разуты, и поэтому их приходится держать по домам и баням. Большая часть наемников, особенно из полка Монихофена — их удалось собрать до семисот человек, — настолько оборвались, что у них виден срам. Если солдат не приодеть, их нигде нельзя использовать».

Кроме Тихвина и Пскова шведам пришлось примириться с существованием еще одного очага сопротивления в своем тылу — Гдова, перешедшего к русским в начале июня. Внезапный налет отряда казаков из Пскова и разложение гдовского гарнизона из трех сотен финнов и емтландцев, бежавших из крепости при первых выстрелах противника, решили ее судьбу. Попытка вернуть Гдов в августе провалилась из-за тщеславия и глупости родственника шведского короля, герцога Саксонского Юлия Генриха. Этот 27-летний молодой человек, набрав в Германии отряд из трехсот всадников, поступил на службу шведской короне. Он был беден, мечтал о богатстве и славе великого полководца. Высокое происхождение, по его мнению, вполне заменяло отсутствие военного опыта. Подчиняться Деллагарди или прислушиваться к советам опытных офицеров он не желал.

Путь к триумфу высокородного наемника должен был начаться под стенами Гдова. Герцогу были приданы несколько отрядов пехоты и кавалерии, а также пять пушек. 28 августа войско, едва превышавшее тысячу человек, приступило к осаде крепости. Сил для полного окружения Гдова и взятия его измором не хватало, поэтому искатель лавров Александра Македонского решил сломить сопротивление русских концентрированным ударом. Напротив места предполагаемого штурма был устроен шанец, в котором расположился полк шотландца Коброна с артиллерией. Кавалерия встала лаге-

рем поодаль. Успех, казалось, был близок. После интенсивного обстрела участок крепостной стены длиной почти в 30 метров рухнул, но герцог замешкался с атакой, дав защитникам Гдова время для перегруппировки сил. Из Пскова между тем пришло подкрепление в шестьсот человек, ударившее по шанцу с тыла. Одновременно русские сделали вылазку из крепости.

Юлий Генрих не позаботился об устройстве укреплений со стороны Пскова, и теперь шотландским и английским наемникам Коброна приходилось за это расплачиваться. Не выдержав атаки с двух сторон, они бежали, потеряв двести человек убитыми. Вся артиллерия оказалась в руках русских. Кавалерия стояла так далеко, что не успела вмешаться в сражение. Герцог Саксонский бежал от стен Гдова с такой же решительностью, с какой он несколько дней назад двигался к победе.

Оставив ненадолго поля сражений, вернемся в Выборг, где с июля ждал решения своей участи юный Карл Филипп. Отгремели приветственные салюты и праздничные балы — потянулись унылые дни ожидания. Принцу смертельно надоело совершать бесконечные прогулки вдоль каменной крепостной стены и выслушивать однообразные заверения свиты, что посольство от всей России вот-вот прибудет. Кажется, сопровождавшие его комиссары и сами не верили в благоприятный исход дела. 7 августа 1613 года от имени принца в Новгород была направлена депеша на русском языке, проникнутая раздражением и подозрительностью: «Занеже мы ныне, свой поход в такой дальний и нужный путь до Выборга, по милости Божией, и произволением высокопомянутыя нашия велелюбительныя государыни матери, и государя брата, для всего Русийского государства пользы учинили, обретаем мы противно всего нашего чаяния, что ни ваши, ни всего Русийского государства послы наперед нас в Выборг никто не бывали, которым было нас встретити и приняти, как своего государя царя и великого князя, и королевского величества нашего велелюбительного брата вельможного короля Густава Адольфа Карлусовича».

Новгородское посольство во главе с архимандритом Киприаном, настоятелем монастыря Спаса Хутыня, прибыло

в Выборг лишь через семь недель после приезда туда Карла Филиппа. Послы объясняли свою задержку кораблекрушением, из-за которого путешествие растянулось почти на месяц.

28 августа в Выборгском замке герцог дал первую аудиенцию посольству. Гремели пушечные салюты, скромный зал приемов, дабы впечатлить падких на роскошь русских, шведы постарались украсить с максимальной пышностью, доступной в этих обнищавших от многолетних войн краях. Пол застелили английским сукном, трон герцога под золотым балдахинном обтянули парчой, налево от трона поставили длинную скамью для комиссаров, покрытую красным бархатом. Карл Филипп занял место на троне, комиссары — на скамье, справа от трона выстроились свитские — секретарь герцога, гоф- и камер-юнкеры, а также старший королевский уполномоченный Генрик Горн.

Перед светлыми очами шведского государя предстали сразу два новгородских посольства — первое, привезенное из Стокгольма в Выборг, и новое, только что прибывшее из Новгорода. Русские, вслед за архимандритом Киприаном, по очереди доходили до середины зала и низко кланялись сидящему на троне юноше и его свите. Затем то же приветствие повторялось непосредственно у трона, после чего посольские становились на отведенные для них места.

Переговоры открыл речью на немецком языке Генрик Горн. После первых общих фраз о желании шведского короля помочь русским в преодолении смут, комиссар обрушился на новгородцев с нападками, упрекая послов в «нарушении клятвы, предательстве и отпадении» их соотечественников. Почему в Выборг не прибыли представители Московского и Владимирского княжеств? Как смели русские взбунтоваться и коварством захватить Тихвин и Гдов? Им нельзя верить — сегодня они клянутся в своей преданности, а завтра вонзают нож в спину! Вот приехал Карл Филипп, русские сами просили его в цари, и что же теперь делать, если встречают герцога лишь новгородцы?

Киприан, выслушав эту запальчивую тираду со смиренным видом, отвечал сдержанно и достойно. Новгород не изменял клятве, и посольство приехало, чтобы подтвердить признание герцога великим князем и пригласить его следо-

вать в Новгород. Правда, из Москвы еще нет ответа на новгородские просьбы прислать посольство, но это не беда. В Новгороде за несколько столетий до покорения его Москвой был великий князь из Швеции по имени Рюрик, и новгородцы полагают, что еще достаточно могущественны, чтобы иметь своего великого князя.

Такой поворот событий решительно не устраивал комиссаров. В королевских инструкциях говорилось лишь об избрании Карла Филиппа государем всея Руси. Если такая возможность исчезнет, следовало добиваться присоединения Новгородских земель к шведской короне, а дальнейшие переговоры о мире вести с избранным в Москве русским царем. И Генрик Горн отверг предложение Киприана, заявив, что Карл Филипп не тронется с места, пока к Новгороду в желании иметь герцога своим властелином не присоединятся другие русские области. Попытки послов убедить шведов, что за этим дело не станет, стоит лишь принцу явиться в Новгород, ни к чему не привели.

Впрочем, представители Новгорода и сами не слишком надеялись на чудо. Москва молчала, новгородское посольство остановили в Торжке и держали взаперти, и неизвестно, обсуждали ли вообще московские бояре замечательное по своему красноречию послание, в котором были следующие пассажи: «Великому Князю Карлусу Филиппу Карлусовичу в Выборг от Владимирского и Московского Государства и от всех Государств Российского Царства послов своих с полною мочью и с полным наказом послати тотчас, чтобы им тут, в Выборге Королевского Величества с полномочными послами договор крепкой о всем, к свершению доброго начатого дела, совершити и укрепити. А он, Государь, Богом дарованный, избранный Государь наш, пресветлейший и выскорожденный Королевич и Великий Князь Карлус Филипп Карлусович от такого благочестивого корене от вельможных родителей рожен, и в страхе Божий возвращен, и в такой молодости ко всякой храбрости и смирению научен, также он Государь и прирожением милосерден и смирен, и по своей младости от Бога великим разумом одарован».

Новгородцы и шведские комиссары так ни о чем и не договорились, а финал аудиенции обернулся форменным

скандалом. Король, державший на положении заложников первую новгородскую депутацию, отправленную в Швецию еще в 1611 году, внял просьбам Делагарди отпустить посланцев домой, чтобы успокоить Новгород. Полководец сообщал в Стокгольм, что ему все труднее унять площадных крикунов, утверждавших, что шведы ничем не лучше поляков, которые коварно пленили русских послов под Смоленском. Да и у самих новгородских представителей с каждым новым месяцем задержки росли раздражение и подозрительность. Они тосковали по семьям, пили и, как доносили шпионы, клеймили шведов в разговорах между собой. Еще немного, и эти люди, пользовавшиеся большим влиянием в Новгороде, могли стать законченными врагами шведской короны.

О королевской милости, как было решено заранее, комиссары объявили на аудиенции в Выборге: этот гуманный поступок должен был растопить лед на предстоящих переговорах по избранию Карла Филиппа русским царем. Перед отъездом на родину первой новгородской делегации предложили лишь подтвердить крестным целованием верность Карлу Филиппу. И тут случилось неожиданное. Тайные настроения посольских стали явными. Отчудил купец Иголкин, один из тех неотесанных русских послов, к которым Делагарди просил королевских чиновников отнестись с терпением и снисходительностью. Купец вдруг возмутился и крикнул: не намерены ли шведы подчинить Новгород своей короне? Но русские так же мало желают отдаться Швеции, как и подчиниться Польше! Не бывать такому никогда, покуда хотя бы один ребенок жив в Великом Новгороде!

Безобразная сцена разыгралась на глазах брата короля, которого русские пригласили на царство. Была затронута и честь шведского монарха. Это неслыханное оскорбление можно было смыть лишь кровью обидчика и жестоким наказанием всего посольства. Но комиссарам пришлось проглотить обиду ради большой политики. Ведь переговоры только начинались! Свои кое-как уняли разбушевавшегося купца, найдя подходящее объяснение его непочтительному поведению: «Он изрыгал из себя эти слова по пьяному делу и необдуманно». Комиссары позволили русским вымолить прощ-

ние для себя и Иголкина, и 22 сентября первое новгородское посольство покинуло Выборг.

Инцидент с пьяным купцом был тем более неприятен для шведов, что Иголкин предугадал намерение Густава Адольфа присоединить Новгород с его историческими владениями к шведской короне, о чем говорилось в так называемой главной инструкции, выданной комиссарам в Стокгольме. Посланцам Густава Адольфа предписывалось вести дело к присоединению Новгородских и Псковских земель к шведской короне, если на переговоры в Выборг придут делегации только от этих городов. Просьбу о выборе Карла Филиппа великим князем лишь части русских земель следовало отклонить, а вместо этого предложить новгородским и псковским посланцам добровольное присоединение к шведской короне, с сохранением всех русских обычаев, религии и законов — так, как Литва когда-то соединилась с Польшей. Если новгородцы и псковичи не захотят становиться шведскими подданными, их следовало обязать выплатить контрибуцию в размере десяти бочек золота, а также уступить Швеции внутреннее крепостное кольцо вокруг Финского залива, в том числе Ивангород, Ям, Копорье, Нотебург и Кексгольм, и внешнее с Гдовом, Ладогой и Тихвином. Кроме того, король требовал земли и крепости на побережье Северного Ледовитого океана, обладая которыми Швеция получала контроль над морской торговлей России с Англией. Принудить русских к выполнению этих требований следовало захватом возможно большего числа крепостей на северо-западе России. Из Новгорода всех русских нужно было изгнать до заключения мира, а также попытаться взять Псков.

Если в Выборг придут делегаты от всей России, король милостиво позволял выбрать своего брата русским царем, однако его территориальные и финансовые претензии к России от этого факта не менялись.

Наконец, существовала так называемая вспомогательная инструкция, которая предусматривала ведение прямых переговоров с Москвой, уже избравшей другого великого князя. Практичный Густав Адольф не собирался оспаривать московский трон ради возвышения собственного брата. Швеции нужны были лишь территории и деньги. Король предпри-

сывал комиссарам добиваться уже названных территорий и крепостей, отрезавших Россию от моря как на западе, так и на севере. Самолюбивый Делагарди не должен был знать о существовании дополнительной инструкции, поскольку мог подумать, что король заранее похоронил его династические планы.

Между тем Москва посольство все не присылала, а у новгородских представителей не было иных полномочий, кроме подтверждения прежнего приглашения Карлу Филиппу стать их великим князем. Застолья сменяли одно другое, поднимались тосты, произносились пышные речи, шведы и русские обменивались подарками. Так, например, главе новгородской делегации архимандриту Киприану был преподнесен русский перевод Евангелия Лютера, которое тот принял с неожиданной у православных иерархов благосклонностью. Это была первая книга на русском, изданная в Швеции. Но о единственном деле, которое интересовало шведских комиссаров в сложившихся обстоятельствах — о присоединении Новгорода к шведской короне, — комиссары прямо говорить опасались, помня о враждебной выходке купца Иголкина. Наверняка таких, как он, было много. Давление в Выборге могло закончиться бунтом черни в Новгороде.

Во время третьей аудиенции послов у Карла Филиппа 9 сентября Генрик Горн попытался выяснить, готов ли Новгород порвать с Москвой, или русские даже не задумывались о такой возможности. Разговор начался как обычно. Послы слезно молили Карла Филиппа прибыть в Новгород, который дан королевичу Богом в удел. В крайнем случае пусть он хотя бы пересечет границу, остановившись в Ивангороде. Генрик Горн тогда прямо спросил новгородцев, смогут ли они защитить Карла Филиппа, если Московское и Владимирское государства его не признают и им придется вести войну одновременно как с ними, так и с Польшей.

Послы отвечали, что без помощи шведского короля они в таком случае погибнут. Начитанный Горн потянул ниточку разговора дальше, обратившись к древней истории. Афинянин Фокиан в похожей ситуации заявил согражданам, что для борьбы с Александром Македонским они должны быть сильнее его или отдаться под покровительство еще более

сильного государя. Новгородцы ушли от скользкой темы о «покровительстве», лишь повторив свою прежнюю просьбу о приезде герцога в их город.

Увертки русских положительно могли довести кого угодно! Генрик Горн, оставив в покое древних, взял быка за рога, заявив, что явиться герцогу в Новгород теперь значило бы прямо идти на убой. Готовы ли послы поручиться, что, как только герцог прибудет к ним в город, все русские перейдут на его сторону? Послы удрученно признали, что обещать такого счастливого исхода они не могут. Более говорить было не о чем. Аудиенция закончилась. Отныне комиссары тянули комедию переговоров только для вида, желая выиграть время, необходимое для прихода свежих сил в оккупированные области России. Король раздраженно инструктировал своих представителей в Выборге: «Как только войска в достаточном количестве соберутся в этой стране, мы перестанем позволять русским водить нас за нос, как это было прежде. Мы поставим вопрос прямо: предлагают они нам вражду или дружбу?»

В конце сентября невозможность возведения Карла Филиппа на русский престол понял даже Делагарди. Комиссары решили открыть ему существование дополнительной королевской инструкции, предписывавшей прямые переговоры о мире с новым московским великим князем. «Опасные дороги», из-за которых якобы полководцу прежде не везли шекотливый документ, неожиданно стали вполне проходимыми для гонца, отправившегося из Выборга в Новгород. Комиссары сообщали Делагарди в сопроводительном письме, что они склоняются к заключению мира с Михаилом Романовым, «это скорее отвечает интересам королевства, чем тщеславные попытки добиться чего-то большего, достичь чего не в наших силах».

Делагарди был вынужден отказаться от своей мечты сблизить Швецию и Россию с помощью Карла Филиппа. Даже среди новгородской знати, еще недавно искавшей спасения от черни в союзе со шведами, теперь все чаще раздавались голоса о возвращении под крыло Москвы, где наконец-то появился царь. Бояре, которых шведы держали при себе в качестве своеобразного золотого запаса, пользовались любой возможностью, чтобы скрыться из Новгорода. О люб-

ви к Карлу Филиппу толпы, доведенной шведскими поборами до крайности, вообще говорить не приходилось, там только и говорили о спасителе Михаиле Романове, который скоро придет и прогонит «немцев» со Святой Руси.

Комиссары были правы: следовало позаботиться об удержании уже завоеванного, забыв о московском троне. Выборгский спектакль также не мог продолжаться бесконечно, не рискуя перерасти в фарс, в котором Карлу Филиппу отводилась главная комическая роль.

12 января 1614 года юный герцог дал прощальную аудиенцию новгородским посланцам. Он объявил, что отказывается от своих прав на Россию вообще и Новгород в частности, передавая их своему брату, шведскому королю. «Предавших» Карла Филиппа ждало возмездие Густава Адольфа, но те, кто захотят соединиться со Швецией, могут рассчитывать на его помощь против московитов. Переговоры продолжит Генрик Горн уже в Новгороде. После окончания приема герцог угостил своих несостоявшихся подданных вином.

16 января принц со свитой пустился в долгий путь домой, в Нючепинг. Вереница саней и кибиток тащилась в снегах через всю Финляндию вокруг Ботнического залива. Новгородских посланцев задержали в Выборге в качестве заложников, их отпустили в Новгород лишь в августе 1614 года.

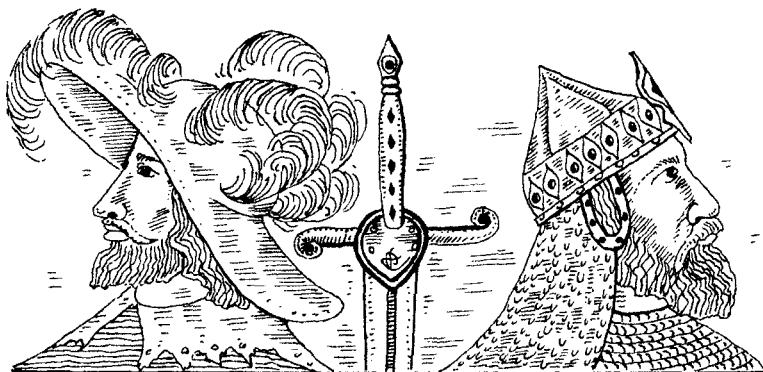
Первого марта 1614 года Карл Филипп встретился с Густавом Адольфом в Средней Швеции. Младший брат возвращался из Финляндии ни с чем, старший направлялся туда, чтобы лично разрубить узел шведско-русских отношений. Против этой поездки возражали все — и королева-мать, и канцлер, и государственный совет, — опасаясь, что молодого темпераментного монарха погнала в дорогу страсть к военным приключениям. Но Густав Адольф заявил на новогоднем риксдаге 1614 года в Эребру, что думает только о мире. Если бы он «хотел утолить свою жажду войны», у него было много возможностей сделать это раньше. Когда он того хотел, молодой человек умел быть убедительным: сословия дали свое согласие на опасное путешествие. Но находиться рядом с войной и не поучаствовать в схватке было не в характере шведского короля. Он говорил о мире, но при этом твердо знал: самый короткий путь к нему лежит через войну. Встреча братьев

была символична. Швеция отбрасывала оливковую ветвь, полагаясь отныне в своей русской политике главным образом на меч.

Хотя Карл Филипп так и не стал русским царем, Россия не оставила его в покое даже после смерти. Герцог скончался в 1622 году во время эпидемии в шведском военном лагере под Ригой. При отпевании несколько месяцев спустя, состоявшемся в церкви города Стрэнгнэс, пастор Ларс Улофссон Валиус произнес знаменательную речь. Вероятно желая утешить несостоявшегося властителя Московии в последний раз, он произнес проповедь о царящих в России беззаконии и варварских порядках. «Следует помнить, как ужасно обстоят дела в России. Стоит русским властителям захотеть чье-либо имущества, как этого человека по навету бросают в тюрьму, бьют там и мучают до тех пор, пока он не согласится добровольно расстаться со своим богатством и этим купить себе жизнь», — гремел под сводами церкви голос разоблачителя русских нравов.

Душа Карла Филиппа, должно быть, благосклонно внимала этим словам заботливого проповедника.

Россию разлучают с Балтикой

Едва отгремели на Москве пиры по случаю коронации Михаила и бояре вытерли о драгоценные бархатные скатерти руки, испачканные жиром нежной ряпушки из Плещеева озера что под Переславлем — ее подавали в заключение застолья в честь признания многовековой верности Переславля Москве, как Посольский приказ стал собирать первое после Смуты заграничное посольство к римскому императору Матфею. С этого единственного, как считали в Москве, равного по достоинству русскому царю властителя Москва собиралась начать восстановление прерванных Смутой связей с Европой. Посланцы Михаила должны были добиться признания его римским цесарем в качестве единственного законного правителя России и искать пути посредничества в установлении мира с Польшей и Швецией.

Дьяки отсчитывали связки сибирских соболей по сорок шкурок в каждой — на взятки императорским вельможам и чиновникам, — а назначенные в посольство дворянин Степан Михайлович Ушаков и дьяк Семый Заборовский брали под запись дорогие казенные одежды — от платьев с кружевами и бархатных колпаков, унизанных драгоценными кам-

нями до поясов, расшитых серебром и золотом, в которых они должны были представлять царя Михаила Федоровича при цесарском дворе. Все, чего недоставало по бедности в Посольском приказе, вплоть до перстней и дорогих ожерелий, Ушаков и Заборовский собирали, как водится, по друзьям и знакомым: иностранцы должны были видеть, что Московское государство снова богато и царские слуги ни в чем не нуждаются. Впрочем, дьяки понимали, что пустить пыль в глаза Европе на этот раз не удастся — дары императору получились не в пример прошлым временам скромные, даже пришлось писать объяснение: поляки в Кремле все сокровища разграбили, поэтому пусть цесарь не думает, что великий князь решил его унижить столь жалкими подношениями.

Послам предписывалось не мешкая отправиться в Вологду, а оттуда в Архангельск, чтобы уже в июне отплыть на одном из купеческих судов в Любек, а далее сухим путем добираться до цесарских владений — искать императора, там где он будет.

В подробной инструкции излагалась вся история Смуты в благоприятной для царя Михаила интерпретации. Говорилось также о «неправдах» польского и шведского королей, Сигизмунда и Карла IX, сыновья которых якобы были один за другим избраны на московский престол.

Польского королевича Владислава московские люди, как гласила реляция, отвергли из-за обмана Сигизмунда, который захватил Смоленск, пленил посланное к нему русское посольство и отказался крестить сына в греческую веру, как обещал. Шведы были также виноваты перед русскими. Царь Василий Шуйский сполна расплатился за их военную помощь, но шведы коварно предали союзников во время сражения под Клушином, а затем Якоб Делагарди «искрадом за крестным целованием взял» Новгород. Впрочем, германскому императору не следовало придавать значение этому военному успеху. Царь послал на Новгород рать, которая побил шведов. «Ныне, чаем, Свейские люди из Новагорода и из пригородков от Государевых людей выбежали», — должны были заявить послы.

В Германии слышали, что ополчение избрало в Ярославле на русский престол шведского принца. Ко двору императора в Прагу был послан из Ярославля в июне 1612 года

переводчик Еремей Еремеев Вестерман. Он вез грамоту от князя Пожарского с просьбой о денежной помощи и призывом умиротворить польского короля Сигизмунда. В письме сообщалось, что государя на Руси пока нет, этот вопрос решат после установления мира, но гонец от себя рассказал, что ополчение в Ярославле уже остановилось на кандидатуре шведского принца.

Ушакову и Заборовскому предписывалось этот факт попросту отрицать, не пытаясь, как в случае с Владиславом, отделаться полуправдой: «А будет Цесаревы думные люди учнут говорити: сказывал им переводчик Еремей Еремеев, который прислан из Ярославля, что обрали были Московского Государства бояре и воеводы и всякие люди на Московское государство Королевича Свейского Карла Филипа, и Новгородский митрополит Исидор и боярин и воевода князь Иван Одоевский и записми и крестным целованием с Яковом о том укрепились, что взяти на Московское Государство Карлусова сына Карла Филипа, — и Степану и дьяку Семому говорити: “то переводчик Еремей говорил не ведая, или затеял собою напрасно; нам про то подлинно ведомо: ни в мысли нашей всех того не было, что было обрати Карлова сына, видели мы, всякого зла много от Полского Королевича, о том у нас у всех Росийского Государства людей крепкий совет и утверженье и крест меж себя целовали на том, что ни из которого Государства, никого не из Росийских Государств никоторого Государского сына не Греческие веры на Государство не обирати; а будет какие записи Яков Пунтусов велел митрополиту и князю Ивану Одоевскому написать и руки приложити в неволе, силно под саблю, того нам не ведомо”».

На вопросы о возрасте 17-летнего монарха Ушаков и Заборовский должны были отвечать, что ему исполнилось восемнадцать лет, поскольку возведение на престол несовершеннолетнего могло вызвать сомнения в Европе, а характеризовать Михаила следовало выстраданной в палатах Посольского приказа готовой формулой, не пускаясь в импровизации: «Бог Его Царское Величество украсил дородством, и образом и, храбрством, и разумом, и счастьем, и ко всем людям милостив и благонравен. А которая была в Росийском Госу-

дарстве до него Государя смута и рознь и в людех скорбь, того в радости забыли, кабы ничего не бывало».

Посольство провело за границей целый год, удостоилось приема в Линце у римского императора, завернуло в Голландию, успешно вербовало аптекарей, врачей и серебряных дел мастеров для России в Гамбурге и Любеке: Ушаков и Заборовский вернулись в Москву в конце августа 1614 года с сознанием исполненного долга, ожидая царской награды.

И тут разразилась буря. Боярская комиссия во главе с Федором Мстиславским, изучая привезенные послами ответы заграничных правителей, обнаружила, что главная цель посольства не достигнута: римский император не признал Михаила Федоровича! Если Голландские Штаты передали в Москву грамоту, где были указаны полный титул царя и его имя, то документ, врученный послам в Линце, не дотягивал до высокого звания грамоты, проходя по низкой категории «ответ». Более того, имени Михаила Федоровича там не было — везде значился лишь абстрактный Царь и Великий Князь. Император Матфей явно решил подстраховаться, не зная, кого же русские признают своим царем на самом деле: Михаила, Владислава, Карла Филипа или очередного Дмитрия!

Может быть, не сведущие в иностранных языках Степан и Семей просто не поняли, что там накалякали по-немецки ловкие приближенные императора Матфея? Перед грозными дознавателями предстал переводчик Тимофей Фанебич, сообщивший, что он сразу после приема у цесаря перевел ответ послам, но те не удосужились отослать оскорбительное послание назад, как должны были те сделать, даже рискуя собственной жизнью. Перетрусившие послы ссылались на неопытность: они впервые выехали за границу и не знали тонких отличий между грамотой и ответом. Имя Михаила Федоровича не было названо, но они думали, что так в Европе положено: ведь и сами немцы своего императора называли просто «Его Величество», как в устном общении, так и на письме.

Бояре еще готовы были снизойти до неотесанности Степана в вопросах дипломатии, но дьяк Семей долго служил в Посольском приказе и обязан был вступить за цар-

скую честь! Расспрос о ходе приема у императора показал, что послы и там умудрились уронить честь своего государя. Император Матфей, оказывается, ни разу не встал, как делали его предшественники, при упоминании имени русского царя, а лишь слегка приподнимался в кресле и снимал шляпу, что являлось неслыханным оскорблением. Послы были обязаны тут же заявить протест, а не терпеть подобное издевательство! Отвечали Семый и Степан покаянно, что виноваты, достойны смерти, но «учинили они то простотою, а не изменою и не умышленьем».

Однако обвинения в измене еще следовало опровергнуть. Провинившихся послов отдали приставам, их животы — то есть имущество — опечатали, а опытному в делах дознания думному дьяку Петру Третьякову поручили выпытать наедине у Тимохи — переводчика в деталях: как вели себя за границей послы, не жили ли по отдельности, не встречали ли днем или ночью гостей для тайных переговоров, как чтили на пирах своего государя и не дрались ли Степановы люди с немцами, а если дрались или секлись на саблях, то из-за чего и чем кончилось, какие подарки цесарь вручил послам при прощании и не утаили ли они чего? Перепуганный Тимофей отвечал как на духу.

Степан и Семый чести царской не уронили, пили всегда за его здоровье и держались всегда вместе, приглашая при разговоре с посланцами цесаря его, Тимофея. Правда, по бытовой части посольство шум за границей подняло, признался Тимоха. Прежде его о том не спрашивали, он и молчал, а теперь скажет. Передадим похождения послов в красочном изложении протокола дознания, сохранив стилистику того времени:

«А драка Степановым людем с Цесаревыми людами учинилась за то (делалось перед их отпуском, как им быть у Цесаря, за день): шла мимо Степанова двора девка, служащая шляхетного дому ото вдовы, а та вдова зговорена за Цесарева порутчика; и те Степановы люди, вышед с двора за ворота, тое вдовину девку ухватили и повалили; и увидев то порутчиков слуга, который ее провожал, тотчас подал весть порутчику, и порутчик, прискоча, девку отнял, и тут меж ими учинилась брань; и порутчик Степановых дву человек бил плашма

и их ранил слегка; и приходил порутчик к Степану в том на людей его жаловаться, а Степан посылал к ближним людям на порутчика бить челом его, Тимофея. И Цесарю про тое драку учинилось тотже час ведомо, и Цесарь тот час велел про то сыскивать; и порутчик, услышев про сыск, ухоронился, и сказали, что его нет, без вести; и Цесарь велел тех Степановых людей лечить своим лекарем; и Степан посылал его Тимофея к маршалку о увечье людей своих бити челом и чтоб ему дали за людей его увечье из порутчиковых животов, и Степану в том отказали, а сказали что его нет, без вести, а рухлядишко его служилая запечатна, да и для того ему отказано в увечье, для чего де люди его ночью с двора сходят и задор с здешними людми чинят? Да Степанов же человек на том дворе, где стоял, хотел у дворника жену обезчестить; и дворник, услышев, за ним гонялся с протазаном и хотел его сколоть. А Степан, ведая людей своих воровство, от того их не унимал. Да Степановы же люди, напився пьяни и сидя в ночи долгое время, зажгли были в хоробах постелю, и толко бы вскоре сторожи не услышали, и от того бы учинился пожар. И он Тимофей Степану на людей его про их воровство сказывал и сам их унимал, чтоб они, будучи в чужей земле, и такого безчестья не делали. И Степановы люди его Тимофея били, а Степан того не сыскивал. Да будучи в том городе, где Цесарь, и едучи дорогою, Степан и Семей пили и меж себя бранились и неоднократно, а о чем они, бранились, того он не ведает. Да как они шли назад, от Цесаря Бранденбургского Кухфистра в город Берлин, и на осподе играли меж себя дворяня карты и пришед к ним к столу Степанов поваренной детина пьян, и учал у них карты переворашивати, и дворяня почали ему Тимофею о том детине невежестве говорити, чтоб его отослати; он, Тимофей, видя то, что тем дворяном стало, то за великую досаду, того детину, от стола отпихнул прочь; и детина хотел с ним подражаться, и он Тимофей того детину слегка деревцом ударил; и Степан дей его, Тимофея, не сыскав, за малого своего бил по щекам до крови, про то Семому ведомо. Да в Амборху (Гамбурге. — А. С.) были Степан и Семей у Аглинского воеводы у Курмистра в гостех, и шла того воеводы дочь двором в иные хоромы, и Степанов человек, напився пьян, тое воеводскую дочь безчестил, и его за то

хотели сколоть кордами, и от того немного драка не учинилась. Да в Аглинской земли (ошибка в тексте — послы были в Голландии, в Гааге. — А. С.) стояли Степан и Семой у казначея, который платить ратным людям из казны за служилое, и тут Степанов же детина, напився пьян, обезчестил, хватался руками за казначееву дочь, и он Тимофей от того учел унимати, и его Степан про то не сыскивал и управы не чинил. Да и во многих местах Степан и Семой пировали, пили и многие простые слова говорили, которые в тамошних землях Государеву имяни к чести не пристоят. Да переводчик же Тимофей Фанемин сказывал: сказывал де при нем, Тимофее, Степану и Семому Карло Цесарев думной, который послов принимает, а к ним к Степану и к Семому приезживал, что Цесарева жалованья изготовлено Степану чепь с Цесаревою парсоною (парсуной, то есть портретом императора. — А. С.), парсона с каменьи и жемчюги, а Семому чепь с парсоною ж золотою; и дали де им чеппи без парсон. И он де Тимофей спрашивал пристава их Цесарева дворянина Якуба: преж сего слышали они, что Цесарево жалованье чеппи Степану и Семому изготовлены с парсонами, а дали без парсон? И пристав де Якуб ему Тимофею сказал: как де принесли к Цесарю чеппи казать, что им дати, и Цесарь де парсоны велел отняти: “Слышел де яз про них, что они люди простые, неученые, ничего доброго, oprичь дурости, не делают; прежде сего некоторые послы и посланники, которые прихаживали от Московских Государей, так непригоже не дельывали, и таким де бездельникам собакам парсоны моей давать не пригоже”».

Степан и Семый пытались опровергнуть сказанное переводчиком, заявив, что он сам в европах пьянствовал без просыпу, но вернуть к себе доверие дознавателей им так и не удалось. К списку преступлений послов добавилось и взяточничество: они по собственной воле, ради получения подарков от купцов, приехали в Голландию, посетив князя Морица Оранского и приняв от него дары царю. Это было бесчестье: ведь царь ничего не передавал князю. Не имели права послы брать грамоту и от Гамбургского городского совета, поскольку этот город формально входил во владения датского короля. Причина несанкционированной посольской активности была все та же: Степан с Семым выбирали маршруты путе-

шествий и партнеров по переговорам, исходя из собственных корыстных интересов.

Наконец дознание было завершено, и высокая комиссия, посовещавшись, вынесла свой вердикт, приказав послам скинуть порты. Для науки им всыпали плетей и розог, после чего отпустили с миром. Дело могло бы окончиться и хуже — усечением глав, да знающих людей в разоренной Московии не хватало, потому и поберегли дознаватели гуляк и пьяниц. Надо заметить, что похождения Степана и Семого заставили Посольский приказ внимательнее отнестись к пагубной дружбе своих сотрудников с зеленым змием, и уже в 1649 году русские послы, отправленные в Швецию заключать договор о перебежчиках, получили следующий примечательный наказ: «А дворяном и посолским людем приказати накрепко, чтоб они сидели за столом чинно ж и остерегательно, и не упивались, и слов дурных меж собою не говорили; а середних и мелких людей и упойчивых в полату с собою не имати, для того чтоб от их пьянства безчинства не было, а велеть им сидети в другой полате по тому ж, стройно, а бражников и пьяниц на королевин двор с собою не имать».

Анекдоты о «подвигах» русского посольства в 1614 году долго гуляли по европейским столицам, формируя пренебрежительное отношение к «казацкому царю» и его приближенным.

В Стокгольме считали, что не признанный в Европе властитель, окруженный никчемными дипломатами и неумелыми полководцами, должен был пойти на прямые переговоры со шведской короной. Однако русские вели себя так, словно были сильны и по-прежнему могли диктовать свою волю соседям. Король Густав Адольф в раздражении писал Государственному совету в июле 1614 года: «Что бы Мы ни делали, русские становятся все более высокомерными и упрямыми». Московиты, как считал король, не желали слушать разумных предложений из-за своих врожденных пороков. Известно, что эту нацию отличали «дурная природа и грубое высокомерие», затруднявшие цивилизованное общение даже с лучшими ее представителями.

Швеция отчаянно нуждалась в мире на востоке, чтобы выстоять против поляков и датчан, которые в любой момент

могли вновь заявить о своих претензиях к Стокгольму пушечными залпами. В январе 1614 года удалось заключить двухлетнее перемирие с Польшей, и нужно было использовать эту временную передышку, чтобы примириться с Москвой. Жители Швеции и в особенности Финляндии страдали от бесчинств размещенных там наемных войск и едва выдерживали бремя военных расходов. Подданные Густава Адольфа не понимали, зачем Швеции нужны русские земли, опустошенные смутой и населенные враждебным народом. «Крепости на востоке, захваченные шведами, необходимы для безопасности страны», — терпеливо объясняли темным массам члены королевского совета. Они «дают русским возможность нападать на Финляндию, поэтому нам лучше встречать врага на его собственной земле, чем пускать его к нам».

Королевские манифесты с объяснением восточной политики, которые зачитывали прихожанам тысячи пасторов во всех церквях Швеции и Финляндии, на какое-то время успокоили недовольство, но новая волна возмущения могла подняться когда угодно. Нужен был быстрый и выгодный мир! Однако король не мог первым протянуть Москве оливковую ветвь, не рискуя, что это будет воспринято как слабость Швеции. Все следовало устроить как новгородскую инициативу, которую снисходительно поддержит Густав Адольф, монарх христолюбивый и великодушный.

Первые попытки прощупать готовность противника к миру были предприняты в начале 1614 года, на самом низком уровне, чтобы в случае неудачи можно было отделаться лишь недоуменным пожатием плеч по поводу ненужной суеты каких-то мелких людишек. К передовым заставам князя Трубецкого был направлен из Новгорода с грамотой посадский человек Иван Филатов сын Железников. Затем предприятие повторили, но дело было представлено так, будто шведы лишь уступают пожеланиям русских. Фельдмаршал Эверт Горн в Новгороде пригласил к себе дворянина Якова Боборыкина, зарекомендовавшего себя по прошлым делам умелым переговорщиком и сторонником союза со Швецией, и попросил его внушить горожанам, что, если те будут бить челом Эверту Горну об отправке посольства «к государевым боярам» о мирном постановлении, он к этой просьбе отне-

сется благосклонно. «Но бояре не должны знать о состоявшемся разговоре!» — отечески внушал Боборыкину фельд-маршал.

Представительное новгородское посольство отправилось к князю Трубецкому искать с Москвой мира, но прием оказался еще более унижительным, чем прежде. Ответом была лишь грубая брань, причем на этот раз досталось не только «изменникам» новгородцам, но и самому Делагарди, назвавшему письмо князя «бессовестным» и «мужланским». «Тот, кто хочет вести дела с русскими, обязательно должен запастись палкой за поясом», — уверял Делагарди своего друга канцлера.

Гнев новгородского наместника был понятен: предводитель московского воинства в очередной раз обвинил полководца в воровстве денег, предназначенных для выплаты шведским наемникам летом 1610 года. Из-за этого наемники перебежали в разгар сражения при Клушине на польскую сторону, что привело к катастрофе соединенного войска и падению царя Василия Шуйского. Предательство шведов, как утверждал Трубецкой, полностью освобождало нынешнего царя от прежних обязательств Москвы по отношению к Швеции. Русские не собирались даже примириться с передачей шведам Корелы — об этом заявляли их послы при всех европейских дворах, а очищение Новгорода Трубецкой называл в качестве предварительного условия мирных переговоров. Московские бояре, сидя в своей сожженной столице, казалось, сошли с ума, перечеркнув годы смуты и разорения. Они как будто мысленно перенеслись в прошлое, в процветающую и могучую Московию начала правления Бориса Годунова. Об их отказе примириться с действительностью свидетельствовало даже упоминание в титуле царя Михаила «Лифляндский», хотя все попытки москвитов захватить эту землю закончились поражением еще при Иване Грозном. Вывод из всего этого можно было сделать лишь один: в Москве просто некому формировать внешнюю политику, основанную на реалиях нового времени.

По доходившим в Стокгольм и Новгород слухам, юному Михаилу Романову Бог отказал в государственном уме и сильном характере, и, как всегда бывает при дворах подоб-

ных монархов, окружение погрязло в интригах и борьбе за власть, мало заботясь о государственной пользе. Перебравший к шведам дворянин Михаил Клементьев свидетельствовал, что молодой царь «не особенно занимается делами управления, а от природы имеет грубый и ограниченный ум и к тому же склонен более к безбожным и мерзким делам содомитского свойства нежели к христианским добродетелям. Поэтому эти содомитские дела входят здесь в ежедневный обиход».

Если в Стокгольме считали русское упрямство не поддающимся логическому объяснению, то и в Москве к шведским притязаниям относились с сарказмом. Лазутчики доносили, что шведское господство в Новгородских землях подходит к концу. Захватчики оказались в положении саранчи, съевшей все вокруг и теперь погибавшей от голода.

Местные крестьяне, ожесточенные поборами, сожгли после окончания молотбы солому, чтобы она не досталась шведским лошадям. Сена возле Новгорода накосили мало — народишко разбежался, — а в окрестностях Пскова на 100 километров вокруг шведы запретили сеять хлеб и косить сено, желая взять бунтовщиков измором: эта мера впоследствии ударила по ним самим.

Финские солдаты, посланные на заготовки сена, роптали из-за невыплат жалованья и выполняли крестьянскую работу спустя рукава, иностранные наемники вообще отказывались брать в руки косы. К маю 1614 года начался голод, пришедший, как всегда, рука об руку с болезнями. 12-тысячное шведское войско в России было распылено по крепостям, Делагарди мог собрать для отпора Трубецкому лишь пять тысяч озлобленных и оборванных солдат, с трудом волочивших мушкеты. Конным казачьим рейдам ответить было нечем. Три тысячи всадников, устроившись на ставших бесполезными седлах, варили в чанах своих слдохших от голода или собственноручно убитых скакунов.

Делагарди писал королю, что воины «вынуждены есть конину, пока она еще есть, поскольку пехотинцы отбирают у всадников лошадей при любой возможности». Король в ответ советовал спалить и ограбить Новгород, население выгнать, знатных людей вывезти в Выборг в качестве залож-

ников и отступить. Полководцу не следовало идти «против Бога, природы и высших сил до последнего».

Осада лагеря Трубецкого у Бронниц шла из рук вон плохо и могла в любой момент привести к бунту шведских наемников. Казаки стреляли из луков в направлении противника «агитационными стрелами», с привязанными к ним листовками, в которых призывали шведов переходить на их сторону, обещая, что ни в еде, ни в деньгах недостатка не будет. Полсотни человек уже перебежало к русским, остальные пока стояли на позициях, мечтая дождаться приезда в лагерь Делгарди, чтобы его растерзать. Однако полководец, умудренный печальным клушинским опытом, войскам не показывался, предпочитая следить за развитием событий издалека.

К концу июня, однако, позиционная война у Бронниц принесла шведам крупный успех. Казаки Трубецкого располагались в четырех шанцах, устроенных по обеим берегам реки Мсты, и вызвать их из укрытий на открытый бой было невозможно. Два полковника, шотландец Коброн и голландец Моннихофен, руководившие осадой, медленно и упорно тянули апроши к позициям русских, и, постепенно приблизились к ним так близко, что слышны были разговоры в лагере противника. 27 июня Коброн повел свой полк на штурм одного из шанцев и, уничтожив 300 его защитников, взял земляную крепость. Еще один шанец пал под градом камней, которыми шведы осыпали казаков из подведенных под самые валы мортир. Трубецкой было разгромлен. Большая часть его войска разбежалась, а 400 казаков, сдавшихся на милость победителя, встретили страшную участь. Всех их зарубили по приказу Делгарди, отомстившего таким образом Трубецкому за его оскорбительное послание.

Последний удар по москвитам, который должен был заставить их сесть за стол переговоров, решил нанести лично король. Юный монарх не мог смириться с мыслью, что в лавровом венке героя, который когда-нибудь увенчает его голову, не будет листьев за разгром русских. Густав Адольф объявил, что лично возглавит войска, которые приступят к осаде Гдова — крепости, оберегавшей подходы к последнему большому оплоту русского сопротивления на северо-западе — Пскову.

Напрасно королева-мать и советники уговаривали упряма остаться в Швеции. Пусть Густаву Адольфу не дорога собственная жизнь, но ему следует подумать об интересах государства! Ведь если король будет убит, Швеция станет легкой добычей ее врагов! Войска в России ненадежны, монарх может оказаться в руках бунтовщиков. А в случае поражения насколько тяжелее будет заключить мир с русскими! Ведь победа над королем ценится куда выше разгрома одного из его подданных — тщеславные москвиты будут глухи к любым призывам к миру. Наконец, поход Густава Адольфа в Россию придаст военной кампании совсем другое значение, русские воспримут это как вызов, и тогда уже точно длительной войны не избежать. Швеция же преследует в России, как пытался внушить воинственному юноше канцлер Оксеншерна, куда более скромные цели. Война ведется «более ради безопасности государства и достижения мира, чем из-за враждебности или стремления заполучить большие территории и множество крепостей».

Все увещания были тщетны. Густав Адольф с детства отличался сильной волей и упрямством. Он — король, и он принял решение. Честолюбивые мысли подкреплялись и романтическими мотивами: Густав Адольф переживал свою первую любовь и мечтал положить к ногам избранницы, Эббы Брахе, состоявшей фрейлиной при его матери, покоренную русскую крепость. Незримые путы, свитые родными и советниками, были порваны, и Густав Адольф в конце августа появился в шведском лагере под Гдовом.

Хотя король благоразумно не вмешивался в распоряжения опытного Эверта Горна, возглавлявшего осаду, показывая, что прибыл под стены крепости учиться военному делу, а не отдавать распоряжения, психологический эффект от его присутствия был велик. Защитники Гдова понимали, что лишь крайняя необходимость может заставить шведов снять осаду, поскольку в их лагере находится королевская ставка.

После многодневного артиллерийского обстрела, в результате которого обрушилось более трети 400-метровой стены, окружавшей крепость, и двух яростных штурмов 10 сентября 1614 года Гдов пал. Русские выторговали себе почетную капитуляцию: в обмен на сдачу крепости Густав Адольф раз-

решил им свободно уйти куда вздумается, с оружием и всеми пожитками.

Десять дней спустя после этого триумфа король отправил Эббе Брахе письмо, написанное в высокопарном стиле того времени. Это был отчет богобоязненного рыцаря о подвиге, совершенном во имя прекрасной дамы: «В особенности возношу я хвалы всесильному Господу, который удостоил меня чести осилить моих врагов».

Пошли дожди, дороги размокли и вот-вот могли стать непроезжими: природа своей властью объявляла перерыв в военных действиях до зимы. Больше в России делать было нечего. В конце сентября триумфатор вернулся в Швецию, оставив Эверту Горну инструкцию, предписывавшую заставить Новгород просить о вхождении в состав Швеции. Это письмо фельдмаршал благоразумно скрыл от новгородцев, боясь открытого разрыва с ними.

К концу 1614 года Швеция получила новые козыри для мирных переговоров с Москвой: Трубецкой был разбит, Гдов взят, в шведском тылу оставался лишь Псков, надежно изолированный окружающими шведскими крепостями. И тем не менее «казачий царь» Михаил Федорович не торопился мириться со шведами, принося на алтарь новой дружбы свои города и сокровища. Да и зачем было спешить, если Бог, по всему видно, вновь обратил свой благосклонный взгляд на православных? Следы польского разорения в Москве еще были видны, но черные пятна пожарищ съезживались с каждым днем, уступая место новостройкам. По всей столице стоял стук тысяч топоров: артели плотников возводили новые избы и купеческие палаты из готовых деревянных конструкций, продававшихся на особом «строительном» рынке. Хороший дом поднимался за день. Москва забыла и о недавнем голоде. Стоило только разогнать царским войскам разбойничьи шайки, промышлявшие по дорогам, как с востока и юга потянулись в столицу продовольственные обозы. Всего было вдоль, еда подешевела. Московское изобилие бросалось в глаза и лучше всяких уговоров склоняло новгородское посольство архимандрита Киприана в пользу царя.

Ведь в самом Новгороде от непрекращающейся войны и шведских поборов речь шла об элементарном выживании.

Каждый день там сбрасывали в общую могилу по полсотни жителей, умерших от голода и болезней. В телеги с трупами впрягались люди: лошадей давно съели или отдали в счет содержания шведского гарнизона.

Принц Карл Филипп превращался в сознании новгородских послов, пораженных московскими переменами, в призрак с далекого Севера, тень которого лишь на короткое мгновение легла на Великий Новгород. Да и был ли он вообще? Первым принес тайную присягу Михаилу Федоровичу дворянин Яков Боборыкин, которому Делагарди и Горн доверяли более всех остальных новгородцев. За ним решились на смену властелина и другие, когда вместе с московскими боярами придумали способ защитить Новгород от шведского гнева. Киприан получил две грамоты — одну, суровую, для шведов, в которой царь возмущался предательством новгородцев и грозил им всяческими карами. Другая, настоящая, предназначалась для тайного распространения среди жителей. В ней Михаил Федорович скорбел о тяжелой судьбе Новгорода, оказавшегося временно во власти врага, и обещал его скорое освобождение. Бояться новгородцам было нечего: царь обещал им свою милость и снисхождение.

Так Новгород и Москва за спиной шведов протянули друг другу руки дружбы. Но как вернуть оторванный шведами кусок русской земли в лоно Московского государства, если Стокгольм на правах победителя диктовал невыносимые условия мира? Но и здесь Бог указал выход, послав царю предложения о посредничестве сразу трех государств: Дании, Нидерландов и Англии.

Датский посол, прибывший в Москву первым, советовал ни в чем не уступать, и шведы со временем откажутся от всех своих притязаний: Копенгаген брал на себя ведение переговоров. Предложение, что и говорить, выглядело заманчивым, но боярам пришлось отклонить датскую помощь. Королю Христиану выгоднее было сорвать мирное соглашение и вновь столкнуть Швецию и Россию лбами. Дании нужна была война на востоке, чтобы ошипать свою скандинавскую соседку с наименьшими потерями. Куда серьезнее выглядели предложения нидерландских Генеральных штатов и Англии. Эти купеческие нации хотели видеть и в Швеции, и в Рос-

сии мир, способствовавший их торговле. Голландцы держали сторону Швеции, главного поставщика меди на европейские рынки, а при английском дворе сильнее было русское лобби в лице могущественной Московской компании, еще со времен Ивана Грозного имевшей привилегии на торговлю с Россией.

В декабре 1614 года в Москве вместе с возвратившимся из Лондона русским посольством появился английский посол Джон Меррик, вручивший царю грамоту государя. Прежде всего английский король просил «брата» «вперед держати всякие те вольности, которые были преж сего у наших подданных в ваших государствах», а уже потом предлагал посредничество в заключении мира со Швецией. Интерес англичан был понятным и справедливым, а личность самого Джона Меррика вызвала у обычно подозрительных к иностранцам бояр исключительное доверие: этот почти свой, русский. Этот не продаст.

Джон Меррик почти тридцать лет провел в России, поднавшись за это время от простого агента Московской компании до главы ее представительства в России. Он давно обрусел, превосходно говорил по-русски и для удобства ведения дел даже просил называть его Иваном Ульяновичем. Так его и именовали в Московии, в том числе и в официальных документах, иногда прибавляя к его русскому имени для значимости княжеский титул.

Плохо только, что Меррик уж слишком отталкивал Голландию от участия в переговорах, всячески очерняя ее в глазах бояр и предлагая вообще не вести с ней дел — ни политических, ни торговых. Бояре понимали, что у англичанина был свой интерес: Лондон хотел избавиться от опасных конкурентов в России. В думе посовещались и решили принять посредничество и Англии, и Голландии. Пусть конкуренты приглядывают друг за другом да за русскую выгодную дружбу бьются. Нельзя англичан в России одних оставлять.

В начале 1615 года по дорогам между Москвой и Новгородом поскакали гонцы, пряча под одеждой от людских взглядов сумки с письмами и инструкциями. Прежде чем посредники могли начать свою работу, предстояло договориться не только о титулах шведского и русского государей, но и о том,

как называть их верных слуг, которым доверили вести важное дело. И упаси Боже даже такой мелкой сошке, как гонцу, сделать неверный шаг, нарушив писанные и неписанные правила этикета!

Защита чести своего государя начиналась с мелочей. Важно было не только знать, когда слезать с коня (представителям двух переговаривающихся сторон следовало спешиваться одновременно) и при произнесении каких ритуальных фраз снимать шляпу, но и как осуществлять свои мелкие физиологические потребности, если приспичило. Например, если дипломат захотел плюнуть в присутствии высокого представителя зарубежного государства, не говоря уже о самом государе, надлежало немедленно наступить на плевок ногой. Забылся — оскорбил иностранную державу и сорвал важную миссию!

Поэтому не будем удивляться, что первые робкие мирные контакты Швеции и России привели к конфликту. Думские бояре были вне себя от возмущения. Шведский гонец доставил в Москву письмо от фельдмаршала Эверта Горна, в котором тот посмел величать себя на русский манер, с «вичем», точно он был боярин: Эверт Карлусович Горн. Наглеца отчитали, помянув ему, что прежде никогда шведы не называли себя в общении с русскими полным именем, с отчеством, как бы высоко они ни стояли у себя в земле. Да и сам фельдмаршал прежде именовал себя просто Эвертом Горном.

Упрямый швед на умаление своего достоинства ответил той же монетой, оскорбив первого думного боярина Федора Мстиславского и его товарищей тем, что «забыл» назвать их по отчеству. Свое внезапное «обрусение» он объяснял тем, что шведы прежде не знали, как важно для русских написание имен значимых особ с отчеством, а теперь эта тайна раскрыта, и он, Эверт Горн, как человек высокого происхождения, не намерен поступаться своим достоинством: «А что мы с своей стороны себя “вичи” описывали, которые вы нам в гордость почитаете, и то с вашего обычая учинено, потому что мы для лутчего выразуменя к вам, по вашему русскому языку и обычаю писали, занеж уразумехом, что вы добрых переводчиков не имате, також что та почестная титла у вас меж господина и раба большая есть, ни выше, ни ниже тое почест-

ная титулы в вашем языке не имате. И сего ради мы найначе, особно ж в посолских делах, которые нам ныне приказаны, возхотехом в вашем языке тако описыватис, яко наши предки не писывалис, потому что оне с вами столке не зналися, как мы уже с вами посямест водимся, но иные титулы, которые не токьмо стол высоки но и выше того у нас имянуюцца по нашему языку, в то место имели, якож и по се время всякому по его достоинству чину писатися поволено. Сего ради вам не для чего такие напрасные и плодовитые споры о своем величестве в таких делах чинити, но болши бы об отчизны своей ползы со усердием пецыся».

Стороны обменивались тычками и чванились, упрекая друг друга в бескультурье и неуважении к чужому государю и его верным слугам. Тон посланий мог создать впечатление у робкого человека, что еще чуть-чуть — и грянет война. Но дипломаты были людьми с крепкими нервами и, оскорбляя друг друга, прекрасно понимали, что грубые слова, точно гать на болоте, устилают дорогу к миру, помогая сторонам сближаться без потери достоинства. Если во время предыдущих мирных переговоров в 1594 году, закончившихся Тязинским миром, шведские комиссары ужасались, что их русские партнеры использовали «такие слова, что и подумать немисливо, что все это приведет к перемирию или миру», то с тех пор шведская дипломатия успела закалиться. Они на вас орут, а вы еще пуше дерите глотку и грубите, инструктировал своих комиссаров Густав Адольф. Молодой человек был прирожденным полководцем и рассматривал переговоры как разновидность сражения. Если враг ударил из пушек, для победы нужно ответить двойным залпом!

Дело действительно пошло. 15 июня 1615 года в Новгород прибыл английский посредник в сопровождении пятидесяти москвитов. Джон Меррик объявил, что ему поручено добиваться соглашения о перемирии, за время которого страсти улягутся и легче будет говорить о мире. Но эта уловка не устраивала шведов, понимавших ход мысли лукавых москвитов: русская держава, получив передышку, окрепнет, а там, глядишь, на Швецию вновь обрушатся датчане или поляки. Тогда уже Москва сможет диктовать свои условия поставленному на колени противнику. Горн отверг пред-

ложение посредника: король хочет вести переговоры о мире. Иначе война.

Меррик из Новгорода отправился в Нарву, на встречу с Густавом Адольфом, где изложил ему условия великого князя: мир возможен только в том случае, если шведы уйдут из всех захваченных областей и выплатят компенсацию за нанесенный ущерб. В протокольных вопросах русские также проявляли поразительную дерзость, возмущившую короля. Эти шельмы, как их именовали при королевском дворе, требовали, чтобы шведы первыми назвали их великого князя — «казачьего царя», вознесенного на престол толпой разбойников, — полным титулом! А уже потом они соблаговолят почтить полным титулом Густава Адольфа. Изворотливый Меррик хотел убедить шведов, что разделяет их возмущение: русские, мол, не привыкли прислушиваться к голосу разума и принимать рациональные решения, а следуют своим собственным представлениям, не имеющим ничего общего с реальностью. А потому, неожиданно заключил английский посредник, нужно к ним приспособливаться, если хочешь чего-то достичь. Король с трудом сдерживал ярость. Хитрая английская лиса играла краплеными картами, полностью принимая сторону русских! Чего еще ожидать от человека, составившего себе имя и состояние на близких отношениях с москвитями?

Что ж, настало время подтолкнуть великого князя к миру иным способом. У шведов были в запасе последние аргументы — пушечные ядра. «Все, чего можно отныне достигнуть, сделать можно лишь острием меча», — писал Густав Адольф Делагарди.

В начале июля 1615 года король с семитысячным отрядом высадился в Нарве и двинулся оттуда к Пскову. Этот город, расположенный в окружении оккупированных шведами территорий, был для них как больной зуб, от которого раскалывалась вся голова. Пока стоял Псков, нельзя было рассчитывать на повиновение всего русского северо-запада.

Густав Адольф понимал, что мощная Псковская крепость — это не маленький Гдов, который так легко пал под ударами осадной артиллерии. О стены Пскова в августе 1581 года разбилось наступление стотысячной армии выдающегося пол-

ководца, польского короля Стефана Батория, потерявшего за время осады более пяти тысяч солдат. «Любуемся Псковом! Боже, какой красивый город, точно Париж! Помоги нам, Господи, с ним справиться!» — эта запись в дневнике похода Стефана Батория так и осталась нереализованным пожеланием. Так же, как 36 лет назад, «Русский Париж» сиял летом 1615 года позолоченными и посеребренными маковками пяти десятков церквей и монастырей из-за валов и стен, дразня честолюбие шведского короля и разжигая алчность голодранцев со всей Европы, наемных сражаться под шведскими знаменами. Впрочем, в шведском лагере среди палаток вздымались и русские хоругви: Новгород, верный присяге Карлу Филиппу, прислал в помощь своему покровителю, шведскому королю, большой отряд дворянского ополчения. К началу осады 30 июля в распоряжении Густава Адольфа было 13 знамен конницы — более двух тысяч рейтар, — сорок рот пехоты в составе шести тысяч человек и двести артиллеристов.

Сражение за Псков началось для шведов неудачно. Фельдмаршал Эверт Горн, на которого было возложено практическое руководство осадой, решил показать солдатам пример доблести. Он пренебрег советами приближенных остаться в лагере или, по крайней мере, одеться поскромнее и выехал на рекогносцировку под стены крепости в роскошном сияющем панцире, издав издав выдававшем его высокое положение. Из ворот навстречу неприятелю вылетела русская конница, завязалась быстротечная схватка, и цель вылазки была достигнута: шеголь в дорогих доспехах был смертельно ранен. «Пострелен в главу из пищали», — лаконично сообщает о причине гибели фельдмаршала русская хроника.

План осады, предложенный Горном, пришлось осуществлять его подчиненным. Шведская армия, не рискуя идти на немедленный штурм, стала зарываться в землю. К концу августа Псков был охвачен кольцом временных укреплений. Шведы поставили шесть деревянных городков, не считая рвов, туров и плетней, прочно защищавших их позиции. Через реку Великую навели два моста, облегчавших передвижения войск. В пяти километрах севернее Пскова, на Снетной горе, возле развалин монастыря, расположилась коро-

левская ставка, в центре которой был возведен деревянный дворец с большим тронным залом. Королевский проповедник Рудбек писал из Пскова, что район монастыря хорошо укреплен самой природой, почти полностью обтекаем водой, а с остающейся сухопутной стороны прикрыт рвом и стеной.

Инженеры сообщали, что взять город, взорвав стены минами, заложенными в подведенных тоннелях, практически невозможно из-за каменистой почвы. Оставалось положиться на пушки. В районе Гдовской дороги, между Ильинскими и Варлаамовскими воротами была установлена мощная двадцатиорудийная батарея — именно здесь шведы рассчитывали обрушить стены и ворваться в город.

Конечно, нельзя было исключать и того, что крепость удастся взять измором. Вся местность вокруг Пскова была предусмотрительно опустошена еще с весны — шведы запретили крестьянам сеять в радиусе ста километров от города, а подвоз припасов из дальних областей надежно блокировался заставами. Кто знает, может, русские, как это случилось при осаде Новгорода, перессорятся между собой и лучшие люди, уставшие от казачьего и стрелецкого террора последних лет, убедят оголодавшую чернь открыть ворота милостивому шведскому королю?

Но в 1615 году время раздоров среди русских уже прошло. Царь, пусть и выбранный сомнительно, и слишком юный, и не первой среди боярства фамилии, объединил разорванные Смутой слои общества. В Пскове верили, что Москва не даст их в обиду. Четыре тысячи казаков и стрельцов, составивших гарнизон крепости, как гласит летопись, «меж себя крест целовали, что битца до смерти, а города не сдать... Из города к королю переметчиков никоим образом не было».

Дух осажденных укрепился присланной из Москвы грамотой о скором подходе войска, которое доставит хлебные запасы. В царском наказе говорилось: «Послать в Псков, сообщить, что боярин и воевода Федор Иванович Шереметев с товарищи и со многими людьми и с нарядом пришли в Торопец, а из Торопца идут ко Пскову на Немецких людей наспех, и они б, прося у Бога милости, во Пскове сидели крепко и надежно безо всякия боязни и с Немецкими людьми билися, сколько Бог помочи даст».

Крепкая государева рука чувствовалась и в строках наказа войску, призывавших к забытой за годы Смуты дисциплине: «Да и того велеть беречь накрепко, чтоб атаманы и казаки и всякие ратные люди в полках, и отъезжая, по дорогам и по селам и по деревням никого не били и не грабили, и насильства никакого не делали, и зерню не играли, и корчем и блядни не держали; а кто кого учнет грабить, или зерню играть и блядню держать, и тех велеть бить батоги и давать на крепкие поруки, что им впредь не воровать; а кто от того не уймется, и тех за воровство бить нещадно. Да о том заказ крепкий учинить, чтобы без ведома из станов и на походе из полков атаманы и казаки и стрельцы не разъезжались никуды; а кому куды для какого дела лучится ехать, и они б ездили, являясь им боярину и воеводе Федору Ивановичу с товарищи».

При обещании такой помощи — не толпами разбойников, которые хуже шведов, а крепким войском, повинующимся начальникам, — можно было держаться! Хотя отряды воеводы Шереметева так и не смогли пробиться к осажденным, застряв в стычках со шведами, эта протянутая из Москвы рука помощи поддержала дух псковских защитников в первые недели осады.

Почти полтора месяца шведы с трех сторон обстреливали город калеными и чугунными ядрами, используя привезенную из Нарвы мощную осадную артиллерию. В стенах возникли бреши, пылали подожженные дома, но Псков держался. Русские производили вылазки, во время одной из которых даже сумели на короткое время захватить позицию шведской батареи. Критический день наступил 17 сентября, когда после особенно яростной бомбардировки шведские штурмовые колонны пошли в проломы, сделанные в стене напротив 20-пушечной батареи. Наемникам удалось захватить Наугольную башню, но на этом их наступательный порыв иссяк. Вскоре казаки выбили шведов из крепости. Проломы заделали бревнами и землей. Московиты не желали покориться королевской воле.

9 октября — после трехдневной бомбардировки — новый штурм. Основной удар опять пришелся в районе Варлаамовских ворот, по которым швыряла ядра из-за Великой главная

шведская батарея. Вновь шведы взошли на Наугольную башню, но защитники города сумели взорвать ее вместе с засевшим там неприятелем. Провалилась и попытка проникнуть в крепость по воде. Солдаты Генриксона переплыли на плотах Великую и, выломав железные решетки, закрывавшие устье речки Псковы, вошли в город. Через несколько часов они бежали под ударами русских.

Король, наблюдая за атаками с вершины Снетной горы, вероятно, вспоминал предупреждения своих опытных советников, отговаривавших его от личного участия в русской кампании: поражение обернется невосполнимой потерей престижа. Через два дня Густав Адольф назначил новый штурм. Но кажется, сама судьба мешала монарху торжественно въехать в «Русский Париж», затянутый дымом пожаров.

Внезапно по шведскому лагерю прокатился ужасающий грохот, в небо взметнулся столб пламени. Это разорвало от выстрела одну из пушек, огонь попал в пороховой погреб, и батареи не стало. Шведы лишились главного тарана, с помощью которого они методично разрушали город.

Голландские посланники, прибывшие в шведский лагерь для консультаций с королем о заключении мира, стали свидетелями последней отчаянной попытки Густава Адольфа овладеть Псковом. Вот запись из дневника посольства от 19 октября: «Никто не встречал. Его величество в это время напал на город с той стороны, где часть каменной стены была пробита пушками, и отряд его войска стал пробираться на стену, но шведы должны были отступить, потеряв около 20 убитых и 30 раненых. Город Псков весьма велик и многолюден, и в него спаслось много жителей из окрестностей. Русские сверх того умеют лучше защищаться, чем осаждать города или сражаться в открытом поле. К тому же осадное войско короля было весьма обессилено смертями и болезнями, так что осталось здоровых не более трети того войска, которое было собрано при начале осады, что было известно и осажденным; поэтому-то они и защищались бодрее, несмотря на то, что голод начинал теснить их».

Наемников охватило уныние. Это была не та война, которую им обещали красноречивые вербовщики в европейских кабаках. Последний нищий в Гааге или Эдинбурге жил луч-

ше, чем солдаты Густава Адольфа! Опустошенная местность не давала пищи, а на пути подвоза припасов из Швеции встала штормовая Балтика. Октябрь 1615 года выдался по-зимнему холодным, исхлестанные пронзительными ветрами палатки шведского лагеря днем заливало дождями, а к утру полотно покрывалось ледяной коркой. Каждый день в этих убогих жилищах становилось все просторнее; одни умирали, другие, отчаявшись получить обещанную плату, перебежали к русским.

Было много обмороженных, но известный способ лечения — намазывание пораженных мест мозгами убитой вороны — использовать было нельзя: голодные солдаты съели всех пернатых и привычного на поле боя карканья этих вестниц смерти уже давно не раздавалось. Чумные по предписанию лекарей скорбно пили собственную мочу, но старуха с косой лишь ехидно усмехалась по поводу этих жалких попыток сбежать от нее. Основатель шведской военно-полевой медицины доктор Юхан Копп предписывал еще в 1566 году лечить заразные болезни солдат голоданием, объясняя в своем учебном трактате этот метод следующим образом: «Излишние пища и питье не могут хорошо усвоиться и превращаются в злые и вредные жидкости, приводящие к ужасным лихорадкам, болям в желудке, груди, голове и другим мучительным заболеваниям».

Но как можно было следовать столь мудрому предписанию, если солдаты и без того превратились в ходячие скелеты? Оставалось лечить больных единственным доступным в тех условиях способом — кровопусканием. Рекомендация классика была проста: где болит, там и вскрывать сосуд. Солдатская кровь лилась при штурмах Пскова, а ее остатками поливали русскую землю брадобреи, совмещавшие обязанности хирургов.

Из лагеря доносились стоны больных и умирающих. Густав Адольф начинал понимать, что осада провалилась. Единственным приятным моментом в походе на Псков стала встреча с Маргаретой Слотс, прелестной юной женой голландского офицера, сутками пропадавшего на позициях. Атака на эту крепость пошла куда успешнее, чем попытки овладеть Псковом. Вскоре голландка выкинула белый

флаг, и с тех пор в грохот канонады вплетались звуки любовной страсти, доносившиеся из королевской спальни в тереме на Снетной горе. Вскоре муж-рогоносец погиб, и это была, пожалуй, единственная смерть, по поводу которой у короля не было особенных причин огорчаться.

Густав Адольф успешно лечился в объятиях голландки от тоски по своей далекой возлюбленной Эббе Брахе. Вскоре боевая подруга короля забеременела и в мае 1616 года произвела на свет мальчика, названного в честь отца Густавом Густавссоном и возведенного в графское достоинство.

Неизвестно, сколько еще графов могла бы получить Швеция в результате псковской осады, если бы она затянулась. Но 17 октября, после неудачи третьего штурма, король приказал грузить пушки на суда и сворачивать лагерь. Было объявлено, что этим поступком Густав Адольф протягивает великому князю руку дружбы, надеясь на заключение справедливого и быстрого мира.

Дипломатам приходилось начинать все сначала, вырывая у русских победы, упущенные военными. Перед голландским посольством во главе с Рейнгоутом ван Бредероде, предложившим Густаву Адольфу свои посреднические услуги, была поставлена почти невыполнимая задача. Король, несмотря на псковскую неудачу, вел себя как победитель, объявив посредникам свои условия: Швеция заключит мир, если великий князь выплатит ей контрибуцию в размере семи миллионов риксдалеров (70 бочек золота) и откажется от всех приморских крепостей. Канцлер Оксеншерна после аудиенции пояснил голландцам мысль короля: территориальные уступки должны быть таковы, чтобы Московия оказалась полностью отрезана от Балтики.

К середине ноября завернули такие холода, что установилась крепкая зимняя дорога, по которой лошади резво тащили сани послов, нагруженные припасами, подаренными шведским королем. Глушь, ужас. Мрачные хвойные леса тянулись по обе стороны дороги, которая, казалось, вела на край света. Только бы на скрип полозьев и стук копыт по твердому насту не вылетели из леса волки, только бы не устроили засаду разбойники! Путь пролегал по опустошенному войной краю, обезлюдевшему и одичавшему. Швед-

ские комиссары, встретившие голландцев 19 ноября на льду замерзшего озера, рассказывали страшные истории. Шиши, которыми кишели здешние леса, только что поймали двух шведских рейтар, обезглавили их, а затем, куражась, велели их слугам бросить жребий, кто из них будет рубить голову другому. Полубезумного счастливца, отправившего на тот свет приятеля, разбойники отпустили восвояси — чтобы сеял в округе ужас своим рассказом.

Шведские уполномоченные определили голландцам место для ночлега, это были семь или восемь опустевших изб, все, что осталось от большой сожженной деревни. В одной нашли человеческий скелет. Дома окружили палисадами, шведы выставили на ночь охрану из трех десятков солдат. Голландцы заснули под вой волков, бродивших под самыми стенами.

Несколько дней жили в неизвестности, но вот лед тронулся. Посланный английского посредника Меррика привез оскорбительное письмо от русских уполномоченных. Тем не менее те подтверждали свою готовность к съезду. Долго выбирали место встречи: русские требовали, чтобы переговоры состоялись в двадцати километрах в глубине их территории, шведы и голландцы не хотели двигаться с места. Наконец Меррик достиг компромисса: съезд будет в деревне Дидерино. Третьего декабря наконец и сам англичанин почтил голландцев своим появлением, объяснив, что раньше не мог приехать из-за плохой погоды. Однако на самом деле он всячески оттягивал встречу, надеясь, что голландцы отправятся восвояси, не выдержав пребывания в неизвестности в русской глуши. Ему донесли, что Густав Адольф снял осаду Пскова под давлением нидерландского посольства, — этот подвиг мог быть вознагражден получением голландскими купцами льгот в России, и Меррик с трудом сдерживал злость. Но сотрудничать со злейшими торговыми конкурентами Англии все же пришлось, поскольку 28 ноября пришло письмо от великого князя, в котором он подтвердил полномочия голландцев.

Англичанину, несмотря на его интриги и ревность, нельзя было отказать в ловкости. Он преодолел главное формальное препятствие, мешавшее сторонам приступить к разговору по существу: вопрос о титулах обоих монархов. Великий

князь упорно включал в свой титул наименование «Лифляндский», и пропустить это значило, что шведы соглашались с русскими притязаниями на Лифляндию. Кроме того, в пышном перечне царств и княжеств, над которыми властвовал великий князь, появилась формулировка «и иных многих государств Наследный Государь и Обладатель», которую русские прежде не использовали в общении со шведами. Здесь чудился подвох, который мог иметь самые непредсказуемые последствия. Ведь земли, на «обладание» которыми претендовал русский самодержец, названы не были. Но Меррик разрубил гордиев узел, уговорив стороны использовать сокращенные титулы обоих монархов, чтобы никому не было обидно. Глава русской делегации князь Данило Иванович Мезецкий принял предложение, пообещав, что лишь однажды, в самом начале переговоров, назовет своего властителя полным титулом, включая «Лифляндский», а затем ни разу не произнесет этого слова.

Как только утрясли дело с монархами, поднялся на дыбы один из шведских комиссаров, Якоб Деллагарди, ставший в марте 1615 года графом. С тех пор главнокомандующий не уставал наслаждаться волшебной музыкой, которой для него звучало словосочетание «граф Деллагарди». И вот русские упустили в одном из своих писем его новый титул, но при этом не забыли назвать князем партнера по переговорам, Данилу Мезецкого. Мало того, у них хватило нахальства объяснить, что бесчестье нанесено сознательно! Данило Иванович Мезецкий, мол, относится к старому княжескому роду, а Якоб Деллагарди — граф молодой, только что испеченный, и эту разницу в их достоинстве можно подчеркнуть лишь одним способом — упустив титул Деллагарди, если рядом стоит высокое имя Мезецкого.

Посредники скандал замаяли, и Деллагарди отстоял свое право именоваться графом. На пирах у Мезецкого, за кубками с испанским и хлебным винами, медами и пивом, князь и граф примирились, общаясь между собой без переводчика: Деллагарди за годы в России научился вполне сносно объясняться по-русски. Однако без ссор не обходилось: слишком много взаимных обид накопилось у бывших союзников. Разгоряченные вином, шведы и русские хвалились своими

заслугами в борьбе с поляками и тушинцами, не желая и слушать о чужих подвигах. В этом пьяном тщеславии был, однако, и государственный умысел: когда идет большая торговля о крепостях и золоте, не время воздавать должное недавнему другу.

Часто русские сводили разговор на злосчастную битву при Клушине, обвиняя шведов в предательстве и намекая на постыдную роль Делагарди в измене наемников. Мол, выдал царь казну сполна для расплаты с солдатами, куда она делась?

Да как смеют русские упрекать его в воровстве, если они сами поступили как последние разбойники, ограбив его донага! Неужели они забыли историю с захваченным обозом Меншика Боранова? Кроме того, царь Василий недоплатил ему обещанное, вот у него есть на то и грамота. «А ты преступил крестное целование царю Василию! — отвечали уполномоченные великого князя. — Только все твои неправды станем теперь вычитати, и тебе будет досадно». Делагарди едва сдерживался, чтобы не оборвать тонкую нить переговоров, изливая желчь по поводу «этого варварского народа» в письмах другу Оксеншерне.

Настроение шведских дипломатов портилось и из-за все более отчетливой перспективы просидеть в этом диком опустошенном краю долгие месяцы. Под любым предлогом, только бы уехать отсюда! Один из комиссаров, Арвид Тоннессон, молил Делагарди просить короля отправить его домой, он стар и слаб, другой, Монс Мортенссон, жаловался, что почти ослеп и не может писать тексты трактатов. Их можно было понять. Монархи — и русский и шведский — не желали уступать в своих требованиях, а шведы взяли с собой продуктов всего на три недели, рассчитывая завершить в этот срок все дело. Как наивны они были!

Уязвленное самолюбие посланцев Густава Адольфа усиливало их желание покинуть переговоры. Каждая новая встреча сторон заставляла шведов краснеть от стыда. Как изобилен был русский стол, как пышно одеты московиты — от послов до стрельцов охраны, и насколько бедно выглядели подданные Густава Адольфа! К марту 1616 года позор стал настолько нестерпимым, что Делагарди решился обратиться за помощью к королю. Он просил прислать из Финлян-

дии вина и провианта, а для солдат, обеспечивающих переговоры, — приличную одежду, чтобы не испытывать стыда, как это было на предыдущих встречах. Шведские комиссары из-за бедности не могут отвечать русским такими же пирами и фактически стоят у них на довольствии, а солдаты выглядят настоящими оборванцами, русские обзывают их «попрошайками и вымогателями».

Наемники, охранявшие шведских послов, по одному и группами перебежали к русским, а однажды дошли в своем отчаянии до последней низости, украв платье одного из шведских представителей и сбежав с этой добычей к москвитам.

Хотя голландцам и шведским комиссарам удалось снизить первоначальные требования короля к русским с 70 до 40 бочек золота, даже такой выкуп за крепости был, на взгляд здравомыслящего Деллагарди, непомерно высоким. И конечно же, он опасался, что у представителей великого князя, при виде нищеты посольства, может сложиться превратное мнение о шведской силе. Они уже угрожали, если король не пойдет на уступки, заключить соглашение с поляками.

Однако король не отказывался от своего желания выжать из русских максимум возможного, поддержанный в этом своим канцлером. Еще в ноябре 1615 года канцлер Оксеншерн отправил меморандум шведским представителям, в котором писал: «Безо всякого сомнения, русские — фальшивые и могущественные соседи, которые с молоком матери впитали обман и мошенничество, не позволяющие им доверять. Из-за своей силы они внушают ужас не только нам, но и многим своим соседям. Сейчас русские вот-вот сломаются, поскольку самые большие и лучшие их земли находятся либо в руках врага, либо опустошены и пребывают в упадке. Кроме того, их лучшие силы разбиты и у них осталась лишь толпа лесных бродяг. У нас же сейчас есть сила, наше положение несколько улучшилось, поэтому было бы непростительной глупостью выпустить русских и помочь им встать на ноги, предварительно хорошенько не ошипав их. Если мы сейчас пойдем у них на поводу, потом наступит глубокое раскаяние, от которого уже не избавиться».

Канцлер не принимал всерьез возможность заключения русско-польского соглашения, аргументируя свое мнение

следующим образом: «Те условия мира, что Швеция предложила русским, им будет все же легче принять, чем польские. По моему скромному разумению, мир с поляками будет для русских более затруднительным, поскольку польская корона никогда добровольно не уступит Смоленска и, возможно, других земель, находящихся у нее. Из-за близости этих мест к Москве русским будет тяжелее согласиться на их потерю, чем на наши требования».

Обе стороны пытались выяснить содержание тайных инструкций, имеющихся у противника, прибегая к традиционному способу добывания ценной информации — подкупу. Агентом русских в шведском лагере стал переводчик Арн Брук, или Анцы Брякилев, как его называли русские. Этот толмач был так силен выпить, что выделялся даже в те времена невиданного разгула пьянства — из-за запоев Брякилева не раз приходилось переносить встречи, — на этой его слабости и сыграли русские. Брякилева завербовал новгородский дворянин Яков Боборыкин, бывший некогда одним из самых горячих сторонников избрания на русский престол принца Карла Филиппа. Когда этот план провалился и на место младшего брата в качестве новгородского повелителя стал претендовать король Густав Адольф, Боборыкин стал тайным шведским ненавистником. Вернувшись из Москвы домой, где он был в составе новгородского посольства, Боборыкин развернул среди горожан агитацию против присяги Густаву Адольфу. Непокорного дворянина едва не заколол шпагой фельдмаршал Эверт Горн, но после заступничества митрополита и новгородского воеводы Одоевского ограничился высылкой Боборыкина и еще двух бунтовщиков в Выборг. Там Боборыкина кинули в земляную яму, а после взятия Густавом Адольфом Гдова привезли показать королю. О том, как шел разговор новгородца со шведским монархом, можно догадаться, поскольку король распорядился тайно казнить Боборыкина, посадив его на кол. И снова в последний момент пришло спасение. О предстоящей казни случайно узнал посетивший короля английский посредник Джон Меррик и убедил его проявить милосердие. Боборыкина сослали на жительство в Ивангород, где его и встретил после долгой разлуки старый приятель Яков Делагар-

ди. Решив, что ссыльный может пригодиться на переговорах с русскими, Делгарди взял Боборыкина с собой в Дидерино. Как вскоре выяснилось, это было не самое мудрое кадровое решение графа. Боборыкин приложил все силы, чтобы выведать шведские планы, используя для этого пьяницу-толмача. «Списывал списки с немецкого письма, на чем были договор на посольстве», — гласит летопись. По ночам Боборыкин тайно приезжал к русским уполномоченным, передавая им добытые сведения. Более всего князя Данилу Мезецкого интересовал подлинник грамоты о передаче Шуйским крепости Корелы с уездом. Ходили слухи, что документ шведы подделали. Царь Василий Шуйский якобы грамоту не утвердил, и изначально там были лишь печать и подпись его племянника Михаила Скопина-Шуйского. Если это удастся доказать, претензии шведов на Корелу можно объявить недействительными: мало ли что неразумный юноша натворил вдали от дядюшкиной мудрой опеки! Но даже если грамоту заверил сам царь, шведам еще предстоит доказать факт ее существования. Боборыкин получил приказ выкрасть этот документ.

Шпионская эпопея почти четырехсотлетней давности завершилась так же, как это часто происходит в наши дни. В русском лагере оказался «крот», «жилец Михалко Клементьев», перебежавший к шведам и выдавший Боборыкина. Агенту, однако, удалось избежать расправы. Его вовремя предупредил другой русский приближенный Якоба Делгарди — Угрим Лупадин. Боборыкин бежал. Поплатиться за подвиги русского агента пришлось его семье. Мать, трех братьев и трех сестер Боборыкина сослали в Швецию, реквизировав в пользу короны все их имущество и людей.

В конце февраля 1616 года Дидерино покинули голландские посредники, с трудом выдерживавшие грубые наскоки на них Меррика. Впрочем, они считали, что главного добились. Шестого декабря 1615 года при их помощи было заключено трехмесячное перемирие, впоследствии несколько раз продлевавшееся, а русским были предъявлены шведские требования: 40 бочек золота отступного за возвращение крепостей внутреннего пояса русской обороны на северо-западе или расплата полосой земли между Невой и Ладогой с крепостями в этом районе.

Русские также выставили свои условия, объявив о готовности выплатить 30 тысяч рублей за возврат всех крепостей и территорий, кроме Кексгольма: это было в двадцать раз меньше, чем запрашивал король. Крайние позиции определены, оставалось искать компромисса.

Домой голландское посольство возвращалось через Новгород, оставив в своем дневнике описание ужасных бедствий в этом некогда богатейшем городе: «Во время нашего пребывания в Новгороде мы ежедневно выходили из кремля в город и были свидетелями большой нужды и бедствий, царящих там. Здесь и там на улицах видели мы бедных людей, умиравших от голода и холода. По утрам их без всяких церемоний свозили на санях в специальное помещение, где застывшие трупы громоздили друг на друга, как бочки. Один или два раза в неделю трупы вывозили за город, где зарывали их в больших и глубоких ямах. В две самых больших в эту зиму набросали больше 18 000 человек, которые были жертвами ужасного холода, голода и других бедствий. Бедняги, которые еще живы, волочатся по улицам до тех пор, пока их держат ноги, и мы видели мужа, жену и их ребенка, которые поддерживали друг друга под руки. Они почти не имели одежды и выглядели как почерневшие от голода кожа и кости. Они стонали так жалобно, что даже жестокосердные люди не могли не дать им милостыни. Когда они падают на землю от слабости, то ползут, пока могут, между домами в грязи, чтобы умереть в нужде без помощи и утешения».

Город, из которого шведы, казалось, уже выскребли все до последнего, тем не менее подвергался новым чисткам. Гарнизону было нечем платить, и шведский комендант Ханс Бойе, старик, страдавший сильными эпилептическими припадками, получил приказ выдавать солдатам жалование натурой, чем только можно. В кремль волокли колокола, медную и деревянную посуду, бруски железа. Солдаты ломали каменные церкви и монастыри, добывая кирпич для его последующей отправки на продажу в Швецию. 100 кирпичей в 1615–1617 годах стоили в среднем 20 копеек, пять дневных заработков ремесленника. Конечно, русские кирпичи — это не обещанные серебряные далеры, но на войне — как на войне. Там, где стену не брала кирка, наводилась пушка.

В городе-призраке стоял грохот, точно он все еще сопротивлялся вторжению.

Последней ценностью, до сих пор не вывезенной шведами, были великолепные бронзовые ворота с литыми изображениями на библейские темы, украшавшие главный вход в Софийский собор. В 1614 году в только что захваченном Новгороде побывал шведский историк Мартин Ашанеус, которому его 120-летняя бабушка рассказала перед смертью, будто в 1187 году новгородцы захватили в Сигтуне прекрасные медные ворота. Мартин Ашанеус, изучив главную достопримечательность Софийского собора, пришел к выводу, что это и есть те самые знаменитые Сигтунские ворота. Новость об открытии стала известна королю, и весной 1616 года Густав Адольф распорядился вывезти ворота в Швецию.

Спас реликвию для новгородцев Деллагарди. В письме Его Величеству он сообщил, что сами русские отрицают их шведское происхождение, уверяя, что в давние времена ворота куплены в Греции. В любом случае снятие их сейчас чревато народным возмущением, поскольку через них входит в храм митрополит. К тому же русским уполномоченным на переговорах обещано не трогать их святыни. Другое дело, если договор не состоится. Тогда Новгород можно разграбить подчистую: «Мы должны будем взять больше, чем одну эту дверь, которая хотя и красива, но не слишком дорога».

Эти ворота до сих пор украшают Софийский собор. История их появления в Новгороде стерлась временем. Известно лишь, что их изготовили в Магдебурге в 1152–1154 годах по заказу полоцкого епископа Александра для местного кафедрального собора.

Мирные переговоры, прервавшиеся в конце февраля 1616 года, возобновились лишь 31 декабря в деревне Столбово на реке Сясь, в пятидесяти километрах от ее впадения в Ладогу. На новом месте встреч настояли шведы, поскольку сюда им было удобнее подвозить припасы для послов и их свиты.

Предыдущие весну и лето противники собирали войска, готовясь отстаивать свои требования силой. В то же время продолжался заочный торг при посредничестве Джона Меррика. Все было как на рынке, когда и продавец, и покупатель

одинаково упорны, только разменной монетой в данном случае служили земли, крепости и бочки с золотом.

И вот наконец послы, сопровождаемые полутысячными свитами, вновь съехались для обсуждения мирного соглашения. Русские были мрачны, поскольку шведы обошли их в том, что те называли «тщеславными церемониями», прибыв в Столбово последними. Это была неслыханная обида, поскольку соревнование обычно шло на секунды: у русских дипломатов считалось доблестью замешкаться при спешивании с коней при встрече с зарубежными представителями или первыми надеть головные уборы, когда произнесены все титулы иностранного государя. Эти маленькие победы расценивались как дополнительный способ возвышения своего самодержца.

Обеим сторонам предстояло выдержать еще одно важное протокольное испытание: одновременно войти в залу для переговоров. Но как это сделать в крестьянской избе с единственной узкой дверью, где лежал еще не оправившийся от плеврита английский посредник? Меррик нашел выход из положения, распорядившись прорубить в доме вторую дверь. Слуги распахнули двери, англичанин дал сигнал, и обе делегации вступили в помещение — каждая через собственный вход.

Тяжкая торговля началась снова, точно не было многих съездов в Дидерине. Русские хотели получить все свои земли назад сразу, ничего не оставляя в залог, а платить за это собирались сущую малость. «Поверьте душам нашим, что договорим и укрепим, то государь все по нашему закреплению сделает и закрепит, а деньги или иную казну за города емлите, а города государевы очистите и отдайте все», — упорно твердили посланные великого князя, призывая своих партнеров к пониманию ситуации. Конечно, и датчане оставляли в заклад шведские города, но у этих двух народов одна вера и один язык, а православные жители закладных городов начнут на себя руки накладывать.

От предложенных русскими 20 тысяч рублей за города шведы с презрением отказались, заявив, что такие деньги шведский король тратит за один вечер. Московиты на это отвечали следующим образом: «А что говорите: столько денег

выдеть у короля вашего на пиру в один вечер, — как король ваш захочет, так и делает, только чаем, того несостоитца, что по дватцать тысяч на пирех выводити на всякий день: скоро так государю вашему и все свое государство пропировать». Но шведы в обиду своего монарха не дали и возражали с не меньшей язвительностью.

Диалог шел в том же духе, что и два десятка лет назад, при заключении Тявзинского мира, когда кексгольмский воевода Ларс Торстенссон срезал русских неприятным для них сравнением, заявив, что шведские господа «пребывают в своих прекрасных каменных домах и великолепных дворцах, и пьют вино и другие изысканные напитки. Русские же воеводы сидят в своих дымных норах, наливаясь водой и квасом».

Вновь спор зашел о титулах монархов, что едва не привело к срыву переговоров. Шведы встали из-за стола и объявили, что снова будут воевать. Представители великого князя, зная о трудностях Густава Адольфа с вербовкой войска, отвечали ядовито: мол, пусть война. У нашего государя рати не наемные, всегда готовы. Впрочем, резкость и той и другой сторон была показной: на этот раз и шведы, и русские твердо решили подписать мир, каждый раз возвращаясь для продолжения споров в избу английского посредника.

Наконец 27 февраля 1617 года государственное дело пришло к благополучному концу. Послы договорились об условиях мирного договора.

Швеция и Россия торжественно обещали, что все ссоры, происшедшие между двумя государствами от Тявзинского до Столбовского мира, предаются вечному забвению. Новгород, Старая Русса, Порхов, Ладога, Гдов с уездами, а также Сумерская волость (ныне Сланцевский район Ленинградской области) возвращаются России. Ивангород, Ям, Копорье, а также Поневье и Орешек с уездом переходят в шведское владение. Северо-Западное Приладожье с городом Корела (Кексгольм) с уездом также отходят Швеции. Россия выплачивает Швеции контрибуцию в размере 20 тысяч рублей серебряной монетой.

Особенно упорные споры шли о жителях передаваемых Швеции русских территорий. Короне нужны были рабочие руки. Малонаселенная Швеция не могла заполнить пере-

селенцами приобретенные города и деревни, несмотря на развернутую в стране вербовочную кампанию. «И свейские послы почали сердитовать: что де им в пустых городах, только людей выпустить и оставить одни стены», — сообщали в своем отчете о ходе переговоров по этому пункту русские послы.

Наконец договорились о компромиссе. Крестьян и сельских священников, без которых землепашцев на месте не удержать, великий князь навечно отдавал Швеции. Прочие люди — монахи, дворяне и вольные городские жители — могут сами выбирать, где они хотят жить. На раздумье им давались две недели, в течение этого срока шведы обязались бить в набат и дуть в трубы, чтобы никто не забыл о возможности переселения. Затем все русские становились шведами, и великий князь был обязан выдавать назад беглецов, под угрозой новой войны.

Местом заключения соглашения о границе стал специально построенный мост на пограничной реке Лавуе, впадающей в Ладогу, посреди которого 27 сентября 1617 года встретились русские и шведские уполномоченные.

Каждая делегация прибыла со своим собственным шатром и столом. В два ряда выстроились войска. Все было готово к действию, но возникло новое препятствие: за чьим столом и в чьем шатре собраться? Это был территориальный спор, и никто не хотел уступить ни пяди. Наконец сдвинули шатры вместе точно у пограничной линии. По сигналу полы шатров следовало откинуть, послы, как заводные куклы, должны были одновременно подать друг другу руки и сесть... Но куда? Шведы требовали, если уж русским так важно подписать соглашение за их собственным «государевым» столом, вдвинуть его одной половиной в шведскую палатку, оставив другую половину на их собственной территории. Русский посол князь Федор Борятинский отказывался: такое размещение означало бесчестье для великого князя.

Долго спорили, и шведы уступили: в конце концов, что значит символический временный проигрыш нескольких метров, если они получают в вечное владение огромные территории с многочисленным населением? Шведское посольство перешло из своего шатра в царский, перетащив туда

лишь собственную скамью. Это была крупная победа русской дипломатии. Послы поставили подписи на пергаменте. Грянул ружейный салют. Ударили барабаны. Столбовский мир был окончательно оформлен. В том же 1617 году состоялись торжественные церемонии ратификации договора в московском Кремле и Стурчуркане (церкви Св. Николая) в Стокгольме.

Как докладывали шведские послы, москвиты в очередной раз решили поразить их воображение великолепием одежд и пышностью обряда. По обе стороны царского крыльца от самого дома послов длинными рядами были выстроены полторы тысячи стрельцов. Когда приглашенные, пройдя через красочный живой коридор, поднялись в тронную залу, там их встретили бояре в золотой парче и высоких шапках из чернобурки. Великому князю, восседающему на троне, с поклонами поднесли на золотом блюде крестоцеловальную грамоту. Этот документ «осветили» снизу и сверху, подложив под грамоту икону, а ее саму придавив золотым крестом, украшенным драгоценными камнями. Двое знатнейших бояр сняли с царя корону, третий бережно перенял у него посох. Государь, шагнув, приложился к распятию и поцеловал его. Отныне договор получил «небесное укрепление».

Торжества в Стокгольме, как доносили русские послы, ни в чем не умалили достоинства великого князя, пройдя с подобающим размахом. О том, что на церемониях, где присутствуют москвиты, нельзя экономить, распорядился лично Густав Адольф, поскольку русские «по своей природе таковы, что с большим высокомерием и неотесанностью следят за внешними проявлениями чести».

Сначала палили из пушек, стреляли из ружей и трубили, чтобы создать праздничную атмосферу. Затем послов, пройдя мимо нескольких выстроенных полков, проводили в храм, украшенный драгоценными персидскими коврами. Возле алтаря стоял посеребренный стол с королевскими регалиями. Церковь была полна народу, слух которого в ожидании появления короля со свитой услаждали органной музыкой. Наконец прибыли король, его брат-принц, канцлер и члены королевского совета. Густав Адольф сел на трон, рядом в креслах разместились сановники. Придворные ниже рангом и пред-

ставители города стояли. Упсальский архиепископ, взойдя на высокую кафедру проповедника в середине церкви, произнес прочувствованную трехчасовую речь о благе мира. «И в быных словах король и королевич вставали, и падчи король лежал и плакал с час и болши», — удовлетворенно отмечали царские посланцы.

Затем канцлер Оксеншерна прочел текст мирного договора, и король каждый раз приподнимался с места, когда упоминалось имя великого князя, а послы вставали при произнесении имен русского и шведского государей. Когда чтение закончилось, король, перелистав Евангелие, нашел подходящую цитату, гласившую: «В начале было слово». Положив Библию на грамоту, Густав Адольф прикоснулся к выбранным строкам тремя пальцами, сложенными для крестного знамения, и поклялся от своего имени и имени своих наследников нерушимо соблюдать договор.

Церемония завершилась пушечным и оружейным салютом и роскошным пиром. Для Швеции это было великим событием. Густаву Адольфу наконец-то удалось осуществить дело, задуманное еще Густавом Вазой почти сто лет назад: продвинуть границу так далеко на восток, чтобы отсечь Московию от Балтийского моря, и благодаря этому сделать Швецию посредником в обширной русской торговле с европейскими странами.

Была достигнута и еще одна не менее важная цель. Финляндия отныне была защищена от нападений с востока озерно-речной сетью, обширными болотами и крепостями. Часть границы проходила через Ладожское озеро. «Я полагаюсь на Бога, что отныне русскому будет трудно перепрыгнуть через сей ручеек», — заявил Густав Адольф в своей речи перед сословиями.

Благодаря новым территориальным приобретениям Швеция стала третьим по площади — после России и Испании — европейским государством. «Перевес» к востоку был столь велик и возможности новых приобретений в России казались столь соблазнительными, что король и канцлер даже обсуждали проект переноса королевской резиденции в Нарву, откуда было легче направлять движение империи на восток.

Между тем начались будни воплощения соглашения в жизнь. 13 марта 1617 года, как и договорились, шведские гарнизоны покинули переходящие великому князю города и крепости. Был очищен и Новгород. Из ворот тянулась бесконечная вереница подвод с больными и умирающими. Царские представители следили, чтобы в санях не было пушек, колоколов и церковной утвари, которые шведы обязались оставить в городе. Шведы вышли — и в Новгород торжественно вступили царские послы. Они везли с собой список с чудотворной иконы Тихвинской Божией Матери, спасшей, как считалось, Тихвин от шведов, и царскую грамоту, «с дарованием милостивого прощения всем тем, кои от страха или неволею усердствовали Шведам».

Великий князь спешил убедить новгородцев, что им незачем бояться повторения побоища, которое некогда устроил Иван Грозный лишь из-за одного подозрения о сговоре Новгорода с Литвой. «Которые люди, будучи у Свейских людей, им доброхотали и служили, и во всем были им покорны, и волю их творили волею и неволею, и тех по тому ж мы Великий Государь, по нашему Царскому милостивому нраву, жаловати хотим, никто б ничего от нас Великого Государя не опасался: как было, будучи у Свейских людей в руках, их воли не творити?» — говорилось в царском послании.

Впрочем, ни казнить, ни жаловать было практически некого. Послы великого князя составили опись состояния Новгорода после выхода оттуда шведов, в которой, в частности, говорилось: «На Софийской стороне белых 24 двора, а жильцов в них 25 человек, тяглых 40 дворов, а жильцов в них 49 человек. А опричь того на Софийской стороне дворов нет, вся Софийская сторона стоит пуста, дворы и лавки сожгли». Лучше сохранилась торговая сторона, где шведы не стояли. Там уцелело 429 дворов, в которых писцы зафиксировали 764 жильца.

О причине малолюдства красноречиво говорится в одной из челобитных, поданных царским послам: «Как были в Новгороде немецкие люди, и от их великих налогов и правежев многие посадские людишки сами на себя посягали, давилися, а иные, не терпя великих правежев и мучения, разбрелися розно, да и те людишки на дорогах от литовских и от немец-

ких и от воровских людей побиты, а иные с мразу и с гладу в лесах померли».

На оставленных шведами оккупированных землях началась гигантская инвентаризация. Специально назначенные комиссии считали все — от колоколов, в том числе битых и горелых, до кабацких чанов и пушек. Доносы о русском имуществе, тайно увезенном или спрятанном шведами в нарушение договора, текли густым потоком. Кто-то видел, как шведы ночью вывезли из Новгорода три пушки, укрыв их сеном, кто-то сообщал, что шведы зарыли в землю несколько колоколов, чтобы потом выкопать их и похитить при удобном случае. «Верните! Заплатите ущерб! Докажите, что не брали!» — требовали русские комиссары.

Много хлопот вызывала и борьба за людей. Царские представители жаловались, что шведы насильно удерживают в отошедших к ним городах ремесленников, в том числе пушкарей, а с тех, кто хочет переехать в Россию, берут взятки. Шведы, в свою очередь, обвиняли царских слуг в нежелании высылать назад исконных шведов, толпами перебежавших на земли великого князя в поисках лучшей доли. По огромной приграничной территории шла загонная охота. Как русский царь, так и шведский король старались поймать в свои сети как можно больше народа, пока на границах еще не установлены прочные заставы, а людишки растеряны и не сообразили, куда им лучше приткнуться.

В годы шведской оккупации сотни представителей высших слоев русского общества, от высокородных бояр до мелкопоместных дворян, верой и правдой служили Густаву Адольфу. Они тем более нужны были королю сейчас, чтобы держать в повиновении массу его новых русских подданных. Но великий князь успел отправить многих из этих полезных людей в глубь своей обширной страны, в Сибирь и на Каспий. «Вы их несправедливо сослали. Приведите дворян к границе, и пусть они в нашем присутствии изъявят свою волю, кому хотят служить!» — взывали шведские комиссары. «Они не сосланы, а добровольно отправились служить нашему самодержцу. Вызывать их на границу незачем», — с достоинством парировали русские представители.

Шведам приходилось смириться с тем, что своих былых союзников они уже никогда не увидят. Впрочем, многие знатные русские все же остались на шведской стороне. Они вели сейчас агитацию в отошедших короне городах, призывая жителей сменить подданство. Православие останется в неприкосновенности, а их монархом будет просвещенный и милостивый шведский король, под защитой которого они забудут о тирании великих князей!

Наиболее отчаянные из вербовщиков заезжали и на другую сторону границы, уговаривая население переходить в Швецию. В конце концов русские послы поставили шведам ультиматум, требуя по разным делам присылать в Россию лишь шведов, а не русских, перешедших на их службу: «Чтоб те русские люди меж великого государя нашего, царя и великого князя Михайла Федоровича, всея Руси самодержца, его царского величества и вашего вельможного государя, короля Густава Адольфа Свийского ссоры не учинили: а опроч ссоры меж государей и государств от тех людей чаяти нечево».

Густав Адольф даровал шведское дворянство множеству высокопоставленных русских, перешедших на его службу, с присвоением им гербов и раздачей поместий в новых восточных землях. Так в Швеции появились дворянские фамилии явно русского происхождения: Аминофф, Аполофф, Баранофф, Бутерлин, Клементеофф, Головитс, Калитин, Нассокин, Пересветофф-Мурат, Росладин, Рубзофф. В некоторых гербах, как уверяют знатоки геральдики, не чуждый иронии король навсегда запечатлел переход их владельцев от одного государя к другому. Олени и лани, грациозно скачущие по щитам, развернуты нетрадиционно, направляя свой бег с востока на запад. Впрочем, об измене в сегодняшнем понимании этого слова говорить не приходится. Переход на службу от одного государя к другому считался в Европе обычным делом, верность следовало сохранять лишь своей религии. В этом отношении «рюссбайор» (русские бояре), как целое столетие, вплоть до начала XVIII века, называли в Швеции представителей восточного пополнения шведского рыцарства, свои убеждения не меняли. Лишь их дети, когда в конце XVII века в шведской Ингерманландии началось целе-

направленное искоренение православия, стали переходить в лютеранство.

Если «русские бояре» были свободны в своем выборе и потому могли легко относиться к сыпавшимся на них со стороны подданных великого князя обвинениям в измене, то на крестьян и священников обрушилась двойная несправедливость. Сначала их, точно скот, передали от одного хозяина другому, а затем стали проклинать как «отметчиков». Духовным главой шведских православных приходов оставался новгородский митрополит, и, когда сельские священники из-за границы приезжали в Новгород по своим делам, митрополит срывал с них скуфьи и отсылал назад без благословения, говоря с упреком, что если бы они убежали, то и крестьяне бы за ними пошли.

«И все делаетца против учиненного мирного постановления, что его королевского величества подданные тем обычаем от его царского величества подданных лаяны, проклинаемы и позорены», — жаловались шведы на переговорах. Бояре отвечали на это лукаво: мол, дела действительно творятся нехорошие, но на митрополита влиять они не могут, сам царь в дела церковные не вмешивается.

Едва поутихли имущественные споры и удалось совместными усилиями справиться с людскими толпами, перетекавшими от одного государя к другому, как возникли конфликты при разметке границы. В конце 1617 года на сотни километров был лишь один пограничный знак — камень в местечке Салмис к северу от Ладоги, на котором была высечена надпись: «Здесь установил Густав Адольф, король Швеции, крайний рубеж своего государства. Да пребудет дело рук Его вечно Промыслом Божиим».

От ловкости и хладнокровия межевых комиссаров зависело многое. Они могли бескровным способом отвоевать для своих монархов десятки квадратных километров чужой территории. Межу, то есть границу, вели по рассказам местных крестьян, так называемых старожильцев, издавна прикрепленных к определенному участку земли. Они могли сказать, что граница, например, Копорья исторически идет во-он вдоль того болота в двадцати километрах к западу. А могли и крест поцеловать на том, что где стоят, там и есть линия раздела.

Если мнения старожильцев расходились, а иных документов не находилось, комиссары должны были решать дело по жребию. Если везло русским, старожильцы целовали крест великому князю, обходя затем участок границы с иконой. Нет — землепашцы становились шведами. Надо ли говорить, какие страсти разгорались при столь несовершенных методах межевания! Жалобы на произвол и применение запрещенных приемов сыпались с обеих сторон.

В Стокгольм на стол Густаву Адольфу ложились русские «слезницы», доказывавшие монарху, что его комиссары бьются за интересы короны как только могут: «А на корельской стороне государя вашего межевальные послы Анц Мук с товарищи межи отводят не прямо, насилством, и з жеребья, с образом и по старожилцове скаске по прямой меже не идут и делают во всем упрямством мимо приговор свой...» «Все делают насильством, хотят отмжевать в разных местах себе в длину 40 верст в ширину 30 верст». «Межи кладут во многих местах по государя нашего, его ц. величества земле, не по старожильцовым скаскам и не по сыску волосных людей, своим произволом...»

Русские комиссары, однако, не уступали шведам в изобретательности, когда дело касалось нарезки государственной земли. Чего только стоит одно из посланий Густава Адольфа царю, в котором шведский монарх возмущается действиями слуг русского самодержца! Те, в частности, «приказали своим старосельцам оскорбить Его Королевское Величество, распорядившись, чтобы те спустили порты и повернулись голыми задами к Нашим комиссарам. Так они встали, что стыдно и описывать сие».

Окончательно граница была установлена лишь в 1621 году, четыре года спустя после заключения мира. Впрочем, большинство жителей России даже к этому времени не знало о том, что страна с 1617 года отрезана от Балтийского моря, а сотни тысяч их соотечественников стали шведами. Текст Столбовского мира, открыто оглашенный в Швеции, держался в России в тайне. Великому князю не хотелось, чтобы об огромных уступках, сделанных им Швеции, знали его подданные. В памяти еще были свежи воспоминания Смуты, искра могла вспыхнуть по любому поводу.

Но цена государственной тайны оказалась всего в один рубль. В архивах сохранился любопытный документ от 1627 года: расспросные речи новгородского воеводы Одоевского и двух дьяков, расследовавших по распоряжению Москвы факт утечки государственной тайны. Вот как это произошло.

Подьячие шли к себе в приказ Большим рядом новгородского торгового двора и увидели, что у лавки Богдана Шорина стоят люди и «чтут лись харатейный» — грамоту царя Михаила Федоровича шведскому королю о мирном договоре. Титул царя был, докладывали дознаватели, написан золотом, а «посольская договорная грамота вся описана подлинно». Сиделец в лавке Шорина Срегушка сообщил, что его хозяин взял ее у Степана Прокофьева для снятия копии и положил в лавку. Из показаний Степана Прокофьева выяснилось, что после Столбовского договора его отец отправился из Новгорода в Москву, где пробыл четыре года, вернулся назад в 1621 году «и ту де грамоту привез с собою». Дал ему эту грамоту подьячий, который ее писал, и взял за нее рубль. Сын Степана Прокофьева позволил Богдану Шорину посмотреть грамоту, но тот божился, что «с тово листа себе ничего не списывал, для того что де то дело великое». Степан Прокофьев к тому времени уже умер, с остальных новгородцев спросить было нечего. Дело закрыли.

В 1700 году нападением на Нарву царь Петр Первый начал Северную войну, перечеркнувшую Столбовский договор. Россия вернула себе все потерянные земли и вышла на Балтийское море, отодвинув свои границы со Швецией далеко на запад.

Канцлер Оксеншерна пророчески писал в 1615 году, в период наибольших удач шведского оружия на востоке, что русские за время Смуты «многому от чужестранцев научились, потери заставили их произвести значительные улучшения в своей организации и военном деле». И это делало их опасными в будущем.

Библиография

- Багров Н.И.* Правовые и социальные источники русской смуты. Таллин, 1939.
- Беляев Л.А.* Культура средневековой Москвы. XVII век. М., 2000.
- Богданов А.П.* Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. М., 1998.
- Бутурлин Д.П.* История Смутного времени в России в начале 17 века. СПб., 1841.
- Валишевский К.* Первые Романовы. М., 1989.
- Валишевский К.* Смутное время. М., 1989.
- Варенцов В.А., Коваленко Г.М.* Хроника бунташного века. Л., 1991.
- Векслер А.Г., Мельникова А.С.* Российская история в московских кладях. М., 1999.
- Видекинд Ю.* История Шведско-Московитской войны 17 века. М., 2000.
- Военная история российского государства. СПб., 1839.
- Гордон П.* Дневник. М., 2003.
- Дневник Марины Мнишек. СПб., 2001.
- Забелин И.Е.* История города Москвы. М., 1990.
- Забелин И.Е.* Минин и Пожарский. М., 1999.
- Замятин Г.А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа. Юрьев, 1913.
- «Иностранные сочинения и акты, относящиеся до России, собранные князем Оболенским». М., 1848.

Каргалов В.В. Полководцы 17 века. М., 1990.

Ключевский В.О. Русская история. Ростов-на-Дону, 2000.

Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991.

Коваленко Г.М. Швеция и Россия в 17 веке. Умео, 1995.

Кордт Б.А. Из семейного архива графов Де Ла Гарди. Юрьев, 1894.

Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. М., 1989.

Костомаров Н.И. Повесть об освобождении Москвы от поляков в 1612 году. М., 1988.

Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1991.

Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000.

Кристенсен С.О. История России 17 века. М., 1989.

Лаврентьев А.В. Царевич-Царь-Цесарь. СПб., 2001.

Либрович С.Ф. Соперник царя Михаила Федоровича. М., 1913.

Мархоцкий Н. История Московитской войны. М., 2000.

«Новгородский исторический сборник». СПб., 7(17), 1999; 6(16), 1997; 5(15), 1995.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию. М., 1996.

«Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными». СПб., 1852.

«Памятники древней русской письменности, относящиеся к смутному времени». Л., 1925.

«Посольство Ван Бредероде, Басса и Иоакими в Россию и их донесение Генеральным Штатам». М., 1991.

Петрей П. История о Великом княжестве Московском. М., 1867.

Петрушевский А.Ф. Рассказы про старое время на Руси. Ярославль, 1994.

Платонов С.Ф. Под шапкой Мономаха. М., 2001.

Платонов С.Ф. Смутное время. М., 2000.

Платонов С.Ф. Смутное время. Прага, 1924.

- Платонов С.Ф.* Смутное время. СПб., 2001.
- Пресняков А.Е.* Люди Смутного времени. М., 1905.
- «Россия 15—17 веков глазами иностранцев». Л., 1986.
- «Русские акты копенгагенского архива, извлеченные Ю.Н.Щербачевым». СПб., 1897.
- Саблер Г.Г.* Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди. Юрьев, 1896.
- Селин А.А.* Новые материалы о гомосексуализме в Новгороде начала XVII в. СПб., 2001.
- Селин А.А.* Церковное строительство в Новгородской земле в годы шведского присутствия. Петрозаводск, 1997.
- Скрынников Р.Г.* Василий Шуйский. М., 2002.
- Скрынников Р.Г.* На страже московских рубежей. М., 1986.
- Скрынников Р.Г.* Россия в начале 17 века. М., 1988.
- Скрынников Р.Г.* Минин и Пожарский. М., 1981.
- Станиславский А.Л.* Гражданская война в России 17 века. М., 1990.
- «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел». СПб., 1813—1822.
- «Трехсотлетие дома Романовых 1613—1913». М., 1990.
- «Тысяча лет русской истории в преданиях, легендах, песнях». М., 1999.
- Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в 17 и 18 столетиях. СПб., 1894.
- Шишов А.В.* Минин и Пожарский. М., 1990.
- Юстен П.* Посольство в Московию 1569—1572. СПб., 2000.
- Якубов К.И.* Россия и Швеция в первой половине 17 века. М., 1897.
- Ahlund N.* Gustav Adolf den store. Stockholm, 1906.
- Ahlund N.* Kring Gustav Adolf. Stockholm, 1930.
- Almqvist H.* Sverige och Ryssland 1595—1611. Uppsala, 1907.
- Almqvist H.* Tsarvalet år 1613. Karl Filip och Mikael Romanov. Stockholm, 1908.
- Almqvist H.* Sverige och Ryssland 1595—1611. Uppsala, 1907.
- Cederlöf O.* Vapnens historia. Stockholm, 2002.

Englund P. Ofredsår. Stockholm, 1997.

Göjjer E.G. Svenska folkets historia. Malmö, 1929.

Grill E. Jacob de la Gardie. Göteborg, 1949.

Grimberg C. Svenska folkets underbara öden. Stockholm, 1924.

Kan A. Sverige och Ryssland — ett 1200-årigt förhållande. Stockholm, 1996.

Nerman T. Svensk och ryss. Stockholm, 1946.

Petreus P. Stora oredans Ryssland. Stockholm, 1997.

Podhorodecki L. Slawne bitwy Polakow. Warszawa, 1997.

«Rikskansleren Axel Oxenstiernas skrifter och brevfveling». Stockholm, 1888—1918.

«Svenska folket genom tiderna». Malmö, 1938—1940.

«Sveriges krig 1611—1632». Stockholm, 1936.

Sidenvall F. Det var en svensk som satt fången. Stockholm, 1992.

Spierski Z. Wimmer J. Wypisy źródłowe do historii polskiej sztuki wojennej: Polska sztuka wojenna w latach 1563—1647. Warszawa, 1961.

Tarkiainen K. Vår Gamble Arffiende Ryssen. Uppsala, 1974.

Trifonova A. Den romanska bronsporten i Novgorods Sofiakatedral. Stockholm, 1997.

Tunberg S. Sigismunds förbindelser med Ryssland hösten 1597. Stockholm, 1916.

Viljanti A. Gustav Vasas Ryska krig. Stockholm, 1957.

Wetterberg G. Kanslern Axel Oxenstierna i sin tid. Stockholm, 2002.

Wrangel E. Forssander J.E. Palm T. Svenska folket genom tiderna: vårt lands kulturhistoria i skildringar och bilder. Malmö, 1938.

Zolkiewski S. Expedition to Moscow. London, 1959.

Содержание

Царская карусель	5
Поход на Москву	33
Слава и позор Делагарди	65
Три короны на одну голову	94
Падение Новгорода	133
Карл Филипп против Михаила Романова	163
Опоздание ценою в царство	194
Россию разлучают с Балтикой	219
<i>Библиография</i>	263

Смирнов А.

- С50 Несостоявшийся русский царь Карл Филипп, или Шведская интрига Смутного времени / Алексей Смирнов. — М. : Ломоносовъ, — 2013. — 272 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-153-3

Все беды, казалось, обрушились на Русь в Смутное время. Ослабление царской власти, трехлетний неурожай и великий голод, обнищание народа, разруха везде и во всем, интриги бояр, сменявшие один другого самозванцы, поляки и шведы, алчущие решить в свою пользу многовековые споры и под шумок прихватить то, что никогда предметом спора не было. До сих пор в событиях Смуты немало белых пятен. Одно из них связано с хитроумными комбинациями, которые должны были, по задумке их авторов, привести на русский престол шведского принца Карла Филиппа. Сторонником этой идеи — вот удивится читатель! — одно время был князь Пожарский, русский национальный герой. Книга историка и журналиста Алексея Смирнова являет собой редкое сочетание документального повествования с авантюрным сюжетом. Она написана с опорой не только на российские, но и на шведские источники, часть из которых никогда прежде не попадала в поле зрения российских историков.

УДК 94(47).045

ББК 63.3(2)46

В соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ

6+

История. География. Этнография

Алексей Смирнов

Несостоявшийся русский царь Карл Филипп,
или Шведская интрига Смутного времени

Редактор В. Чуркин
Верстка А. Кашафутдиновой

Подписано в печать 14.06.2013.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 12.
Тираж 1000 экз. Заказ № 1795.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru, E-mail: sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87

Алексей
Смирнов
Несостоявшийся
русский царь
Карл Филипп,
или Шведская
интрига
Смутного
времени

Все беды, казалось, обрушились на Русь в Смутное время. Ослабление царской власти, трехлетний неурожай и великий голод, обнищание народа, разруха везде и во всем, интриги бояр, сменявшие один другого самозванцы, поляки и шведы, алчущие решить в свою пользу многовековые споры и под шумок прихватить то, что никогда предметом спора не было. До сих пор в событиях Смуты немало белых пятен. Одно из них связано с хитроумными комбинациями, которые должны были, по задумке их авторов, привести на русский престол шведского принца Карла Филиппа. Странником этой идеи — вот удивится читатель! — одно время был князь Пожарский, русский национальный герой. Книга историка и журналиста Алексея Смирнова являет собой редкое сочетание документального повествования с авантурным сюжетом. Она написана с опорой не только на российские, но и на шведские источники, часть из которых никогда прежде не попадала в поле зрения российских историков.

ISBN 978-5-91678-153-3

9 785916 781533